

A photograph of a green military amphibious vehicle, possibly a BTR-80, crossing a wide river. Three soldiers in olive-green uniforms are visible on the roof of the vehicle. The water is turbulent and brown, with white foam from the vehicle's movement. The background shows a dense forest of bare trees under a grey sky. The text 'Александр Савельев' and 'Петр Пицко' is overlaid in the top right corner.

Александр Савельев
Петр Пицко

Диагноз: Поисковик

Диагноз: ПОИСКОВИК

Сборник рассказов

2015

Мы посвящаем эту книгу 70-летию Победы, солдатам Великой отечественной, их потомкам, которые помнят и ищут своих героев. И все поисковикам России и зарубежья, которые возвращают с той войны пропавших без вести солдат.

От всего сердца благодарим за работу над книгой и большую помощь в ее издании Олега Титберию и ООО «Северо-Западный военно-исторический центр» г. Санкт-Петербург, Марину Морозову и Владислава Горбачева (г. Рыбинск), Андрея Кочешкова (г. Ярославль), Андрея Кустарниченко (г. Тверь), Сергея Солодянкина (г. Сыктывкар), Евгения Савельева (г. Москва), Игоря Свинцова, Константина Исаева и Валерия Сергиенко (г. Великий Новгород).

Эта книга о войне после войны

Проходит день за днем. Год за годом. Уже почти не осталось ветеранов Великой Отечественной. Их немногочисленные воспоминания дают нам представления о тех страшных и героических днях. Но живут их дети, растут внуки и правнуки, и им не безразлична судьба родного человека, отдавшего свою жизнь за благополучие современного мира.

Эта книга о войне после войны. В ней собраны очень искренние монологи, повествования о реальной жизни поисковиков - простых людей, которые порой войну видели только в кино. Но волею судьбы они по каким-то причинам оказались на Новгородской земле и столкнулись с тем, чего никогда не видели и не

слышали. И так получилось, что это соприкосновение с прошлым перевернуло всю их жизнь и само представление о войне. Они воочию увидели, что принесла война и какой след оставила в судьбах миллионов людей.

В Мясном Бору воевали люди всех национальностей и профессий, со всего Советского Союза. И вот теперь, чтобы найти их останки и узнать имя солдат, защищавших Родину и пропавших без вести, сюда приезжают такие же разные люди со всех регионов нашей когда-то огромной и могучей страны.

В своих рассказах авторы, сами бывалые поисковики, говорят о поиске без прикрас и псевдопатриотики, по-шукшински откровенно и честно. В них - и память, и горечь, и поисковый юмор, без которого в поиске никак нельзя. Просто это очень нелегкая работа - возвращать имена и память из небытия. И теперь у внуков и правнуков солдат той войны есть куда приехать, чтобы поклониться. И есть что рассказать и передать своим детям...

Сам прочел с удовольствием. Читайте и вы. И я уверен, что поисковые ряды пополнятся новыми силами, а в истории Великой отечественной войны исчезнет еще не один белый лист.

Александр Орлов,
командир поискового отряда «Гвардия»

Александр Савельев

Ложка

Диагноз: поисковик

Лагерь

Костер

Лягушки

Тук-тук

Стас-ГЛОНАСС

Последний

Солдат

Ложка

- Папка, а ты скоро придешь? - пятилетняя Верунька вопросительно глядела своими огромными глазищами на отца. Она никак не могла понять, почему вдруг он, всегда такой добрый и веселый, сегодня какой-то хмурый и молчаливый. И играть с ней не хочет.

- Скоро, Верунь, скоро. Как всех врагов победим, так и вернусь.

- А когда ты их победишь? Всех врагов? - Замолчала, задумавшись. - Это завтра? Да? - Спросила с надеждой. - Папка, ты мне кроватку для моей Маняши обещал сделать... - Проканючила обиженно.

Отец присел перед дочкой, обнял ее и, поглаживая ее по белобрысой головке, нежно произнес:

- Сделаем, дочка, обязательно сделаем...

Прижал ее к себе большими сильными ручищами и, сглотнув комок в горле, отвернулся к стене. Внезапно, повинувшись какому-то только ей понятному порыву души, Верунька протянула отцу медную

ложку, которой только что кормила свою куклу. Он, помедлив, взял ее, посмотрел в ясные девчоночьи глаза, и не спеша убрал в карман.

Но ни завтра, ни через неделю, ни через год Верунькин папка не вернулся, чтобы сделать для куклы кроватку и поиграть с дочкой. Первое время при малейшем скрипе калитки она постоянно выбегала во двор. Все ждала - а вдруг?.. Тоскливо провожала взглядом чужих дядей, проходящих мимо их дома. Время шло, тянулись месяцы, а папка все так и не приходил. А она верила всей своей огромной чистой детской душой, что вот-вот, уже скоро-скоро папка победит всех врагов и придет домой. И снова заживут они всей семьей - весело и беззаботно. Мамка перестанет плакать по ночам, а сестры больше не будут обижать ее, самую младшую в семье.

Где-то далеко на западе гремела война, и ее папка побеждал врагов. Верунька уже пошла в школу и в ссорах с одноклассниками всегда грозила: вот придет мой папка с войны, он вам задаст. Часто, встретив на улице человека в форме, она подбегала к нему и спрашивала: «Дядя, а ты моего папку не видел?». Ходила по поселку и специально высматривала военных, чтобы задать этот вопрос. С трепетом и надеждой ждала ответа и, не дослушав, разочарованно отворачивалась. А в сорок пятом каждый день бегала на станцию, встречая фронтовиков. Ну, где же ты, папка мой?

Сейчас уже и не помнит, откуда вдруг в их жизнь вошли эти страшные три слова «Пропал без вести». Как это? Без вести... Как может ее папка пропасть? Мамка снова плакала и, надрываясь на всех мыслимых и немыслимых работах, тащила на себе четверых детей.

Пропал без вести. Как приговор. Пенсии по потере кормильца не положено...

Вскоре переехали в райцентр. И с работой получше, и не так голодно. Хотя и тут голодали сильно. Была лебеда с крапивой, тошнотики из мороженой картошки... Да чего только не ели, чтоб выжить. Послевоенное детство вспоминалось потом тяжело. Но ведь выжили. Ни одна из сестер с голоду не померла, всех мамка выкормила, вырастила и выучила. А вот сама надорвалась, и, выдав младшую дочку замуж, через год слегла в параличе и медленно-медленно умирала.

Давным-давно уже истрепалась кукла Маняша. Верунька окончила школу, поступила в училище при фабрике и стала жить такой же жизнью, как и миллионы ее сверстниц. Работала, вышла замуж, нарожала детей. Но мысль об отце никогда ее не отпускала. Не так отчетливо чувствовалась эта утрата, как в детстве, но отца ей очень не хватало. Как острая заноза сидела она где-то

в самом глубоком уголке ее подсознания. Бывало, мысленно спрашивала у него совета, как ей поступить. И так же мысленно сама себе отвечала за него. Когда вдруг в разговорах заходила речь о ней или семье, она никогда не говорила «мой отец». Всегда только «мой папка».

Как-то раз шестилетний сын Вовка подошел к ней: - Мам, а вот у нас две бабушки, а дедушек что ли не было?

- Да что ж это я! - Спohватилась. Суетливо открыла сервант, достала старенький семейный альбом и протянула сыну одну-единственную сохранившуюся фотокарточку, где веселый папка сидел на крыльце их дома.

- Вот твой дедушка...

Вовка недоверчиво взял в руки снимок.

- Это мой дедушка?

- Да. Твой дедушка Егор.

На следующий день она заказала в фотоателье увеличенный портрет, и с тех пор он постоянно висел в их доме на самом почетном месте.

Все послевоенные годы, сколько она помнит, они с сестрами много раз пытались найти своего отца. Писали во все инстанции, которые могли бы помочь им отыскать хоть какие-то сведения о пропавшем солдате. Но все безуспешно. Ответ отовсюду один: не числится, не значится... Пропал без вести. Давно уже можно было

отчаяться, но она верила, что когда-то папка найдется. Иногда по телевизору видела репортажи про то, как находили на полях боев пропавших без вести солдат. Видела заплаканные и счастливые лица их родных. И переживала вместе с ними, и завидовала им. Мечтала – может, и мой когда-нибудь...

За разными заботами, работами, дачей и хозяйством как-то незаметно подошла и пенсия. Дети разъехались свое счастье в жизни искать. Старшие сестры одна за другой умерли, так и не дождавшись отца. Рано овдовев, Верунька продала все свое скромное имущество, собрала свои такие же скромные сбережения и вернулась в родной поселок, где прошло ее детство. Купила дом и обзавелась двумя козами. Что-то ее все-таки сюда тянуло. Она не думала об этом, но если разложить по полочкам то, что сидело в ее мозгу с далеких-далеких времен, то мысль должна была звучать так: «Папка ведь сюда должен вернуться. В родной поселок».

Так и прожила она здесь тихо, скромно и незаметно почти двадцать лет. Доила своих коз, трудилась в огороде и часто молча разговаривала с портретом на стене. Рассказывала свои маленькие новости, делилась радостями:

- Скоро Ленка-почтальонша придет. Пенсию принесет. А заодно и поселковые новости расскажет. А-а, вот, легка на помине! Что-то уж очень сегодня растрепанная. Бабе уж под полтинник, а все еще Ленка. Суетливая, взбалмошная, но, в общем-то, хорошая и добрая. Глянь, несется как наскипидаренная...

Сердце встрепенулось в тягостном предощущении чего-то очень важного. Она метнулась к калитке, хотя раньше встречала

Ленку всегда на пороге дома. Что-то подсказывало: это Ленкино возбуждение каким-то образом связано с ней.

- Теть Вера, - Ленка аж запыхалась, - Теть Вера, твой папка нашелся! - Выпала она с ходу. Так и сказала «Твой папка». И Верунька сразу ей поверила. Голова закружилась от счастья, ноги подкосились. Она медленно опустилась на лавочку и тихо-тихо заплакала: Папка нашелся. Мой папка...

Ленка что-то там еще трещала про поисковиков, про Новгород, про поселковую администрацию, но она уже не слышала почта-льоншу, а молча наслаждалась одной-единственной мыслью: «Мой папка нашелся!» И не было для нее в мире ничего важнее этой простой истины. Надо же! Дождалась...

А через месяц опять Ленка прискакала.

- Теть Вер, тебе посылка из Новгорода.

Чуть сердце не остановилось у Веруньки. Что такое? Почему из Новгорода? От кого?

Вот здесь написано «Поисковая экспедиция Долина». - Ленка вся извивалась от нетерпения, пока она открывала посылку.

- Смотри-ка, вещи старые какие-то. - Ленка сунула нос в коробку. А Верунька сразу поняла, ЧЬИ это вещи. И не спеша, с трепетом разбирала каждый маленький сверточек. Доставала дырявую эма-

лированную кружку, расческу, бритву, помазок и всю изъеденную коррозией медную ложку. Смутно что-то припоминая из далекого детства, она долго-долго разглядывала эту ложку. Пыталась поймать ускользающую ниточку детских воспоминаний. И вдруг будто пелена с глаз упала, и сразу все встало на место. Она с отчетливой ясностью вспомнила лицо отца, Маняшу и ложку. Ту самую, медную, которую отдала своему папке перед тем, как он ушел побеждать врагов. Ноги опять отказали, и уже не в силах сдерживать себя, она громко в голос зарыдала. А вслед за ней и Ленка...

На похоронах с громкими речами, салютом и оркестром Верунька стояла у маленького гроба, прижимая к груди медную ложку и, улыбаясь солнышку, плакала счастливыми слезами: «Вернулся мой папка, вернулся!».

* * *

Фролов Егор Филиппович был найден поисковиками 17 августа 2009 года в Замошском болоте, в районе окружения 2-й Ударной армии. Среди личных вещей солдата была неуставная медная ложка...

Диагноз: ПОИСКОВИК

Пожалуй, кроме как болезнью это состояние не назовешь. Заболевание это массовое, с жестоким весенним обострением. И поражаются этим неубиваемым вирусом множество внешне вполне здоровых людей обоего пола, всех возрастов, вероисповеданий и уровня интеллекта. Сотни, тысячи зараженных бродяг лазают по толям и болотам, степям и горам, живут в лесу, в поле, кормят своей алой кровушкой всю лесную мошкарку, сами едят кое-как и не-пойми-что. Часто из-за специфических условий проживания в дикой природе грязные, невымытые и небритые, зачастую под хмельком. И забираются в такие дебри, которые и медведи стороной обходят.

Интересный портрет получается, не правда ли? Встретишь такого монстра в лесу - обделаешься. Да не дрейфь - это вполне мирные и нормальные в общении люди. Вот только многие обыватели считают их больными. Да поисковики и сами не отрицают, что у них с головой где-то что-то не совсем в порядке. Сыворотку против этого вируса еще не придумали. Хотя, бывает, что некоторые статьи УК на обозначенный в них срок все же помогают. Но это не всегда и как

правило, временно. В дождь, снег, слякоть, в ночь и за полночь в руках поисковый инструмент, лопата, навигатор. ИШУТ!!!

Чего ищут? Скорей, кого...

Да вот солдатиков наших, в войну убиенных лютым врагом. Не похоронили их после боя. Хорошо, если в воронке лапником закидали или чуток землицей присыпали, чтоб не пахли. И уж совсем хорошо, если в братскую могилу положили, про которую теперь уже никто не знает, где она. Да и все, что с солдатиками этими лежит, и вообще с войной связано, тоже ищут. Котелки-ложки, патроны-гранаты, винтовки-пулеметы. А главное - солдатские медальоны.

Ищут! С тупой и упертой настойчивостью ищут людей, которых никогда в жизни не знали, с которыми никогда ни при каких обстоятельствах встретиться не могли, которые даже не родственники им. Но ищут день и ночь. Потому что эти люди, наши солдаты, им чуть ли не родней и ближе, чем своя семья.

Честно сказать, романтики в поиске я что-то мало вижу. Вот представьте: сидишь ты в яме, выкапываешь человеческие кости, бывает, что и трупанины кусок попадет. Попахивает. Солнце жарит просто люто - июль месяц, комаров и слепней с лица горстями сгребает, пот просто ручьем по грязной морде, сам весь в глине по самую прическу, сапог порван об колючку, и в нем жиж хлюпает. Зашибись, романтика, да? Спрашивается, а зачем поисковикам это надо?

О-о-о! Сколько умных голов себе мозги наизнанку вывернули в поисках ответа. Действительно - зачем? Да вот надо и все! Они ж больные! И с ответом на эти хитромудрые вопросы не мучаются. Просто идут в лес и ищут. Кто-то всю жизнь этому посвящает, кто-то раз в год на неделю в эти дебри забирается.

Каждый болен по-своему, в той или иной степени тяжести. Есть уже полностью неизлечимые, на которых уже доктора-менты с вакциной из 222 статьи УК РФ давно рукой махнули. Есть начинающие, которые в лес только собираются. Но едва один раз в поиск попадут - все! Из здоровых их можно вычеркивать смело - неизлечимы. Обычно контузит так, что все планы на дальнейшую жизнь если не кардинально, то очень существенно меняются. Дальнейшая жизнь начинает подстраиваться под поиск. Нет, конечно же, не всех так сильно тюкает, бывают исключения, когда после первой поездки в лес человек возвращается домой живым и здоровым, без всяких мыслей о том, чтобы продолжить поисковую работу - хватило одного раза. Но в большинстве случаев люди заболевают поиском навсегда, и этот разрушительный процесс необратим.

Цели-задачи у поисковиков тоже отличаются. Ведь в поисковую работу люди попадают по-разному. Общая только конечная цель - найти солдата. Зачем нормальные, здоровые, еще не контуженные поиском на все тело люди идут в лес? Да и контуженные тоже... Конечно, напрашиваются сразу высокопарные слова про

совесть, долг перед павшими, патриотизм и т.д. Ну да, большинство поисковиков начинали свой нелегкий болезненный труд где-нибудь в кадетских школах, турпоходах и т.д. Честь и хвала тем преподавателям, наставникам, тренерам и прочим командирам, которые по-настоящему детям эти понятия доносят. А кто-то от скуки идет в поисковый отряд, кто-то за романтикой, кому-то от нудных родителей в лес сбежать.

По-разному люди поиском заболевают. Но почти всегда неизлечимо.

Ну что заставило меня, 46-летнего мужика в здравом уме приехать однажды в Мясной Бор? Если честно, то барахлишка покопать, повзрывать да пострелять. Наслушался рассказов друга Пашки, как они в лесу куражатся, и тоже захотелось адреналинчику в кровушку впустить. Про бойцов погибших мысль была, но честно скажу - не на первом месте. Наперво думал, как бы выкопать немецкий штык. Пашка говорил, что они там под каждой елкой валяются. Хоть в мешки собирай. Я до поездки частенько по старине бегал с металлоискателем, так что опыт копа был.

Сейчас, по прошествии времени, мысль такая в голову приходит, что куда-то надо было мне энергию девать. Еще не старый, дети выросли и разъехались, дом построен, деревья в три ряда посажены. Чем заняться? Не, конечно можно было по примеру некоторых друзей тупо спиваться, сидя у телевизора. Но судьба распорядилась по-другому. Наверное, ПОИСК готов меня был принять в свои зараженные ряды. Вирус уже поселился в организме вместе с Пашкиными историями. Да и штык хотелось....

Вот с такими меркантильными мыслями я появился перед светлыми очами нашего нынешнего командира. Про него слышал, что круче его в поиске только Господь Бог, да и тот иногда совета спрашивает. И уехали мы в лес, и нашел я там не штык немецкий, а солдата русского. Кто ни разу не находил, моих ощущений не поймет. Словами не передать. Вот тут-то меня, доставшего первую кость из земли, поисковый вирус сразил наповал. Недавно один поисковик сказал, что тот, кто хоть раз держал в руках солдатские кости, будет хотеть это делать еще и еще раз. Правильно сказал. Я-то об этом тогда не знал,

но интуитивно догадывался, что теперь я сюда приеду не один раз, и не два.

Так и получилось. По пять-шесть раз в году. Зачем?? Да не знаю я!!! Надо мне это, вот и все. Здесь, в лесу, я человеком себя чувствую. Психику, израненную в гражданской жизни, здесь, на войне, лечу. И как-то мысли про «барахлишко покопать» ушли на второй план. В первую очередь - бойцы. Нет, конечно, интересную железку я не выкину, когда найду. Но главное - это солдаты. Все остальное второстепенно. А патриотизм, долг перед павшими? Да не люблю я этих громких слов. Сейчас эти понятия до того выхолощены, что и произносить не хочется. Плюнуть некуда, кругом одни патриоты. Особенно в кабинетах да на трибунах.

А вот еще пример того, как люди в поиск попадают. Живет мужик, жизнью затюканный: квартира-коммуналка, зарплата - смех, детей куча мала, жена постоянно пилит, что денег нет, все мужья, мол, как мужья, а ты ... Ну и так далее. А тут друзья позвали в лес. Вина попить на природе, бабахнуть-стрельнуть что-нибудь. Ну, там еще гильзы валяются по всему лесу. Да долбись оно все конем - поехали!!!

Приехал. С друзьями водочки попил, расслабился от рутины да на обратном пути пару мешков гильз латунных набрал. Сдал в цветмет. Ого!!! Ни себе фига!!! На тебе, жена, на новый пододеяльник и детям на тетрадки. И папка три дня всеми любимый ходил. Задница от счастья улыбалась. Вон оно, как оказывается, можно семейный бюджет пополнить.

И зачистил мужик на поля сражений. И жизнь семейная наладилась. А в один прекрасный день, выгребая гильзы из дегтяревской пулеметной точки, нашел и самого пулеметчика.

Оба-на! Так вот кто мне тут гильзача пять мешков заготовил! Спасибо тебе, солдат. Аккуратно собрал мужик косточки в рюкзак. Не выкинул. Совесть есть у мужика. Дед в войну погиб, бабка в блокаду померла. Таким вот макарон и стал дальше солдатиков наших искать. Пулеметчик тот в башке крепко засел. Ну и цветнину, конечно, тоже не выбрасывал - жить-то надо...

Много поисковиков так живут. И цветниной промышляют, благо ее на местах боев горы. Да и другими артефактами приторговывают. А что? Не зорно ни сколько. Сходил в лес, нашел, откопал, продал. И семейный бюджет поправил, и себе на новую палатку или спальник отложил в кубышку. Поиск-то денег стоит.

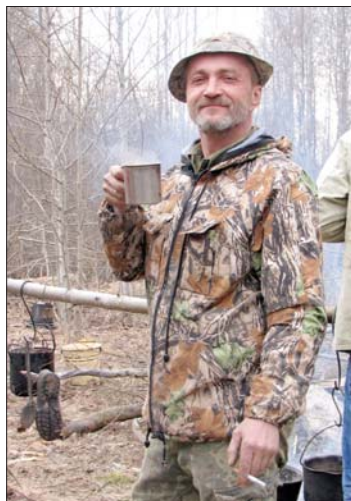
Затрат много, хотя поисковая работа государством у нас якобы финансируется. Может, до нас просто не доходит, или мы не в том государстве живем? Хотя, вроде, в России. Тогда «где деньги, Зин??». А-а, на патриотическое воспитание подрастающего поколения потрачены... На слеты, линейки, прочие мероприятия, юбилеи, соревнования. Понятно... Да ладно, чем бы дитя не тешилось... Мы уж как-нибудь сами. Котелок эсэсовский продадим, и на бензин с

тушенкой нам хватит. Почти на самокупаемости.

Ну, что вы там про «черных копателей» заголосили? Это кто? Негры в огороде? Не нужно нас красить! Нет у нас ни черных, ни белых, ни красных копателей. Не можем мы делиться по цвету. Делимся мы только на тех, у кого есть совесть, и тех, у кого ее нет.

Знаю людей, которые в лес ходят конкретно за трофеями. И не скрывают этого. Найти, выкопать и продать. Но солдатские кости никогда не раскидают в погоне за раритетной флягой или подписным котелком. Соберут, принесут и передадут для захоронения. А есть такая мразота среди официальных красных «следопытов», которые сразу по приезду в лес за гансовским барахлом на их блиндажи чуть не бегом несутся, а найдя нашего солдата, кости в лесу оставляют. Типа, нести далеко и тяжело. Да и места в рюкзаке нет - каски да фляжки все заняли. Ну, и кто тут какого цвета?

А еще про тех, кто трофеи на продажу копает, такие сказочные истории в Интернетах и прочих СМИ ходят. Что, якобы, на этом черном деле кое-кто себе капиталы наживает, чуть ли не в золотой горшок гадить ходит. Обхохочешься! Ну вот честно - не видел я таких среди тех людей, с которыми приходилось встречаться в поиске. Ну хоть убей, не довелось у костра посидеть в лесу с таким олигархом, сколотившим состояние на продаже военных артефактов. Спившихся, с убитым здоровьем, с надорванными

спинами видел. С оторванными пальцами и без глаза тоже встречал. С крупинками пороха, вросшими в кожу лица, тоже. Судимых и отсидевших по «трем гусям», глухих от контузии и с огнестрельными ранами. А вот чтоб человек сказочно разбогател, копая гансовские блиндажи, - такого не видел. Все это бред.

Найти солдатский медальон с фамилией бойца - для поисковика высшая награда за свой неблагодарный труд. Это как орден на войне получить. А уж орден или медаль найти - это уже высший пилотаж поиска. Хотя, фамилии солдат не только по этим вещам устанавливают. Бывают подпи-

санные ложки, котелки, фляги. Бывали и на ремнях надписи. Да где угодно солдат мог свою фамилию нацарапать.

Но ведь мало фамилию прочесть. Нужно же еще и родственников найти. А эта работа тоже очень нелегкая. Больше семидесяти лет прошло. Раскидало всех по стране. И вот тут подключается отдельная категория поисковиков. Некоторые из них и в лесу ни разу не были, но ценность их от этого не уменьшается. Они ищут в архивах, пишут запросы в военкоматы, в администрации. Помещают информацию

в газеты, в интернет. Поиск родных солдата идет по всей стране. В большинстве случаев результат оказывается положительным.

Родственники

найлены. И когда видишь слезы на глазах 75-летней дочери у гроба ее навсегда 25-летнего отца, понимаешь, что не зря ты на земле живешь. Испытываешь удовлетворение, как от хорошо выполненной работы.

При встрече бывает, что дети, внуки, правнуки солдата выпадают из реальности. Спрашивают: а как он погиб? А как воевал? А он сразу умер или мучался?

Да откуда же я знаю, дорогие вы мои!? Я-то живу здесь и сейчас!! Не воевал я с ним в одной роте, и из одного котелка не ел. Иногда обижаются, что не смог ответить на эти вопросы. Да ладно... А многие называют нас своими родственниками. И наверное, это так и есть. Мы становимся для них такими же членами семьи, как и их погибший прадед.

Бывают еще интересные истории, как люди в поиск попадают. Вот, например. Нашли мы как-то погибшую медсестру - с медальоном. Повезло, что медальон был аккуратно заполнен. По этим записям и вышли на племянницу этой медсестры. Приехала она на место гибели своей тетки. Ну, а дальше, наверное, все понятно и так. Так мощно дамочку контузило поиском, что с первого дня пребывания в лесу только и разговоров, что про наших солдат, да про поисковую работу.

- А дайте мне попробовать с прибором поискать.

- На, попробуй...

Буквально через пятнадцать минут:

- Ой, а это что?

- А это пассатижи в сапоге у командира Красной армии. Вот и берцовая кость.

Глаза расширяются от осознания того, что она САМА нашла нашего солдата.

Везет же новичкам. Сам, бывает, по несколько дней болота топчешь, ноги до задницы сотрешь, семь потов сойдет, пока найдешь верхового. А тут - на тебе! И металлоискатель-то первый раз в руки взяла. М-да-а. Диагноз - Поисковик. Так с тех пор по лесам с нашим отрядом и скитается. Кстати, знаком с еще одной такой же барышней, у которой прадеда нашли Карельские поисковики. Теперь она с ними Карельские сопки и болота топчет. Наверное, и еще такие есть. Эту сразу легко подцепить.

Журналистка одна как-то все спрашивала, чего да как. А я ей - чего, мол, рассказывать, поехали, говорю, сама все увидишь. Приехала, посмотрела. Случилось заболевание в тяжелой форме с первого выхода в лес. Вот так вот запросто пришла и нашла солдата. Теперь даже зимой с нами в поиск ездит. Безнадежный случай. А статьи про поисковиков пишет - читаешься. Что значит, человек в теме.

И уж отдельная тема о том, как в лесу большие поиском особи разного пола находят друг друга для дальнейшей совместной жизни. Мало того, что сами круглосуточно лесом бредят, так и детей своих специально этим заражают еще в утробе матери. Женщины на четвертом-пятом месяце беременности в лес едут. Вот и выходит, что целые династии в лесу ищут солдат.

Командир наш - сын поисковика №1 в стране. С 10 лет не вылезает из лесов и болот. Более десяти тысяч найденных им солдат считались пропавшими без вести. Сотни установленных имен. Уму не постижимо! Да и жена ему под стать. В лесу и познакомились - больше нигде было. Такой вот семейный образ жизни у них. Сын, не смотря на молодость, уже опытный поисковик. Даст сто очков вперед некоторым матерым копарям.

Еще бы - с пяти лет комаров в лесу кормит. И в «войнушку» совсем не с деревянными автоматами играл.

Да много их таких, как он... И ведь никто их силой туда не тащит. Сами чуть не бегом в поиск несутся. Слезы-сопли по щекам размазывают, если за двойки в школе их на очередную вахту не берут. Жестокое наказание! Этим детям не надо любовь к Родине прививать, про патриотизм лапшу вешать на уши. Они за Родину и без этих лишних словоблудий порвут в лохмотья. Вот с таки-

ми в разведку не страшно идти. Не боятся. И для них это НОРМАЛЬНО. Найти погибшего солдата и достойно его похоронить - это норма жизни.

А, может, все наоборот? Если взять и плюс с минусом поменять местами, то выходит, что поисковики - это нормальные и здоровые люди. Со здоровой нравственностью и понятиями о морали и общечеловеческих ценностях. А те, которые задают вопрос «А сколько вам за это платят?»... Вместо ответа иногда просто хочется взять лопату и уе... Ну, вы, надеюсь, поняли.

По-разному люди и в лесу себя ведут. Кто-то с первого дня уходит в «страну волшебных пузырьков» и дня три из лагеря не выползает. Снимает алкоголем накопившийся в бешеной жизни стресс.

Я не осуждаю этого. Если, конечно, в разумных пределах, без стрельбы, взрывов и беготни по лесу со штыками за призраком оберфельдфебеля. Таких людей можно понять. Накопившаяся усталость,

встреча с друзьями, которых не видел много месяцев. Сами посудите: приехали в глухой лес человек пятнадцать-двадцать взрослых мужиков. Что они будут делать в первую очередь? Правильно. Водку пить. У костра вспоминать свои лесные походы: а вот Вовка в прошлом году нашел... И понеслось. И песни, бывает, поют. Вот только не про любовь-морковь, а все больше про войну, вытирая украдкой хмельные слезы.

Но пройдет похмелье, и они с таким же яростным усердием будут от зари до

зари с крюком и вертухой долбить ямы, воронки, ячейки. У них есть цель - найти наших солдат. И этому подчинен весь распорядок дня, любое движение и любые слова. Найти солдат.

Кто-то сразу по приезду, даже не поставив толком палатку, уже бежит в лес. До того душа зимой истосковалась по поиску, что просто невмощно. В глазах блеск и в ногах легкость. Азарт, как у игрока в рулетку. Радикулит, одышка, давление, головные боли - это все осталось там, в гражданской жизни. Здесь, на войне, болеть некогда. И ведь как ни странно, никто в лесу в поиске не болеет. Ну, или почти никто. Компьютерные черви, не отрывающие задниц от стула целыми сутками, на вахте с такой яростью вгрызаются лопатами в землю, как будто всю жизнь этим только и занимались. Люди,

которые на машине в булочную за 100 метров от дома ездят, здесь пешком наматывают по пересеченке такие километражи, что диву даешься.

Здесь, в поиске, В ЛЕСУ, как мы говорим, человек именно тот, кем он на самом деле является. Там, «на гражданке», все мы ходим в масках, чего-то боимся, стесняемся чистых искренних слов и мыслей, прячемся сами от себя. Как будто шелуха какая-то на нас всех вырастает.

Здесь, в лесу все свои. Мы тут все из одной палаты. С одним диагнозом. Вся скорлупа с людей слетает, и обнажается истинное лицо. У кого-то привлекательное, у кого-то не очень. Ну, уж какое есть...

Часто ловил себя на мысли, держа чьи-то кости в руках. Вот жил человек, так же учился, работал, водку-пиво пил, любил или просто по девкам шастал. И мать-отец у него так же были. Мечтал о чем-то, планы на долгую жизнь строил, семью создавал. И вот он у тебя в руках. Кто ж ты, братец? Что ж ты медальон-то не заполнил?.. Досада и горечь от того, что бессилён исправить эту несправедливость. Ведь было же имя у него. Было. Да и сейчас есть. Но вот, поди - угадай...

Еще про один интересный симптом поисковой болезни хотелось бы упомянуть, который меня в первые поездки немного обескуражил. Это мрачный, черный почти цинизм по отношению к останкам солдат. Да-да. Именно цинизм на пределе допустимого, на грани дозволенного. Послушаешь поисковиков во время подъема воронки или просто верхового солдата и невольно задумаешься, а те ли самые они, за кого себя выдают? Фразы типа «суповой набор», «мослы», «трупак» и т.д. с непривычки очень даже режут слух. У новичка обычно глаза на лоб лезут, когда из ямы опытный товарищ достает череп со словами «Бедный Йорик», и этот череп просто кладет в ведро. Мятое, ржавое ведро... Казалось бы, ЧЕЛОВЕКА выкапываем, откуда и почему такая веселость на лице?

Скорбеть надо бы. Да вот фигу вам! Нахожу бойца, у которого в кармане упаковка немецких презервативов. 15-17-летняя молодежь из

Барнаульского отряда мгновенно растащила на сувениры. Причем, все это сопровождалось вполне «взрослыми» комментариями с матом и солеными шутками. У другого нашего солдата в толстом кожаном кошельке 3 рубля 52 копейки мелочью по 1-2-3-5 копеек. Первая мысль - ЕВРЕЙ!!!

Или вот еще один наш боец. В ячейке. У него три кружки, две ложки в ботинках и две в вещмешке, там же три бритвенных станка и запасная пара ботинок. «Вот ведь, сука, своих мародерил?». Подобные, не совсем патриотические мысли при раскопе сплошь и рядом возникают. Но при всем при том к останкам отношение очень бережное и трепетное. Какой бы он ни был, это наш солдат. Ну, а сам подъем бойца или, по-научному, эксгумация, сопровождается зачастую веселыми шутками, подколами, разговорами ни о чем, трепотней на разные темы. Люди просто делают привычную работу. Не совсем, правда, обычную, но привычную, слегка рутинную и нужную (кому???). Это примерно так же, как хирург и анестезиолог при проведении операции могут про баб поговорить или смачный анекдот вспомнить.

Если вы думаете, что поисковики по утрам поют Интернационал и на раскоп идут с флагами и патриотическими песнями, в ямах работают со скорбными, серьезными лицами, а по вечерам устраивают антивоенные митинги, то вы очень и очень глубоко ошибаетесь. О, Боже! Посмотрели бы вы хоть раз на один поисковый день обычного рядового поискового отряда. Мир бы в ваших глазах перевернулся. Хотя, не буду отвлекаться. Про быт поисковиков очень хорошо написал Алексей Ивакин. Кому интересно - прочитают. Да и наш командир в последнее время тоже литературкой баловаться начал. Много интересных рассказов «намемуарил».

Да, мы такие же обычные люди, как и все. Со своими тараканами в башке. И если у вас они бегут слева направо, то у нас сверху вниз. Или наоборот. Не важно. Не можем мы без юмора в лесу. Это наша защитная реакция на это огромное - в полстраны - кладбище, на эту жесточайшую несправедливость по отношению к погибшим и не захороненным бойцам. На цинизм, вот в этом случае уже настоящий цинизм власть предержащих, когда с трибун слышно одно, а на деле совсем другое... Не буду про это. Противно.

Да и закончу на этом. Вывод из всего сказанного делать никакой не буду. Пусть это просто будет размышление «на тему». Размышления больного человека о своих больных друзьях. Дай им Бог здоровья, быстрых ног, сухих дров в костер, теплого спальника и крепкой палатки.

Лагерь

Я - поисковый Лагерь. Или Лагерь в лесу, который поисковики построили. Как вам лучше нравится. Нет, не те поисковики, которые в интернете вам всякую дурь ищут. А люди такие есть, которые ищут солдат, погибших в войну и не похороненных. Вот они и называются поисковиками. Они меня тут и построили. Трудюлюбивые ребята. Навесов наколотили, столы - скамейки соорудили. Кострище организовали такое, что в пору не только макароны с тушенкой варить, а изысканные блюда выпекать, хоть те же блинчики. Дорожки жердочками между палатками и навесами выложили, прямо проспекты какие-то. Настилы под палатки сделали, аж душа радуется - ровненькие, высокие. Весной в лесу воды много, не в луже ведь палатки ставить. Умывальники себе соорудили из пластиковых бутылок. А уж туалет... Не вылезал бы оттуда, чесслово!

А на входе у меня даже какое-то божество для прикола соорудили. Это, типа, бог поисковый. Удачу должен приносить. Дедушка Хабар его зовут.

Живу я тут в лесу уже пятый год. Хорошо здесь. На природе да на свежем воздухе. Не всегда, правда, спокойно. Но что поделать - профессия у меня такая. Лагерем работаю. Этих чумазных-бородатых, а иногда и поддатых, приютить, накормить, обогреть надо. Кочечку

повыше да помягче под натруженную зад.... то есть эту... спину, подсунуть, дровину посуше припасти в костер. Тентом от дождя прикрыть. Да мало ли чего еще потребуется. Все делаю усердно, хоть и не всегда с удовольствием. Есть на то причины, но об этом позже.

Работа у меня сезонная. С апреля и до белых мух. Зимой мои обитатели предпочитают жить в городах. Говорят, там теплей. Не знаю, не был. Не выездной я. А зачем? Мне и тут хорошо. Я ведь зимой не мерзну.

По весне, еще снег кое-где, а уж слышу - тягач тарахтит. Ну, все, значит, отдых закончился. Пора гостей принимать. Они-то думают, что раз уж тут меня построили, то они хозяева, а не гости. Да сейчас! На постоянном месте жительства здесь я, а не они.

Ого!!! Аж на двух тягачах едут! Ничего себе! Где ж я тут вас размещать-то всех буду? На фиг-на фиг. Половину назад везите. Местов нету! ...Вылезают, такие деловые... Руки - в брюки... Хозяйским взором осматривают меня... Что ж, здорово, Бродяги лесные! Гляжу - старые знакомые. Родители, можно сказать. Что-то порастолстели вы, братцы, за зиму. Хоть и ворчу, а ведь соскучился я без вас. Тоска зимой. Не нужен никому. Разве что зверь какой забредет.

Да ладно уж, располагайтесь все. Найдется место. Да и не так уж много вас, как показалось. Пара десятков всего. Давайте, тащите ваши пленки, тенты, палатки, топоры, гвозди. Примемся за работу. В

порядок меня требуется привести. Дорожки подновить, кое-где жердочки заменить для навесов. Ага, и вон там еще скамеечку новую сколотить, а то какие-то два придурка по осени ее в костер определили.

Глянь, засуетились как. Флагов навешали, будто сходняк в ООН. Смотрю, палатки новые привезли - в том году таких не было. И генератор уже другой. Форма новенькая на всех. Надо же. Спонсор что ли богатый появился? Повезло, коли так. На поисковую работу спонсора найти - подвиг. Выхлопа- то ведь никакого. Только моральное

удовлетворение. О-го!! А жарчки-то сколько!!! Они тут что - до зимы жить собрались? Или еще кто приедет? Да уж... Банками консервными мою помочку завалят под самое горлышко... Да пусть. Лишь бы закопали потом. А то ведь бывает, что и по кустам раскидают. Нет-нет, у меня такого не было. А вот от соседнего Лагеря слышал. Он тут в полукилометре от меня работает.

Эй!!! Ты что делаешь?!!! Командир, скажи ему, чтоб костер пока не разжигал! Там в кострище два осенних придурка детон от немецкого «полтинника» в золу зарыли. Шваркнет сейчас!!! Убить не убьет, а без глаза оставить может. Техника безопасности для кого существует? Едрит твою налево!!!

Фу-у-у... Давай-давай, проверяй. Нашел? То-то же, салага! Проверь еще раз. Вдруг я чего не заметил... Вот теперь можешь и чифир для командира заваривать.

Вот и интересное начинается. Троица знакомая по прошлым годам. Зашкерились за палаткой и водочку уже разливают. От командира прячутся. Он уж очень не любит пьянства в лесу. А эти, значит, его нервную систему решили поберечь

- втихаря бухнуть. Ну-ну. Он же вас, клоунов, в миг раскусит. Базу хоть нормально поставьте, а вы сразу «За приехало» пить! У толстого даже и палатка еще не стоит нормально, прутьев каких то накрутил. Тряпку сверху бросил. Он что? так и будет в этом вигваме две недели жить? А вон тот длинный, похоже, еще вчера начал «заезжать», что-то как-то очень быстро повеселел. По старым дрожжам, видимо, чудесно привилось. Не могут вечера дожидаться, когда у костра все усядутся. Вот тогда и по коньячку можно вдарить.

Новеньких, смотрю, человек пять приехало. Молодые еще. Первый раз, наверное. Давайте-давайте, окунитесь в поисковое движение. В прямом и переносном смысле. Вы еще не знаете, что вам предстоит. Есть тут такой прикол. Называется Посвящение в поисковики. Дурь несусветная, но весело. Это когда по грязи ползать надо, воронки переплывать, В начале мая водичка - просто мед! А дальше к слову «мед» сами рифму придумайте.

Вроде ничего так ребята. Старательные. И топором работать умеют, и от работы не прячутся. А то два года назад приехали такие перцы,

крутые все из себя, разодетые, да камуфлированные, Рэмбо отдыхает. А по сути-то - маменькины сынки. Ни дров наколоть, ни костер развести. Руки даже не из задницы растут, такое ощущение, что вообще ни откуда не растут. Нет их. Всего уменя - только сгущенки вволю налопаться, да на гитаре до утра вопить. Утром воронку с бойцами поднимать - не добудишься. Таблеток от простуды и от поноса мешок сожрали. От меня дальше десяти метров отойти боялись. Без навигатора - никто. Один вон отошел без навигатора в кусты, погадить на природе, Нашли только через три часа. Заблудился. Ором своим всех дятлов мне распугал. Тоже мне, юные патриоты Родины. А эти вон как усердно тент натягивают. И подсказывать не надо. Чувствую, что с ними надолго подружусь. И искать не придется в кустах.

то, что тут железа было больше чем деревьев в лесу. И про саперов, которые на тягаче «запорожец» переехали по пьяни. И про то, как мужик постригался горячей головней. Про блиндажи, хламом под потолок

Эх, до чего же я молодец. Прямо красавец, а не Лагерь. Умыт, побрит, причесан. От костра вкуснятиной тянет. Сейчас мои обитатели ужинать усядутся. А потом под коньячек начнется бесконечное — «а помнишь, в прошлом году....., а вот еще случай был.... И понеслось до самого поздна. Каких только историй я тут не наслушался. И про

заваленные. Особенно командир - любитель на свежие уши лапши навешать. Он там у себя на гражданке поваром работает. Вот уж мастер байки травить. Даже книги в последнее время писать начал. Во, как его распирает! Хотя, оно и не удивительно. Больше сорока лет поиском солдат занимается. Много всего видел. И грустного, и смешного...

Ну-ка, ну-ка... Что-то я эту историю не слышал еще. Это когда было? Ха-ха. ...Что-что?? Он с фонариком?!! Тебе задницу мазью от комаров мазал?!!! Уржешься!!!

Бу-бу-бу. Га-га-га!! Гы-гы-гы... Одна байка круче другой. Да под стопочку. Почти до утра и просидели. Гитару растерзали в хлам. Толстый что-то с коньячком перебрал. Не дополз до своего вигвама. Так и уснул под скамейкой у костра.

А длинный в чужую палатку вперся. Да прямо в грязных сапогах в чей-то спальник и забрался, невзирая на мат хозяина. Ох, и чудики...

Я вот заметил, что когда с молодежью приезжают, то есть с «пионерами», как они их называют, то быстро этот бардак командир пресекает. А когда сами по себе, одни взрослые мужики, то могут и по нескольку дней «заезжать». В этот раз, я так думаю, не даст им командир вволю погулеванить. Работать надо. Солдат искать. За тем и приехали. Это у них Вахта называется.

Утро... Тишиной и не пахнет. Из палаток храп и сонное пьяное бормотание. У костра уже какая-то девица дрова колет. Конечно, больше же некому. Чья-то тень под лавочкой ругается матом, потому что не вылезти оттуда никак. А вот закатиться туда ночью получилось быстро. В одной из палаток глухой, звякающий и булькающий звук. Странно... Что бы это могло быть...?

А вот и командир – уже из леса возвращается!!! Раненько же он встал. Или просто не ложился. Усни тут, попробуй, когда вокруг все барагозят. Уже железяку какую-то тащит в руке. Сколько я этого железа тут повидал. Десятки тонн, наверное. К концу Вахты целая поляна этими сувенирами завалена. Стволье, каски, траки танковые, котелки, кружки, и прочие всякие атрибуты прошедшей войны... Они их потом к себе в музеи тащат, да в свои личные коллекции. А мне оставляют то, что уже никому и никогда не понадобится. Да и ладно. У меня тоже получается свой музей, хоть и из такого ненужного железа. Три года назад один мужик притащил винтовку из леса, чего-то там топором наковырлял, она и заработала. Во, тогда повеселились. А после этого мужик взял да тем же топором там все и испортил. Больше винтовка не работает. Лежит теперь у меня в воронке, на самом дне, в глине. Экспонат мой.

Да они тут частенько развлекаются. Наташат патронов из леса, в железный ящик от мин насыплют - и на костер жарить. Патроны из ящика то не разлетаются. Стреляют, щелкают, искры летят. Веселуха! Обычно в последний вечер перед отъездом устраивают этот салют.

Оживаю я, оживаю. Зашевелились поисковички. Толстый уже не под, а на скамейке сидит. Кашку лопает. И остальные ночные сидельцы подтягиваются. Некоторые уже в бодрейшем расположении духа. Не зря, видимо, там у них в палатке булькало. Сейчас позавтракают и разбегутся по лесу. Кто-то через пару-тройку

часов вернется и досыпать упадет. Кто-то до позднего вечера не придет.

Дежурные!!! Вы из этой воронки воду для еды не берите. Там в прошлом году один балбес свои рваные сапоги и потные носки утопил. Лягушки через пять минут кверху пузом всплыли. Вон там, в старом блиндаже чуть подальше есть хорошая вода. Чистенькая... Кто знает, может, блиндаж строил дед-прадед того длинного поисковика, который меня тут поставил? Все может быть. Получается, что этот блиндаж - мой родственник? Дед-прадед?

Кого только не приходилось видеть у себя за пять лет. Как-то раз даже сексуального маньяка узреть удалось. Вроде уgomонились все, смотрю - крадется кто-то с фонариком к палатке. А я же знаю, что в этой палатке девчонка одна поселилась. Но она-то уже спит, а этот крадется. Подлез под тент, что-то там копошится. Вдруг слышу, девчонка громко так заговорила. Типа, кыш отсюда, маньяк. А он такой настойчивый оказался, не хочет уходить. Я же, говорит, маньяк, не могу, мол, просто так уйти. Меня же коллеги засмеют, с работы уволят... Хорошо, в соседней палатке дядька проснулся. Вышел и прогнал его.

А какая здесь любовь-морковь у молодежи происходит... Да и не только у молодых. О-о-о-о, Шекспир бы столько сюжетов здесь

нашел... Бывает, что до поездки в лес люди даже и не знают друг друга. А тут – раз! С первого взгляда. На одной волне. Потом семьи создают. И снова ко мне приезжают.

А сколько приходило ко мне любителей рвануть чего-нибудь, даже и не сосчитать. Нет, не с отрядами, а так. Сами по себе приходят. Я ж готовый. Меня не надо строить. Палатку на настил поставил – и живи, сколько хочешь. Вот и приходят всякие любители спецэффектов... Приволокут дуру килограмм на 100, хорошо еще в отдалении от меня в костер заложат, за бревна попрячутся и ждут, когда бабахнет. У меня от этих «саперов» все деревья осколками иссечены. А бывает, что и прямо в кострище мину бросят и уйдут. Она ж разворотит все. Следующие, которые поумней, ко мне приходят и плюются, что кострище восстанавливать надо. А как-то раз мина взяла и не взорвалась. Полгода пролежала. Пришли потом двое и не глядя огонь разожгли. Она и жажнула. Хорошо хоть живы оба остались. Один с котелком за водой отходил, а второй по малой нужде за дерево. Так заодно и большую сразу справил.

Ну вот, наконец-то и длинный из палатки выполз. Прошлогоднюю траву с головы стряхивает. Он там что? Прямо на земле спал? Хотя, этому пофиг. Мужик крепкий. Он меня и строил. Сейчас встрепенется, крюк свой на плечо положит и уйдет до позднего вечера. Я уж его давно знаю и уважаю. Не одному десятку Лагерей жизнь дал. Матерый поисковик.

А еще я мысли могу читать. Даже не читать, а просто слушать. Их никто кроме меня не слышит. Особенно вечером, когда все у костра собираются. Вот тогда и слушаю, о чем поисковики думают. Эти мысли в один хор сливаются. Сразу и не поймешь, чьи это:

- Ох, спина моя, спина, что ж так болит-то, зараза. Мази надо у Надьки спросить... - Хорошо-то как здесь, среди Людей, там же - все уроды какие-то...

- Бумаги надо в Штаб подготовить, отчеты. А кто хоть их читать-то будет, кому это надо?

- Может, хватит уже по лесам скитаться? И так почти всю жизнь здесь провел. А смогу ли без леса? Нет. Так здесь и помру, наверное...

- Сколько же хоть у нас найдено? Та-ак, пять, потом еще эти два в ячейке, воронка на краю - еще трое, потом в болоте один. Да когда же хоть они закончатся?

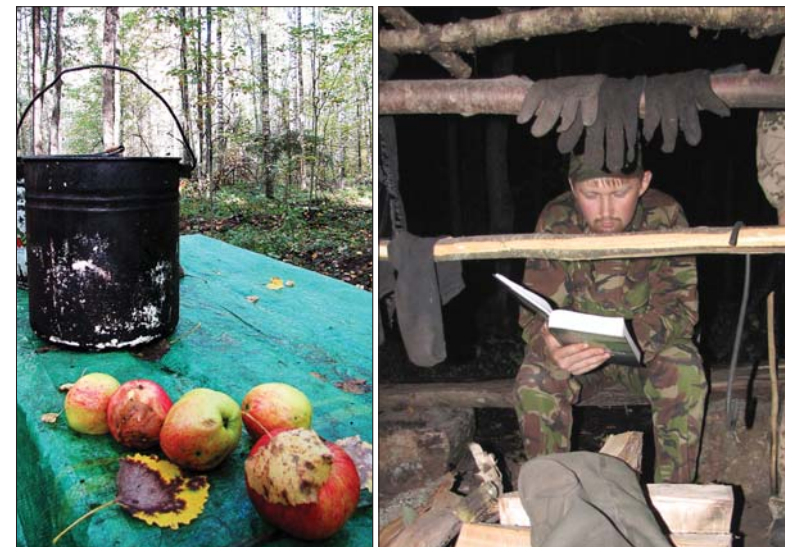
- А Ленка ничего так себе. Заняться что-ли ею поплотней... Улыбка красивая, сама стройненькая. Надо ей вчерашнюю эФ-ку подарить...

- Как же надоело все это за неделю. Скорей бы эта долбаная вахта кончилась. Домой хочу, сил уже нет грязищу вашу месить, да кости вытаскивать из глины...

- Что-то выпить хочется, у длинного, наверное, заначка есть, может спросить?...

- Чего он на меня так смотрит? Нет бы эФ-ку вчерашнюю подарил. А то только смотрит...

- В августе надо опять на эту же базу вставать, тут еще не один год копать...

- Как же хоть они тут воевали? Мы тут сытые, сухие. Не стреляют, не бомбят. Отдыхаем сколько надо. А они под обстрелами круглосуточно, голодные, раненые, по колено в воде. А я смог бы так? Не знаю...

- Костер, тепло, ничего больше не надо... Патрончик надо будет припрятать. Дома щелкну на даче в костре... Дровишек, что ли, попилить, сушину там недалеко видел. Или ну его нафиг, дежурные напилят... Пора курить бросать, на дальняк тяжело ходить стало...

О! Дождались наконец-то! Телевидение приехало. Они каждый год приезжают и снимают наши сенсации. Меня со всех сторон, костер мой уж очень любят запечатлеть. Командир, как обычно, интервью дает, как самый крутой поисковик во всей вселенной. Это уж по традиции. Каждый год киношники приезжают, и каждый год он им по ушам ездит. Больше него никто про эти места не знает и не расскажет так интересно. А рассказывать он мастер. Иногда и наврет, но до того правдоподобно, что безого-

ворочно верят. Откуда только ни приезжали нас с командиром снимать. Со всех местных, не местных и центральных каналов, со всех близлежащих стран. Пожалуй, только в «Дом-2» его усы не промелькнули, а так везде уже засветился.

Сегодня что-то он совсем в ударе. Бог ты мой, что он несет??? Что городит??? Даже мои полиэтиленовые уши от этого бреда вянут. Видимо, разозлили командира чем-то эти репортеры, или канал их чем-то не угодил нашему Маэстро. Что это? Хрономиражи! Тени солдат в лесу! Голоса из-под земли!!! Выдает им эту чушь и сквозь прокуренные усы ухмыляется... А эти-то, лошары, рты пораззявили, уши, как у чебурашек, оттопырили, верят ведь, верят, дурачье. Аж в две камеры снимают. О-о-о. Представляю, какой это будет сенсационный репортаж!!! Просто бомба...

Ну вот, наконец-то начинают мои обитатели возвращаться. По довольным физиономиям вижу, что не зря ноги топтали. Нашли. Бойцов наших нашли! Ох, и сколько же их здесь сгнуло... Весь лес костями усеян был. Сейчас, конечно, пособирали много, но и осталось не мало. Да вот и у меня в трех метрах от кострища лежит один лейтенант. И медальончик у него есть. Но почему-то в голову никому не приходит поискать рядом с костром, за новой лавочкой... А так уже давно бы нашли его. Почему сам не подсказал? Так я уж и намекал по-всякому. То птичку чирикающую рядом на ветку посажу, то цветок прорасту прямо рядом

с медальоном. Вчера вот пенек под ноги одному подсунил, думал, споткнется и задумается, почему упал. Нет, не понимают моих намеков... А кричу - не слышат. Да я не сомневаюсь - найдут. Какой-нибудь салага пойдет кругами вокруг костра минник пробовать, да и пропоет ему ложка в сапоге моего лейтенанта...

Встанет он и присоединится к тем своим сослуживцам, которые вон под той старой-престарой ольхой ждут его и остальных, еще не найденных... Это у меня самое святое и почетное место. Дереву больше сотни лет, наверное. Тоже повоевало. В стволе осколков заросло - не счесть. Эта ольха моя - она у меня как боевое знамя. Туда солдаты встают, которых поисковики находят и приносят из леса. Для кого-то, может, это и останки. А для меня они - люди. Живые фронтовики, которых я чувствую и вижу, и могу поговорить с ними о том - о сем. Каждый день под эту ольху все новые и новые встают. Молодые и не очень, в разных званиях, женщин много. Разговаривают о чем-то, курят. Вспоминают. Они не могут быть останками. Они ярко и достойно прожили свою короткую жизнь и могут называться только людьми. Это из нынешнего поколения еще не известно, кто живые люди, а кто уже останки... Для тех, кто в этом строю, у моего Знамени, война уже закончилась. А сколько их еще воюет? Не счесть...

Темнеет уже. Вот и мужик длинный появляется в свете костра со своим верным крюком. Аж светится весь. Не иначе большую яму с нашими нашел. Да-а-а. И хорошо, и грустно. Хорошо то, что теперь перезахоронят их с почестями да салютом. А грустно оттого,

что много еще их здесь по воронкам и траншеям лежит. Ох и много... Долго мне еще здесь придется этих странных искателей пригревать и кров им давать.

Вот так вот и живу я тут. Эти уедут, а через пару недель другие у меня поселятся. Потом следующие. Так до зимы и работаю. Кто - на неделю, кто-то на пару дней. Всякие приходят. И с головой и без нее. Безголовые - это которые снаряды рвут. На кой черт спалили скамейку и детон в кострище кинули? Сами не знают. Покуражиться хотели, а может в душу мне нагадить. Я таких научился отличать от нормальных. У них взгляд настороженный, и озираются часто по сторонам. Видать, совесть не чиста. А приходится и таким приют давать. А те, которые с головой, чаще все же приходят. Этим я больше рад.

Сколько еще я здесь проживу? Не знаю. Долго, наверное. Много еще тут искать. Ох, и много. Ищите, мужики, ищите. Лейтенантика моего тоже... Я вам там гильзочку подброшу. Может, кто и начнет копать, да наткнется на кости. Я всегда готов поспособствовать. Только тротилом меня не морите, да мусор убирайте. А я к вам всей своей лагерной душой... Приходите, приезжайте, прибегайте. Только ищи-

те. Ищите. До последнего... А когда найдете последнего, тогда и мне можно на покой. Вот только что-то подсказывает, что не будет мне покоя еще очень долго.

Костер

С тугим вжиканьем молния палатки выпускает тебя в холодное майское утро. Еще не совсем рассвело, сумерки как тонировка на автомобиле. Холодно, черт те дери, брррр... Поеживаясь, покрхтывая и похрустывая всей немолодой своей арматурой, бредешь к костровищу. Вчера приготовил сухую бересту и пару «каленных» дровин.

Не спеша, позевывая, колешь их, поджигаешь бересту и щепки. Огонек, сначала вялый и такой же продрогший, как ты сам, слизывает остатки измороси на дровах, пуская густой дымок. Кажется, вот-вот погаснет. Но нет - борется за жизнь и все сильнее заявляет о себе легким потрескиванием.

Костер разгорается... Ты присаживаешься на чурбак и смотришь на него в полглаза, протягиваешь озябшие руки и ловишь первые теплые струйки. Голова еще спит и даже не пытается о чем-то думать. Хорошо... Теплей становится просто от осознания близости огня, который все веселей и веселей трепещет в сухих дровах. Подбрасываешь еще несколько сухих палок. Искры вылетают из костра, словно напуганные воробьи из кормушки.

Над Полистью легкий туман, скорей даже дымка. Прошлогонья трава у берега в серебре росы. Соловьи просто с ума посходили - их тут в питомниках, что ли, выращивают, таких виртуозов? Или уроки пения им кто-то тут преподает? Такое вы-

дельвают! Как ни странно, кажется, что тихо над речкой. Эти трели до того гармонично вписываются в мир вокруг, что тишина становится живой. Невольно выделяешь из этого многоголосья самых отчаянных солистов. И впитываешь в себя эту соловьиную тишину...

Костерок окреп, уже уверенно трещит сушняком и искрит во влажном утреннем воздухе. Семьдесят два года назад таким же апрельским утром согревались у огня наши бойцы перед атакой. Здесь же, на этой речке в Мостках. Деревушка в пару десятков дворов. Вторая Долина Смерти в Любанской операции. В бесславной, но не позорной операции.

В полях и лесах в округе с сорок второго остались прорастать травой и деревьями тысячи наших солдат... Каждый год ты, как и сотни таких же с диагнозом «Поисковик», рыщешь по лесам и болотам Новгородчины с металлоискателем и лопатой, чтобы найти то, что осталось от этих солдат. Осталось немного. Бойца порой в горсть собрать можно - время и природа свое берут.

Зачем тебе это надо? Много раз ты задавал себе этот вопрос и не мог ответить. И вправду - зачем? Что же такое, этот поиск? Увлечение? В какой-то степени да. Работа? Ну, да, как у раба на галерах, только еще и жрачка за свой счет. Диагноз? Тогда это

массовая эпидемия с жестоким весенним обострением. Или это глоток кислорода в мути обыденности?

Наверное, все же это просто Жизнь. Настоящая жизнь, где нет места пустой суете, надуманным, мелочным, гнилым проблемам. Пусть где-то в далекой дали - вонь и сутолока городов, за чертой

разумного - настороженность и недоверие, когда в людях видишь скорее врагов или соперников, чем друзей. Здесь - Жизнь в своем самом честном проявлении. Как в храме пред иконами. Все просто и честно. Здесь нет ни званий, ни чинов, ни возраста. Нет блудливых улыбок чинуш, вещающих о любви к Родине. Никто не плюнет в спину, а правду скажут в глаза. Ты знаешь, что твои Гвардейцы поделятся спальником и последней сигаретой. И нет во всей вселенной тыла надежней, чем твой отряд. Ты только здесь и живешь в полную силу, отдавая всего себя этой многим не понятной деятельности. И каждый год, задыхаясь от рутины и серой повседневности, ты ждешь этого глотка жизни, ты мчишься сюда, в эти гнилые болота, пропитанные кровью и заваленные останками солдат. Чтобы пожить. Именно пожить. Хоть два-три дня. Лишь бы хлебнуть жизни. Настоящей. Без шелухи и грязи.

Рыжая овчарка медленно подошла и села рядом, прижавшись вздрагивающим боком к твоей ноге. Смотрит не мигая на огонь. А ей-то нафиг это все надо? Пятый год лазит с тобой по чепыжам да буреломам, в Замошском болоте как в своем огороде себя чувствует. Ляжет на кочку да поглядывает, что ты там во мху нашел. Иногда подойдет и понюхает одобрительно.

Костер. Туман над Полистью. Верная собака рядом. Соловьиная тишина. Роса на пожухлой траве. Ты ни о чем не думаешь.

Костер. Туман над Полистью. Верная собака рядом. Соловьиная тишина. Роса на пожухлой траве. Ты ни о чем не думаешь.

Просто смотришь в новорожденный костер - так же, не мигая, как и овчарка.

Вот он - Миг. Между прошлым и будущим. Он замер, этот миг. Прошлое уже было вчера, а будущее сегодня еще не наступило. Время остановилось. Нет ни войны на Украине, ни патриотических воплей, ни Одессы с сожженными людьми. Нет врагов, подлости, пошлой и мерзкой рекламы, дебильного телевидения. Нет рабочей каждодневной нерассерихи и пьяных работяг. Ничего этого нет. Ты, овчарка и костер. И туман над Полистью... А еще незримое присутствие тех, кого ты еще не нашел. Они здесь, с тобой, у твоего костра. Смотрят на тебя травой и деревьями. И ждут ...

Искры, вылетающие из пламени с каждым щелчком сухих дров, напоминают о неизбежном течении времени. Ты пытаешься усилием мысли растянуть этот замерший миг. Но не получается. Солнышко уже за деревьями. Совсем светло.

Закипевший котелок на крючке закрутился над пламенем как стрелка компаса. Вода сварилась. Только алкоголик поймет этот кайф обжигающего утреннего чифира. Ты полусонный глотаешь этот почти кипяток. Ощущения сравнимы с реанимацией пьяницы, когда он

утром похмеляется холодным пивом. Кому как не тебе знать это. Все в жизни бывало. И здесь, и там блаженство разливается по всем измученным и израненным клеточкам. Живая вода... Наверное, это про чифир сказано.

Послезавтра конец Вахты. А потом захоронение в Мясном Бору. Будут хоронить и твоих пятерых безымянных, которых ты по косточке выцеживал в коричневой жиже. Все вроде чин по чину, с воинскими

почестями, как положено солдатам. Но ты туда не пойдешь, чтобы не видеть и не слышать свору «небожителей» всех чинов и рангов, которые слетятся попиариться на костях. Опережая друг друга, будут изрыгать свою лживую патриотическую блевотину. Давно известный сценарий. Тошно. Там нет Жизни. Там мертвые слова и глаза. «Не забудем...пред вами в неоплатном долгу ... оказывать всемерную поддержку поисковому движению...».

Сказано и забыто.

А с какого такого перепугу, господа чиновники, вы про патриотизм с таким упоением лопочете? Вы что, с нами вместе в Мясном Бору грязь месили? В яме на 50 человек трупаниной дышали? Кто из вас косы медсестры, погибшей 70 лет назад, в руках держал и беззвучно выл, глотая слезы вперемешку с торфяной жижей? Клещей с комарьем и прочей лесной нечистью поил своей голубой кровушкой? Как бы не так! Не вы нас, а мы должны учить вас, холеных толстопузов, Родину любить. А вам - слушать и запоминать. А лучше записывать. А то память у вас короткая. Да, хотя, и мы учить не будем. Вот они, наши учителя, в гробах, в лесах, в болотах... Там, на небе, дядька один живет, он все видит. Когда-то и мы к нему попадем. И встанем в строй вместе с теми, кто найден и не найден. А вот вам в этом строю место вряд ли найдется.

себя виновным в этом медленном угасании, со всей щедростью бросаешь в него хорошую порцию сушняка. Живи, браток. А мы пока поищем.

Прогоревшие дрова осыпались, костер запустил ввысь очередной сноп искр. Из палатки высовывается заспанная Андриухина морда. Миг сорвался и полетел в вечность. Все! Будущее началось вместе с его сонным «Сколько времени?» Собака подбежала к нему и под матерные аккомпанементы друга «умыла» его своим языком. Ну до чего же они все родные, эти рожи. Кажется, и детей собственных так не любишь, как этих бармалеев. Андриуха пьет обжигающий чай. Не спеша собираемся в лес. Начинается еще один день Жизни. Костер постепенно затухает. Внезапно, словно осознав

Лягушки

В отряде мне погоняло дали - Шрек Болотный. Ну, люблю я в болоте искать. Что поделывать. Меня от болота прет, колбасит, тащусь я от него. А в эту вахту девки из отряда вообще окрестили Царь Шрек. Что ж, Царь так Царь. Я согласен. Значит, и свита нужна. Из лягушек, конечно. Болотный же. Ну, значит и набрал я себе свиту. Аж из двух персон. Маша из Новгорода, или просто Рыжая, - маленькая, худющая, но выносливая и трудолюбивая, каких редко встретишь. В поиске уже больше двадцати лет. В лесу как дома. И дров наколет, костер разведет, пожрать сготовит, пока все еще спят. Трудяга. В лесу просто ценнейший кадр. И вторая - Женька из Севастополя. Про то, как она появилась у нас перед выездом в лес, расскажу подробнее.

Наш отряд собирается возле Зала Воинской Славы в Новгороде. Стоим с другом на крыльце, курим, хохмим, строим планы на вахту. И тут появляется пред наши светлы очи фотомодель в тельняшке, в тапочках на босу ногу и с чемоданчиком на колесиках. Оба —на! Это что за явление?! Чуть не падаем с крыльца от смеха: блондинка в лес собралась!!! Увидев этот чемоданчик, я почему-то сразу понял, что вахта у нас будет веселая. Так и получилось.

Женька, ничуть не смущаясь, одарила нас очаровательной бело-зубой улыбкой и заверила, что все будет нормально, чемоданчик до-несет. Ну да. В тапочках и понесешь по Южной дороге, где только на тягаче и проедешь. М-да-а-а. Блондинка из анекдотов. По крайней мере, у меня первое впечатление о ней сложилось именно такое. И как же я здорово ошибся. К моему огромному удовольствию.

В первые же минуты нашего знакомства она заявила мне буквально следующее:

- Ну, все, берите надо мной шефство, учите всему, что сами умеете. Я приехала опыта набираться.

Фига, заявочки! Что ж... Опыта, так опыта. Сама напросилась. У нас ведь тут по говнюге ползать - это тебе не архивы ворошить, сидя у компьютера в чистоте да тепле. И что значит «все-му, что сами умеете»? Мы много чего умеем. Мы и плохому научим, если надо.

- Жень, а тебя в детстве как дразнили?

- Чебурашка.

Отвечает не задумываясь, мгновенно, будто ждала этого вопроса.

Смотрю на эту лучистую, улыбающуюся рожицу, на эти уши, не прикрытые светлыми волосами, и понимаю, что здесь других вариантов просто быть не может. Немножко повзрослевший, но такой же добрый, веселый и наивный Чебурашка. И ведь ни сколько не комплексует по поводу своих ушей. Кажется, даже гордится ими. А и правильно. Свое все ж таки.

Сразу же по приезду на нашу старую поисковую базу беру над ней шефство, как и просила. Решаю, так сказать, полностью девочку погрузить в тему. С головой и не щадя. Едва успев поставить палатки, даже не перекусив, идем с ней на вечернюю зорьку. Это командир наш так вечерний поиск называет. Провожу экскурсию по местам наших былых поисковых подвигов. Показываю, что такое Офицерская поляна, место, где год назад знамя нашли, подходим к

небольшим обелискам, поставленных нами на тех местах, где были найдены именные бойцы. Рассказываю разные особенности поиска в лесу, в болоте. Женя очень внимательно слушает, запоминает. Показываю, как шупом работают. Как отличаются по звуку в земле разные предметы. Она, оказывается, и шупа ни разу в жизни в руки не брала. Нет у них в Мекензиевых горах такого инструмента. Ну что ж. Начинаем с нуля. Мне это нравится. Будем делать из тебя настоящего поисковика. Как из пластилина лепить. А уж насколько я талантливый скульптор, покажет время.

И надо же так случиться, что на месте, битом-перебитом толпами поисковиков, нахожу солдата. Вот уж воистину - нас дожидался. Прямо-таки вижу загоревшееся у Женьки в глазах уважение ко мне. Ну дык! Сенсей, однако. Мудер и опытен.

Вот таким вот составом и начали мы нашу вахту. Машка без минника ходит. То ли не умеет, то ли не хочет, не знаю. А мне, лентяю, это и на руку. Я назвоню минником сигнал, а Машка копает,

проверяет, что там звенит в земле. У меня радикулит, говорю всем, так как нагибатьсяшний раз не шибко хочется. Рыжая - мелкая и юркая. Руки сильные. Да и опыта в этом деле выше головы. Все двадцать лет так за кем-нибудь ходит с лопатой. И к моему

удивлению, сама еще ни разу солдат не находила. Только на разборке отвалов, в яме или вот так, сигналы проверяет. В этой работе просто непревзойденный профессионал. И самое интересное, настолько быстро и ловко у нее это получается, что диву даешься. Перекурить не даст. Вытащит из недр какую-нибудь очередную железную поганку и стоит, в глаза укоризненно смотрит, чего, мол, встал? Давай, дальше звони!

Женьку прибором снабдили. Эта самостоятельно проверяет свои сигналы. Балдеет от того, что земля здесь мягкая - без лопаты, просто руками можно иногда копать. Два минника на трех человек. Окажется, очень эффективно можно такой бригадой работать. Нас и окрестили «лягушачей бригадой».

Присматриваюсь к Женьке. Стараюсь понять - блондинка она анекдотная, или наш человек? Вижу старательность, с какой она нашаривает во мху ржавое железо. Наверное, в школе отличницей была, прилежной ученицей с косичками. Замечаю дотошность, с которой она все делает.

Мне все больше и больше это нравится. Ах ты, умничка!

Показываю, как под щупом пружинит противогаз, как стучат солдатские ботинки. Все запоминает, сама пробует своим щупом. Опыта набирается. За тем и приехала.

Ходим целый день по болоту. Нахожу солдат, одного, второго. Девчонки копают. Собирают останки. Машка попутно тоже Чебурашку учит, что и как делать в таком вот, залитом водой раскопе. Опыт у нее в этом деле просто колоссальный. Сама уж, наверное, не помнит, сколько наших солдат она вот так вот по косточке из земли, из жижи болотной подняла. Сколько кубометров грунта сквозь пальцы процедила. К ней в раскоп лучше не соваться с проверкой. Эта пуговички ломаной не пропустит, не то что медальон. Мне иногда стыдно становится, что своих лягушек так эксплуатирую, без обеда и отдыха оставляю. Ниче-ниче, девоньки. Это такой фитнес у вас. И ведь не ропщут, что удивительно. А попробуйте-ка сами мох раздербанивать, хоть и ножом. Через пару часов руки с непривычки отваливаются. А эти второго бойца уже за день поднимают с полуметровой глубины, проросшей корнями и хитросплетениями мха и осоки. До чего же мне, Царю, со свитой повезло.

Внезапный ливень обрушивается на наши головы. Пока возимся, поспешно вытаскивая из рюкзаков дождевики, успеваем промокнуть аж до самых трусов. Я, по крайней мере. Лягухи мои тоже обтека-

ют струями. Что ж. Пошли на базу, Сушиться-переодеваться-греться.

- Жень, у тебя есть во что сухое переодеться?

- Да, у меня шорты есть, - с наивной детской улыбкой смотрит на меня.

- Епть!!!... За спиной Машка от смеха запинается об корягу и валится в мох. Хохот на весь лес... Сам тоже ржу как конь. А-а-а! ШОРТЫ...

- Женечка, мы бы все оценили красоту твоих длинных стройных ног, во всяком случае, мужская половина отряда, но ведь и комары голое тело тоже любят не меньше нашего. Пытаясь задавить в себе смех, спрашиваю:

- А еще что есть?

Женька мнется. - Ну-у-у-у... Еще колготки есть...

Все, трындец. Аут. Истерика - и у меня, и у Машки. От смеха рвет на части. Ржем, уже даже не пытаюсь остановиться. БЛОНДИНКА!!!

Смех смехом, но половину своей сухой одежды Женьке отдал. С царского плеча, так сказать. Повелитель все же должен о подданных заботиться и иногда вознаграждать их за усердие на службе.

- Ой, какие ягодки красивые. Вкусные, наверное.

- Не-е-е-е-ет! - Мой истошный вопль останавливает Женькину руку с горстью волчьих ягод возле самого рта.

- Жень, это ядовитые ягоды.

Женькин ответ застаёт врасплох

- А что будет?

А и в самом деле - что будет?

- Да я откуда знаю? Я их не ел. Понос, чесотка, прыщами пойдешь или чирьи на заднице вылезут. Чего-нибудь да будет. Не едят их.

С горьким вздохом сожаления высыпает отраву на землю. Нет там в Крыму таких ягод, вот и не знает она их. Машка начинает учить Чебурашку,

какие ягоды можно есть, а какие нельзя. Правильно, Рыжая. Научи хоть, а то не хватало еще бойца потерять по причине диареи. Вроде усвоила, что с больших кустов нельзя, а с маленьких можно. Идем по лесу, а сзади: «Бу-бу-бу-бу, с больших нельзя, с маленьких можно... Черника, костеника, голубика...».

- О-о. Вот это, наверное, черника.

Затылком чувствую, что здесь что-то не то. Не бывает здесь черники в конце августа. Оборачиваюсь...

- Не-е-е-е-ет!!!

- Но ведь это же маленький кустик!?! - возмущению голубых глазищ просто нет предела.

- Жень, это вообще не кустик, Это трава. Вороний глаз называется. Заживо сгниешь - пугаю ее. Опять вздох сожаления.

- Жень, - говорю, вон там кочка с брусникой. Иди к ней и пасись.

Предложение было встречено бурными овациями. Маша осталась со мной проверять очередной сигнал, Жень пошлепала на пастбище. А сам думаю, только бы ненароком грибов каких-нибудь не нажралась... Через полминуты:

- О, а это что за грибы? Их есть можно?

Твою ж, бога-в-душу-мать-японскую-дивизию!!!!

- Не-е-е-е-е-е-ет!!!

Ну, думаю, инфаркт мне в эту вахту обеспечен.

Третий день пошел нашей вахты. Вижу сам, что девчонки уже устали. Руки от щупа и лопаты виснут. Мне, мужику, привыкшему к дальним походам по болотам, и то иногда тяжело становится. На обед пара банок «красной рыбы» на троих да чай. Или чифир для тонуса. Полчаса пе-

рекур - и дальше искать. Не раз спрашиваю: что, земноводные, устали? Может на базу? Не, не хотят отдыхать. Да что там греха таить. Многие приезжают в лес просто у костра потусоваться, винца попить да песен попеть. А этих

двух в лагерь хрен прогонишь. Не за тем приехали, чтоб у костра на базе задницы плющить. Вот ведь упертые какие. Причем обе и упертые и дотошные. А мне до чего же приятно на эту свою свиту смотреть. Хорошо на душе сразу становится. Невозможно с такими войну проиграть. Мы ее и не проиграли, во многом благодаря вот таким Лягушкам.

«Политруки». Место массовой гибели наших солдат в Замошском болоте. Вдоль и поперек прозвоненное минниками, пробитое щупами так, что уже вроде и некуда его ткнуть. Наших там уже больше сотни поднято. Ставлю девчонкам задачу - работать только щупами. Разбредаемся в разные стороны, и Машка сразу находит бойца. Умудряется щупом попасть в кусочек черепа, размером меньше спичечного коробка. Вот так вот!!! Нашла!!! Я доволен, Машка еще больше. Ведь это ее первый солдат, найденный самостоятельно. До этого она только найденных другими копала. Ай да Машка, ай да Рыжая! Аж вся сияет от радости. САМА. Столько лет... И тут - раз!!! У-ух!!! Поперло.

- Дай-ка я расцелую тебя, Лягушечка. - чмокаю Машку в чумазую щеку.

А вот Женька все грустнее и грустнее. Виду не подает, но я это замечаю. Мы находим, а она нет. Загрустишь тут - всерьез начинаю

переживать за нее. Уедет «порожняком» и больше к нам не вернется. Разочаруется в наших болотах. В голову закрадываются крамольные мысли. В следующий раз, когда бойца найду, подстроить сценарий так, будто бы она его нашла. Но, с другой стороны, с ее трудолюбием и упертостью найдет и сама. Ведь каждый мало-мальский писк минника проверяет. А как старательно щупом работает, пытаюсь на стук определить, что там в глубине. Земли и мха перелопатила, пожалуй, больше нас двоих.

Женька, к нашему с Машей удивлению, с нами еще и ликбез регулярный проводит. Рассказывает про типы взрывателей, из чего состоят и как работают. Про всевозможные калибры мин и снарядов и их применение в военных действиях. И еще много всякого познавательного и полезного в нашем деле. Сегодня у нас был урок по различиям мужских и женских скелетов. Во дает!!! Слушаем с Машкой, разинув рты. И откуда только такие умные блондинки берутся?

Бармалеи наши в отряде развивают юморные темы про лягушатники и гаремы царя Шрека. А мы с лягухами только снисходительно ухмыляемся. Пусть хохмят. В лесу без юмора сдохнешь. С нашей-то спецификой деятельности.

- Ну, что, Санек? Замутим? - командир подходит к нашему очередному раскопу.

- Замутим.

Развожу костер, кипячу воду, завариваю крепкий чифир. Устраиваемся поудобней и, передавая обжигающую кружку друг другу, маленькими глотками отхлебываем сей волшебный нектар. Ритуал такой у нас есть.

Женька подходит и садится рядом. Молча передаю ей кружку. Она так же молча и с удовольствием отхлебывает этот поисковый бальзам.

Тут замечаю расширяющиеся от удивления глаза командира.

- А ты что? Тоже чифир пьешь? - Орел аж табачным дымом поперхнулся.

- Ага, - отвечает, ничуть не смущаясь.

Ловлю на себе удивленно-вопросительный взгляд Орла. «Это как так?» - молча и ошарашенно спрашивают его глаза.

- Дык. это... - мнусь, пытаюсь что-то объяснить. - Она сама... Ну, это... Просила научить, чего сам умею. - еще что то лопочу. Женька смеется.

- М-да-а!!! - качает головой командир и умолкает до конца нашего ритуала. Понимаю, что Чебурашка его «люто» удивила.

Есть в болотном поиске один не маловажный момент. Это болотные «куклы» Мы их так называем. А по сути - это хитиновый покров, остающийся от опарышей, которые питались мертвой плотью. Когда находишь в болоте кружку или ложку, облепленную куклами, то это почти стопроцентный показатель того, что тут солдат лежит. Лошадей опарыши тоже ели, но, во-первых лошади с ложками не бе-

гали, а во-вторых, здесь, в окружении, их всех раньше съели.

Вечер уже. Смеркается. Напрочь вымотанные, идем с Женькой в сторону базы.

На вечернюю зорьку ходили вдвоем. Маша осталась в лагере готовить ужин.

Нехотя тычу щупом между прошлогодних и позапрошлогодних раскопов. Не столько из желания что-то или кого-то найти, сколько просто по привычке. Вдруг - «взик» по щупу. Что за хрень? Место уже все проверенное сотни раз. Покряхтывая, лезу рукой в корни. Расческа. Вот ведь бляха муха.

- Надо вокруг все проверить, - Женька нетерпеливо колотит щупом рядом.

- Да чего тут проверять? Кукол нет. Скорей всего или мародеры еще в войну раскидали, или из соседнего раскопа выброшена, - желания задирать мох вокруг находки в столь поздний час у меня практически никакого.

- Все равно. Надо проверить. - Женька начинает яростно долбить щупом вокруг березы. Откуда только силы взялись!?

Вот ведь дотошная, думаю. Ладно. Пусть сама убедится.

Сажусь на кочку и наблюдаю за ее уже очень уверенными действиями.

- Вот здесь ботинок лежит. На глубине. - Безапелляционно заявляет новоявленный профессионал щупа.

- С чего ты так решила? - скептицизм из меня так и прет.

- А я его в прошлый раз выучила - с улыбкой хлопает ресницами.

Ну, ептыть! Выучила она... Студент, твою мать... Спина уже болит, ноги гудят, жрать охота как из рогатки. Мысли в башке проползают вяло и со скрипом. Тем не менее, снова лезу израненными руками в корни.

- Посмотрим, что ты там за корягу нашла - ворчу негромко.

Охренеть!! Ботинок!! На глубине!!! Чебурашка победно улыбается.

- Я же говорила. Я его еще на Офицерской поляне выучила.

Смотрю на нее с нежностью и уважением. Как на первоклашку, который решил очень сложную и важную для себя задачу. Вот ведь

упертая. Я упертый, а эта еще больше упертая. Ах ты, лягушатина Черноморская, на пятерку выучила?

- Продолжай.

Женька на волне эйфории колотит шупом дальше. Буквально через пару минут на свет божий появляется солдатская ложка. ... Облепленная куклами!!!

Есть!!! Нашла!!! Ай да молодец, ушастая. Ну что тут скажешь? Уделала она меня. Меня, старого болотного копаря, опытного мухомора. Эта первоклашка уделала на все сто. На лопатки уложила учителя. Ведь я же уже готов был уйти с этого места. А она не дала мне этого сделать. И кто знает, нашли бы этого солдата в следующий раз? Женька нашла своего первого бойца. Если кто то из маститых художников решит однажды написать портрет Счастья, то я знаю, где взять натуру. Вот она, стоит и аж вся светится. Мордаха довольнящая. Еще бы. Нашла ведь. Сама нашла!

И у меня гора с плеч. Сколько можно девок по болотам таскать и без находок. Теперь обе нашли. У-уф! А и льстит мне то, что обе как бы под моим руководством нашли. Во, какой я талантливый скульптор! Значит, все же чему то научил. Ну, дай Бог.

А Маша на следующий день нас всех удивила. Поднимают девочки бойца в болоте. Вдруг вопль: Урааааа!!! Кто в теме, тот сразу

поймет, что медальон найден. Так оно и есть. Рыжая медальон выловила в торфяной жиже. С запиской. Подходим, поздравляем, радуемся. Только от раскопа отошли, опять: Ураааааа!!!

- Ни хрена себе... Маш, ты их там горстями черпаешь что ли? Второй медальон! У того же солдата. Правда, уже с нитками-иголками. Но факт налицо. За пять минут два медальона. Всех уделали мои Лягухи! Всех!!! Бальзам на сердце.

Как и все на этом свете, так и вахты наши когда-то заканчиваются. Чебурашка раньше на два дня уехала. Она еще дома по архивам установила имена почти четырех сотен солдат из двух госпитальных захоронений. Мало того, еще и места этих захоронений вычислила и помогла их найти. И сейчас уехала подо Ржев. Там будут перезахоранивать этих солдат. Она должна там быть. Это ее батальон.

После ее отъезда ко мне подошла Аня, тоже из Новгорода.

- Дядь Саш, а запишите меня в свой лягушатник? А?

Сказать, что я просто офонарел, это ничего не сказать. Ну, ты даешь, Шрек Болотный. Оказывается, в твоей свите очень престижно быть.

Мы все уезжаем когда-то из леса. Возвращаемся домой, в гражданскую жизнь, к семье, к своим заботам и работам. Но возвращаемся только телом. Душа, мысли еще здесь. В лесу, среди Наших. Живых и мертвых. Приезжаем домой словно контуженные, не

воспринимая эту мирную жизнь, не принимая ее. Поначалу плохо соображаем, чего же от нас хотят. Вся наша сущность противится этому переходу от войны к миру. Мы снова и снова рвемся назад в лес, на нашу войну, вот прямо сейчас. И... не едем туда, понимая нелепость этого шага. Мы еще долго будем писать друг другу в соцсетях, будем с тайной слезой смотреть фотографии. Звонить на другой конец страны, лишь бы услышать живой голос друга. Будем рвать себе душу Поисковыми рассказами Ивакина. Сочинять свои. На улице взглядом непроизвольно выискивать в толпе человека в камуфляже... А вдруг?..

Мы только здесь живем. Честно, искренне и по-настоящему. Там, на гражданке, мы едим, работаем, сами себе выдумываем какие-то проблемы, пытаемся их разругить. Там мы спим, размножаемся и умираем. Но только не живем. Живем мы здесь. В лесу, на войне, в поиске, Без оглядки. Здесь и сейчас.

Лягухи мои, как же я вас люблю...

29 августа 2014

Тук-тук

«Тук-тук-щелк-щелк. Щелк-скрык». - Под щупом сплошные камни.

- Ленья, слышишь, как камни стучат? Запоминай, чтоб лишний раз не копать.

Карельский друг внимательно наблюдает за моими манипуляциями со щупом. Этот инструмент здесь не практикуется. И в самом деле - как можно им работать, если в Карелии камней больше, чем земли. Затем своим щупом пробует сам и недоверчиво качает головой.

- Да-а-а. Для меня все едино - что камни, что не камни...

- Выкопаешь пару-тройку тонн камней - поймешь. - Смеюсь над его сомнениями. Щуп я ему сделал два дня назад еще в лагере. До этого он кроме минника и лопаты ничего другого не держал. А тут увидел у меня странную палку с железным прутком и решил попробовать новый инструмент.

Не спеша двигаемся вдоль небольшого ручья, впадающего в озеро. Берега заболочены в ту и другую сторону метров на пятьдесят, а кое-где и на сто. Попал в родную стихию: хоть и не Замошское, а все же болото. Много слышал про поиск в Карелии, теперь вот и самому довелось поучаствовать. Хорошая штука - соцсети. Связался с местными поисковиками, напросился с ними поработать. Интересно же, как тут у них все это происходит.

Впечатления начались с первого дня, когда до Сеннозера последнюю часть пути ехали по лежневке, построенной еще финнами, и с тех пор ни разу не подвергавшейся ремонту. Хоть по сравнению с нашими топями в Мясном Бору и цветочки, но ведь тут и тягача нет.

Добирались до нужного места на УАЗах. Естественно, в дороге наслушался местных поисковых баек. Посмеялся от души на то, как ушлые ребята зимой приварили к трактору спереди трубу, вытащили его на лед и оставили. Весной трактор благополучно утонул. А затейники так же благополучно продали за кругленькую сумму каким-то столичным лохам координаты точки, где в озере танк лежит. Поди там, разбери в мутной воде, танк там или еще что-то. А лохам ведь очень хочется верить, что танк.

Еще запомнился рассказ про одного местного копаря, который налаживал изготовление копий немецких и финских наград. Получались они у него ну чуть ли не лучше оригиналов. А для подлинности того, что они в земле семьдесят лет пролежали, он эти новоделы на месяц опускал в выгребную яму. Через месяц плавания в экскрементах награда выглядела более чем достоверно. И уходила опять же доверчивым столичным и заграничным лохам за бешеные деньги.

Когда прибыли на место, меня сразу же напоял сразили блиндажи. Целехонькие, не провалившиеся. Да и построенные на века. Сверху два-три наката из мощных бревен, а на них еще и валуны

натасканы. От прямого попадания авиабомбы, конечно, не спасут, а снаряда можно не бояться. Потом еще в разговоре выяснилось, что местные медведи разучились берлоги делать. Они теперь в блиндажах зимуют. Такие вот чудеса начались с первого дня.

Старший нашей разношерстной группы Илья представил меня своим друзьям как крупного специалиста по болотному поиску. Немного этак с подковырочкой, но не зло. Такая аттестация, конечно, малость смутила. Ну, да ладно. Посмотрим, на что сгожусь. Мне бы только в болото попасть, а там разберемся.

Щелк-щелк-щелк. Но это «щелк» уже немного по-другому. Провожу прибором над этим местом. Так и есть. Угадал. Железо щелкает. Похоже на крупный осколок. Пробиваю место щупом еще раз, определяя размер находки. Прикидываю, что примерно с ладонь.

- Лень, вот здесь железо стучит. Осколок. Хочешь проверить?
В глазах у товарища опять недоверие. Стучит своим щупом, вздыхает, потом раскапывает мой сигнал, достает осколок размером с ладонь.
- Как Вы угадали? - Удивляется.
- Так по звуку. Ты заметил, что звучит не так, как камень?
- Да не очень. - Отвечает неуверенно.
- Фигня, две-три тонны железа вывернешь зазря, поймешь. - Опять подкалываю его.

То, что для меня легко и очевидно, для Лени - загадочный ребус. Прекрасно понимаю его. Сам таким был. На щуп смотрел как Ленин на Гидру Контрреволюции. Не понимал его. Потом уже, с выкопанными тоннами и кубометрами, опыт пришел. Сейчас без этого инструмента в лес ни ногой. Это и глаза, и уши, и дополнительная рука.

А вот изготовить его в местных условиях оказалось проблемой. Стальной прут я с собой привез. Думал, палку и тут выстрогаю. А оказалось, что просчитался. Все породы деревьев, что вокруг лаге-

ря были, перепробовал. Ни одно не подходит. Раскалываются, когда пруток вбиваешь. Кое-как все же сделал, предварительно поставив хомут.

А второй шуп сделал просто для кого-нибудь. Леня, командир одного из местных отрядов, решил попробовать, что за инструмент.

Базу поставили в пятистах метрах от берега озера. Ближе не подъехать. А район поиска вообще в семи километрах, это если на лодке, а по берегу получается около восьмидесяти. Такие вот реалии местной работы. Лодки с мотором здесь почти у всех есть. Да и не удивительно. В крае, где более семидесяти тысяч озер, все поголовно рыбаки. И лодкой править умеют с детства.

Полтора дня мы просто просидели без дела на базе. Отдыхали, расслаблялись, отсыпались. И приезд отметили, и рыбы наловили-накопили. Ситуация все больше начинала напоминать фильм Рогожкина про особенности национальной охоты, когда один из главных героев постоянно спрашивал: «А когда мы пойдем на охоту?» Так же и я - подошел к Илье и спросил:

- А когда мы будем искать?»

- Да хоть сейчас, - отвечает, - собирайтесь, кто смелый. Отвезу на тот берег, покажу место, и - вперед!

Меня и еще двоих местных парней уговаривать долго не пришлось. Семь километров на моторке по озеру между живописнейшими берегами и островами, и мы уже на месте с палаткой и неимоверным количеством «ролтона». Оказывается, это здешнее любимое поисковое блюдо. Кранты желудка, подумал. А оглядев скудную, с точки зрения «пожрать», растительность, понял, что альтернативы нет никакой.

О том, что здесь есть несколько наших погибших бойцов, Илья получил информацию от местных так называемых «археологов-любителей», которые в поисках военных раритетов и наткнулись на них. А до этого наших солдат еще и мародеры обобрали. Забрали котелки, фляги, штыки. Еще что-то. Возможно, награды. С этой публикой карелы тесно работают. Поддерживают связи. По сути, кроме именных вещей или медальонов, нашим ничего не надо. Кости любители военных девайсов не заберут. А для того чтобы и тем, и другим дышать спокойно, информацией делятся. В душе мы, конечно, этих копателей ради наживы презираем, но ради солдатских костей можно и посотрудничать. Бывает, что иногда и за деньги. Да и правильно, я так считаю. Можно ведь развешиваться и послать нечистеньких на руку ребят на три буквы, но от этого бойцы сами

из земли не встанут. Да и варимся- то мы все по сути в одном военном котле. Здесь конфликтовать и вешать ярлыки, кто черный, а кто красный, себе дороже. Ну и потом, мы и сами ни сколько не гнушаемся прихватить из леса военный сувенир. Другое дело, что у поисковиков и у копателей военных артефактов приоритеты разные. Кто-то в лес идет погибших солдат искать, а у кого-то на первом месте сбор трофеев.

Про местных любителей милитарии я тут тоже наслушался историй. Оказывается, немецкие блины они только-только начали копать. Года три-четыре. До этого им всем хватало верхового «железа» Тем более, что в Карелии сохран военных артефактов просто поразительный. А долбить блин с неизвестным результатом желающих было мало. Нафиг спину ломать? Теперь повытаскали из леса почти все, что представляет маломальскую ценность на черном рынке. И принялись за блиндажи. В то время как у нас в Новгородской области все немецкие блины вычищены до последнего фантика уже много лет назад. И не по одному разу. Не смотря на глину-синюгу, от которой не одно поколение так называемых нелегальных военных археологов радикулит словило. Да-а. Карелия - рай копаря! Содрал сверху мох и - вот оно. Счастье.

Дук-дук-дук. - К гадалке не ходи - деревьяга.

- Леня, слышишь?

Леня замер на одном месте, и из-под его щупа точно такое же «Дук-дук».

- Что скажешь?

- Я думаю, что это деревяшка. - Довольно уверенно отвечает собрат по разуму.

- Вот видишь, уже лучше. - Улыбаюсь.

Он совершенно не похож на семинариста. Я был очень удивлен, узнав, что Леня учится на Батюшку. Какой-то шептун, говорливый. И увидеть в нем будущего попа мне не удалось, как ни старался. Но как поисковик он мне очень даже понравился. Вдумчивый, старательный. Пытается все тонкости работы щупом постичь. Долбит по одному и тому же предмету сотни раз, вылавливая в раздающихся из-под земли звуках нужную информацию.

На месте, показанном Ильей, довольно быстро нашли несколько разворошенных и разграбленных останков. Собрали их и теперь

продолжили искать тех, кого не успели до нас найти. А хорошо тут работать. Белые ночи. Светло круглые сутки. Ходи, ищи, копай. Увлечешься так, что про время суток забудешь. Костерок развел, «рол-тону» пожевал - и дальше в поиск. Когда еще ехали до Сеннозера на машинах, я все переживал по привычке - а успеем ли до темноты базу поставить. И этим вопросом немало насмешил попутчиков. Сейчас уже не волновался насчет лагеря. В трехстах метрах был оборудованный старый поисковый лагерь, с кострищем и прекрасным видом на озеро. И еще избушка - то ли рыбаков, то ли таких же искателей, только цветом почернее.

Исследовав позже окрестности, обнаружил много старых раскопов, траншей, ходов сообщений. Эсэсовское кладбище было перекопано и перевернуто и скорей всего просеяно через сито. Гарнизон их тут стоял. А наши их здесь окружили и пытались уничтожить. Бойня была лютая. С той и другой стороны по полтыщи убитых. В конце концов, с немальными потерями, но эсэсовцы все же прорвались из окружения. Куда после этого боя делись трупы немцев - загадка истории. А наших тут не один год Северодвинские поисковики соби-

рали. Но вот в болото почему-то не полезли. Только на сухих местах поднимали.

В болото только такие, как я, лезут в самую говнюгу. А водичка ни фиги не мед. Градусов пять-шесть. Голыми руками не сладко в ней останки выцеживать. Три минуты поковырялся и десять минут машешь как мельница, кровь разгоняешь в застывших конечностях. Потом опять в ледяную жиделягу лезешь. А дальше снова руки отогреваешь. На третий день суставы опухли. А кое-где на высоких местах в тени еще и земля не оттаяла. Подо мхом лед.

Ленькин друг Серега работает более привычным для себя способом. Прибор и лопата. Причем у всех тут лопаты маленькие «фискари». Удобней в каменистой почве ковыряться. Я со своим черпалом выглядел как раритет. Да и ладно. Не в лопате дело. Приборы реагируют на камни как сумасшедшие. Выцедить из этого воя нужный сигнал целая проблема. Музыкальный слух нужен. По крайней мере, мой прибор так и работал. Потому и не очень обращал я внимание на его завывания. Больше на щуп полагался. Оно как-то надежней.

В стотысячный раз втыкаю щуп в мох. О-паньки!!! Есть! Немного забытые ощущения вдруг нахлынули приятной волной. Я не могу ошибиться. Под щупом шинель. Ни что другое. Именно шинель. Не валенок, не тряпка, не гимнастерка, не ремень. Этот пружинящий удар щупа в нее я запомнил всеми клеточками мозга и рук еще на Политруках. Есть в Замошском болоте такое место. На небольшом пятаке сто на сто метров подняли мы больше сотни наших. И из них не менее половины чисто на щуп, попаданием в шинель. Щуп не пробивает ее и на полуметровой глубине пружинит, уперевшись в ткань.

- Лень, а вот так шинель во мху пружинит. Боец наш здесь лежит.

В глазах у Леньки сомнения, недоверие. Подходит ко мне. Пробует сам определить, где во мху боец лежит.

- Я бы, наверное, подумал, что это корень пружинит.

- Нет. С корня щуп соскальзывает или рвет его, если тонкий. А здесь попробуй сам, какая площадь пружинит. Корни так не растягиваются.

Чтоб долго не спорить, снова лезу руками в ледяной мох. Так и есть. Шинель. Лопатой расширяю раскоп, чтобы ткань обнажилась. Вот она.

- Да-а. Здорово! - только и может произнести карельский коллега.

К моему удивлению, не вижу в раскопе плавающих куколок. Должно же быть море этих хитиновых коконов, оставшихся от опарышей, питавшихся мертвой плотью. Неужели поторопился радоваться? Вдруг просто шинель во мху валяется? Хотя нет, вот пара-тройка «букарах» выплыла. Вот еще. Ну что ж, неплохо карельский поиск начался. Вот и время лопаты пришло. Расширяем с Леней раскоп и начинаем работать. О, как же не хочется опять в ледяную воду лезть. Бр-р-р. Аж передергивает от предвкушения такого кайфа.

Я заметил еще по первым бойцам, что «кукол», к которым мы так привыкли в Замошском болоте, намного меньше. А сохранность останков здесь много лучше. Почти все кости целые, и много мумифицированной кожи. Вот и этот товарищ исключением не стал. Да вот только начало мне казаться, что очень он большой какой-то. И через час бултыхания в ледяной жиже вместе с парой сапог на поверхность были вытащены два солдатских ботинка. Ага. А их тут двое. Офицер и с ним солдат. Где чья шинель и ноги-руки - уже не разобрать. Какой-то один ком, проросший корнями. Да-а. До вечера нам тут барахтаться хватит. Если понятие вечер тут уместно.

По привычке разбираю все складки шинели, руками прощупываю любое утолщение в тряпках. И оказалось, что не зря. Нож в ножнах, чернильная ручка, мундштук, зеркало. И самое интересное

- портмоне с бумажками. Эту находку сразу надежно упаковываем в пленку и закручиваем между двумя плоскими дощечками, выстроганных тут же. К слову сказать, бумажек всяких разных мы насобирали много. Почти у каждого найденного бойца что-то да было в карманах. Письма, блокноты, просто какие-то бумажки в кошельках. Мародерам все это без надобности, а нам - бальзам на сердце. Вдруг фамилия какая есть. Все тщательно упаковали, а потом отправили криминалисту Сергею Солодянкину в Сыктывкар. Очень любит он эти бумажки разворачивать.

А вот и еще хорошая находка. Погоны майора. Ни хрена себе. Да это уже никак не меньше комбата! Позже, когда уже вернулись в лагерь, показал Илье находки. Тот восторженно, как орел на свежую кровушку. Майор. По боевым донесениям в этом бою погиб только один майор. Долгов Григорий Митрофанович. Честно говоря, я здорово поразился, что по погонам тоже можно опознать погибшего. Еще находясь у Ильи в Петрозаводске, я читал боевые донесения по этой операции, в которой наши окружили СС-овский гарнизон. Все эти сведения Ильи из архивов выцедил. И вот оказалось, что не зря. Майор Долгов вновь обрел имя. Впоследствии карелы нашли и его родственников, которым были переданы его личные вещи.

А дальше поперло совсем уж хорошо и красиво. Я переживал, когда сюда ехал, а смогу ли здесь кого-то найти. И вот смог. Каждый день по солдату, а в крайний день опять двое в ячейке. Сержант и рядовой. К погонам стал теперь повышенный интерес проявлять. Вот и хорошо. Значит и здесь пригодился. Гвардию не опозорил.

А вскоре заметил еще одну интересную вещь. Щуп стал жить уже своей жизнью. Пока я копаю, он неизменно куда-то испаряется, и найти его потом проблема. Иногда убегает за сотни

метров. С Ленкиным щупом такие же приключения происходят. Местные поисковики с жадностью пытаются понять работу этим не хитрым инструментом. Видят - результат есть. Значит можно и в этих непростых условиях им работать. Потому за щупами чуть не очередь.

Местные каждый день курсировали туда-сюда на моторках. Утром приплывали с базового лагеря, день в поиске и вечером - назад. А я так и остался в этом лагере на пять дней жить. Красотища. Карелия же!!! До чего же бывает хорошо без телефона, интернета, прочей цивилизации. Мужики местные сначала удивились моей затее, а потом рукой махнули. Через день за глаза уже отшельником нарекли. Что-то про скит и монашество намекали с улыбкой. Им-то эти красоты как нам в лес за грибами сходить. Ну, лес и лес. Озеро как озеро. Ничего особенного. А мне в кайф.

Проснулся так называемым утром, чайку вскипятил, сухарь погрыз и пошел болото на щуп нанизывать. Тук-тук. Щелк-щелк. Сам себе режиссер. Праздник жизни немного «ролтон» подпортил, через три дня уже смотреть на него не мог. Сухомятиной перебивался.

И вот на пятый день, уже вечером, решил немного на «дальний кордон» прогуляться. Отошел от своего жилища на километр и увидел кучку свежeparящего, так сказать, дерьма. Интересно, кто же это тут посреди тропы нагадил? Вроде наши уже все уехали на базу. А когда через пару шагов увидел очень четкий отпечаток медвежьей лапы, размером с ведро, понял, что этот местный житель мне совсем не коллега, и мои рассуждения о высоких идеалах вряд ли оценит. Потому летел я с этого дальнего кордона быстрее реактивного снаряда от Катюши. А в голове мысли не очень утешительные - весна, мишки голодные и злые. Черт его знает, он может только-только из блиндажа вылез, ищет какого-нибудь оборзевшего поисковика, чтобы полакомиться. Ночью спал тревожно, медведя в гости ждал. А он не пришел.

Закончилась моя идиллия на шестой день. Приехал гонец с Большой земли с заданием эвакуировать Отшельника на материк. Жаль. Я

бы еще недельку пожил так. И вот ведь какая штука. Как только откуда-то уезжать, так сразу в голове мысль о том, что не все еще успел доделать на этом месте. Эта мысль и в Мясном Бору, и в Мостках постоянно возникала перед отъездом. Не отпускает место, хоть тресни. Ощущение, что где-то что-то пропустил, не доглядел, не докопал, просто тяготит иногда. Так же и здесь. Кажется, одного дня не хватило, чтоб с уверенностью можно

было сказать - все, здесь я больше никого не найду. Но вот пришлось уезжать. Надеюсь, что в следующем году вернемся мы сюда.

Еще два дня мы посвятили поиску двух братских могил, отмеченных на карте в такой глухомани, что вроде кажется, кроме нынешних обитателей блиндажей, тут никто и не ходит. Нашли одну. В унылом виде. Остатки оградки из сгнивших жердей. Подгнивший столбик, бывший когда-то обелиском. И дощечка, на которой когда-то были имена. Теперь уже не прочесть. Полное забвение. Грустно.

Дорогу к этой братской могиле я запомнил хорошо. Впечатлений опять масса. Лежневки, оставшиеся с войны, проложенные по болотам. Разрушенные деревянные мосты через речки. Советский то ли ДОТ, то ли блокпост какой-то у старой дороги, тоже уже полностью заросшей и еле видной. И снова блиндажи. Целые и обрушенные. То ли от бомбежки, то ли от старости - теперь уже не разобрать. Печки-буржуйки, раскиданные по лесу. Надо же. У нас в Мясном такое богатство уже давненько не валяется. Мысли закрадываются, что карель-

ские поисковики судьбой избалованы. Крепкие советские каски ногами пинают. Я подобрал одну. Домой привез. Спереди маленькое входное отверстие, сзади - выходное, расщепившееся тюльпаном. О судьбе солдата даже гадать не приходится, глядя на такую отличную работу немецкого снайпера.

Семь дней пролетели, даже и не заметил. Вчера вроде заехали, покопошились, по лесу-болоту побегали, и сегодня уже уезжаем. Вот примерно такое ощущение было. Как-то все, показалось, очень быстро прошло. А Карелия меня контузила. Напрочь. Как когда-то Мясной Бор. В одночасье. Раз - и все. И даже не в красотах дело. Описывать их бесполезно. Местную природу нужно хотя бы один раз увидеть. Контузила всем сразу. Природой, поиском, новыми друзьями. Добрым и искренним отношением с их стороны. Да и результат поездки неплохой. Подняли мы нашей бригадой семнадцать защитников Родины. Два имени уже установили. В найденных бумажках, возможно, еще что-то будет.

На прощанье Илья пригласил приезжать еще. Конечно, приеду. Я теперь в ваши края влюбился. Нет, Мясной Бор, конечно, на первом месте. Я же не Власов, 2-ю Ударную не предам и насовсем в Карелию я в поиск не переберусь. Это понятно. Но сюда обязательно еще не раз приеду. Кто же еще, кроме Гвардии, карелов шупом научит работать? Тук-тук. Щелк-щелк.

Стас-ГЛОНАСС

Путешествие первое...

Захотелось как-то раз мужикам пивка выпить на вахте. Вот только не подумайте про нас плохого, что мы тут вместо того, чтобы солдат погибших искать, пьяные оргии устраиваем. Но вот что-то вдруг захотелось. А уж если мужику в башку что втемяшится, то никакой женской логикой не выколотить. Хочется, и все тут.

Поисковую вахту проводили в шести километрах от Мясного бора, недалеко от Офицерской поляны. Кто из поисковиков работал в этом районе, знают, где это. И вот получается такой расклад. Пива все хотят, а шлепать за ним в Мясной Бор шесть километров по грязи желающих не нашлось. Это же туда-сюда аж двенадцать км.э. К тому же не смогли определить самого надежного гонца, которому можно было бы доверить общак, а главное - получить при этом стопроцентно гарантированный результат. Соблазн отведать из кубка по дороге слишком велик. Можно ведь так «усугубить» янтарной жидкости, что с полдороги пришлось бы возвращаться. И повторить все по новой. А это уже чревато непредсказуемыми последствиями.

Короче, пива хотят все, а идти за ним никто не хочет. И тут...

Сами понимаете, по закону жанра я должен бы сказать примерно так: «... из немецкого блиндажа выкопали три канистры с пивом».

Или что-то вроде того. Нет, Гансы нас еще в 42-м опередили. Но зато подоспел телефонный звонок одному нашему другу. Игорь его зовут. Звонил ему... пускай будет Станислав, или просто Стас.

Так вот, Игорю позвонил Стас и спросил, что нужно захватить, когда он пойдет к нам в лагерь? Хлеба и консервов в этот раз на вахте хватало, поэтому ответ был предопределен: чтобы товарищ не пер-

ся порожняком через буреломы, понятно дело, заказали ему полторашечек - сколько сможет донести. Стас клятвенно пообещал: к обеду, господа копари, будет все, что пожелаете. И весь отряд воспрянул духом, потому

как народ уже настроился на расслабуху. Шутка ли? Недельку отвахтовали. Полтора десятка бойцов подняли, четыре медальона при них. Душа маленького праздника требует!

Надо сказать, что в этот раз состав отряда на вахте постоянно менялся. Был такой приходяще-уходящий. У кого-то выходные между сменами, кто-то на субботу-воскресенье только приходил. Основной костяк - человек 7-10 - жил постоянно в лагере. Остальные курсировали между домом-работой и поисковой вахтой. Так же и Стас. Выдались три выходных, и он решил осчастливить всех нас своим появлением. А чтобы уж мы совсем были счастливы, прихватил с собой некоторое количество слабоалкогольного напитка.

Южная дорога, ведущая в наш лагерь от Мясного Бора, была накатана тягачами так, что и ночью в бессознательном состоянии на ощупь можно было пройти, проползти или проехать. Прямая как стрела. Почти от самого магазина. То, что глинистая и грязная, это уже не столь важно. Ну, еще речку в одном месте переходить надо по бобрятнику. Главное, что дорога есть, и выходит аккуратно к самому лагерю.

Стас доблестно затарился в сельмаге и без доли сомнения ступил на эту связующую нить, которая должна была привести его к дру-

зьям, уютному костру, сытному обеду и душевным беседам в теплой компании под кружечку-другую божественного пенного напитка. А чтобы друзья не опоздали из поиска к его приходу, позвонил:

- Братва, я выхожу из магазина и иду к вам.

Братва громко крикнула - Урааа!!! Посмотрела на часы и прикинула, через сколько минут в кружках долгожданно забулькает. Получалось с учетом грязи, чепыжей и перекуров минут эдак через 90-100. Ни у кого никаких сомнений не было, что Стас донесет все в полной сохранке. Не тот он человек, чтобы по дороге ополовинить груз. В этом смысле просто наинадежнейший гонец.

- Будешь подходить к базе - позвони. Мы в лесу пока будем.

Предвкушая праздник, Игорь со товарищи с удвоенной энергией продолжили поиск, нетерпеливо поглядывая на часы. Когда же Стас позвонит? Но долгожданного звонка через 90 минут не случилось. Подождали еще немного, но и через 100 минут - никаких изменений в эфире... В томительном ожидании проползло еще минут 15-20. ГДЕ?!. Ладно, давай еще немного подождем. Прошло два часа после звонка. Самые нетерпеливые вызвались выйти навстречу, помочь другу донести его драгоценный рюкзак - с тайной мыслью сразу же облегчить его содержимое. Как-то невзначай все стали потихоньку подтягиваться к лагерю.

Игорь решил позвонить сам.

-Ты где?

- Я иду по дороге.
 - В каком месте? Костю встретил? Он должен был тебе навстречу попасться, ему вечером на работу. Он в Мясной Бор пошел.
 - Да, встретил. Часа два назад еще. Голос Стаса, полный бодрости, почему-то начал внушать опасения – а все ли у нас идет по плану?
 - Высоковольтку перешел?
 - Да, давно уже. - Стас просто излучал по телефону победоносный оптимизм.
 - Речку перешел?
 - Да, примерно час назад.
- Братва в полном недоумении: от речки до лагеря минут двадцать ходьбы. Причем неспешной, запинаясь и с тремя перекурами.
- А ты точно по дороге идешь? - Игорь начал сомневаться в добром здравии друга. От речки до базы за час уже можно было три-четыре раза туда-обратно сбегать.
 - Конечно! Я ж не пьяный. Вот след тягача. Свеженький. Вода даже в колеях еще мутная...
- Что-то в этих словах Игоря насторожило. Но вот что, он понять не мог, подозрения мелькнули и моментально ушли куда-то в подсознание.
- Ну, давай, шагай быстрее. Народ ждет.

Прошло еще полчаса. И еще полчаса... Потом еще... Братва от нетерпения ерзает по шершавым пенькам. По пятнадцатому разу все перекурили. «Где же ты, где, счастье далекое?» - песенка нетрадиционно ориентированного маэстро как-то невольно пришла на ум Игорю. Может, Стас пошутить решил таким жестоким образом? Тогда аутодафе ему обеспечено. Не, ну не мог же он, в самом деле, посреди дороги заблудиться. Тем более что в прошлом году уже по ней ходил. Правда, не один, а в компании. Но что это меняет? Дорога-то та же осталась.

Разговоры у костра сводились к одному: где Стас? Кто-то произнес крамольную мысль: а, может, он все сам выдул?

- Да ты что? Не... Стас на такую подлость не способен, в этом плане он просто ангел. Не может он такую бяку совершить.

Но слова уже были произнесены. И мерзкий червяк сомнения потихоньку начал глотать иссохшиеся души любителей пива. Причем с каждой уходящей минутой делал это все уверенней и настойчивей. Наконец, остатки сомнений были им съедены, и Общество Вынужденных Трезвенников вынесло свой вердикт: Стас, скотина, охранял все пиво в одно лицо и теперь спит, гад, где-то под елкой. В пользу этой версии говорил и тот факт, что связь с абонентом пропала.

- Мерзавец, и телефон выключил, чтоб не будили.

Пара измученных жаждой добровольцев отправилась на поиски павшего ангела - с полной уверенностью, что его чуть живое тело найдут где-то между Полистью и лагерем в абсолютно непотребном виде. Часа через полтора растерянные разведчики вернулись с недоуменными лицами и уляпанные грязью по самые кепки. Не нашли предателя. И рюкзака его тоже нет нигде.

Телефон по-прежнему отвечал эротичным голосом озабоченной барышни, что абонент в настоящее время не может ответить на звонок, так как спит, собака, пьяный и грязный неизвестно где.

Грусть-печаль-тоска повисла непроницаемой пеленой над поисковым лагерем. Хмурые, небритые тени его обитателей слонялись бесцельно от кострища к палаткам и обратно. «Ну как же он мог?!» - вздымали руки к небу самые эмоциональные. Надежнейший из всех, кристальной чистоты человечище. И вот, нате вам!! Так подвел коллектив, так низко пал. Кому же тогда в этой жизни верить можно, если даже Стас... Э-эх!..

Прошло уже восемь часов с момента выхода самого ненадежного в мире человека из Мясного Бора. Надежда увидеть его сегодня живым и в добром здравии постепенно угасала даже в сердцах отчаянных опти-

мистов. До всех начала доходить очень неприятная и жестокая правда жизни - ПИВА СЕГОДНЯ НЕ БУДЕТ!!! СОВСЕМ НЕ БУДЕТ!!!

Что ж. Проспится, придет на базу - ох, и устроим ему... Но легче на душе от этой мысли не стало никому.

Как то незаметно и темнеть уже стало. Не то чтобы народ обеспокоился долгим отсутствием гонца, но уже злость на парня стала утихать. Хрен с ним, с пивом. Выпитого не вернешь. Сам бы хоть нарисовался. Ночи в августе холодные - не простудил бы себе чего-нибудь, олух. На земле - не на перине спать.

Беседы у костра «на сухую» совсем не клеились. Поисковики были похожи на детей, которым пообещали вкусную конфету, а вместо этого отшлепали по заднице. Каждый вращал в голове только одну мысль - о гнусном алкоголике. Хотя и по-разному. Кто-то молча жалел негодяя, а кто-то строил планы жесточайшей, медленной и извращенной мести.

Уже двенадцать часов пролетело.... Никакой надежды....

Звонок мобильного разорвал скорбную тишину, словно взрыв полутонки за палатками. Игорь дрожащими руками нервно схватил телефон, уронил его в костер и тут же вытащил вместе с парой припекшихся углей.

- Стас!!!

Гробовая тишина повисла над лагерем. Десять пар глаз впились молниями в Игоря, включившего громкую связь. Десять пар ушей напряглись до красноты, пытаясь уловить голос с планеты Алко-Центавра. Десять пар ног по первой команде были готовы устремиться на поиск заблудшей овцы.

- Ты где, придурок? - голос Игоря сорвался на крик. - Тебя тут уже четвертовать собрались, пень приготовили, Вадик топор точит...

- Да все нормально со мной! - веселый настрой Стаса ничуть не изменился за двенадцать часов. Такой же бодрый и оптимистичный, - я в Тюменском лагере.

Тишина у костра стала еще гробовее. Вадик выронил на ногу топор и даже не заметил этого. Где-то под корнями попискивали совокупляющиеся мыши. Далеко-далеко пролетел комар.

- Гдеeee!???

- Да в лагере у тюменцев. Меня тут уже покормили и в палатку определили. Переночую и приду. Вот только пиво.... это... ну, мы тут по чуть-чуть совсем...

Трах-тибидах-тарарах!!! Эмоциональный взрыв обделенных пивом поисковиков разнес окрестности вдребезги. Из всего многоголосья мнений о происшедшем печатными были только предлоги.

- Ты как туда попал, долбо...ежик? Это же три километра в сторону от Южной!!! - негодование Игоря оплавало мембрану новейшего гаджета.

- Да чет шел-шел и попал... Они обещали завтра на нужную дорогу вывести.

- Да можешь уже и не приходить!- Рывкнул Игорь напоследок в телефон и отключился.

- Ну, не олух ли? Сказано же было - никуда не сворачивать! Какого ... поперся в Тюмень???

Как писал наш командир в своих мемуарах, «утро не заставило себя долго ждать». Ровно через двадцать четыре часа после времени ИКС произошло явление Стаса народу. Весело, с улыбкой, отдохнувший и не отягощенный абсолютно никаким посторонним грузом, исследователь окрестностей Мясного Бора бодро вошел на территорию лагеря.

Нет. Оваций не было. Был ржач. Дикий безудержный ржач. Громкий и беззастенчивый. Друзья веселились, как могли. Они просто над ним глумились, упражняясь в остроумии. Как же много нового Стас о себе узнал. Оказывается, с сегодняшнего дня он человек-навигатор, чемпион по ориентированию в лесу и рекордсмен по преодолению шестикилометровой дистанции по пересеченке - всего за сутки прошел трассу...

В конце концов выяснилось, что, идя по Южной дороге, Стас проскочил каким-то чудом мимо базы, повернул по немецкой узкоколейке в сторону Северной дороги и там вдруг увидел свежий след тягача, который за три часа до этого прошел в Тюменский лагерь. Этот путь ему показался более надежным. И он, ничуть не сомневаясь, понес весь стратегический запас в Тюмень. «Вот почему вода в колее была мутная, - подумал Игорь, - тягач проехал». И в голове все встало на место.

Путешествие второе...

Два дня Игорь не отпускал провинившегося друга ни на шаг. Разве что спали в разных палатках. Работали вместе на Офицерской поляне - от лагеря примерно метров двести. За годы поисков к этой поляне уже такая тропа была натоптана, будто стадо мамонтов пятнадцать раз туда-обратно пробежало. Стас сказал, что после обеда ему нужно двигаться домой - завтра на работу. Одна мысль о том, что друг опять окажется один на Южной дороге, вызывала у Игоря приступ стено-

кардии. Но мы ведь всегда надеемся на лучшее. Не может он второй раз на те же грабли наступить. Урок должен пойти впрок.

Обедали прямо в лесу сухпаем. На прощание коллега попросил его вещи в тягач закинуть, когда съезжать будем - чтобы налегке добраться до Мясного Бора и не утопить ненароком в Полисти драгоценный спальник и теплую куртку.

- Вот так вот прямо и иди. Метров через тридцать на нашу тропу выйдешь. По ней повернешь направо. Она тебя сама к лагерю приведет. Понял? А я пока здесь докопаю... И не вздумай с тропы никуда сворачивать!!!

- Да понял я, понял! - Стас нетерпеливо направился через кусты к тропе. Больше в этот день его никто не видел...

Игорь со спокойной совестью закончил свой раскоп. Взглянул на часы. «Небось уже к речке подхо...». Телефонный звонок прервал так стремительно начавшуюся мысль. Почему-то очень не хотелось доставать мобильник из кармана. Шестое чувство подсказывало, что ничего хорошего этот звонок не предвещает.

- ШО? ОПЯТЬ?!!!!!! - фраза из известного мультлика мгновенно всплыла в голове при одном только взгляде на экран. В тот момент, когда Игорь нажимал кнопку ответа, он был похож на шахида-смертника, приводящего в действие взрывное устройство.

- Игорь, я что-то иду-иду, а лагеря все нет. Полчаса уже иду. - Слова Стаса подтвердили худшие догадки...

- Да тут идти то пять минут!!! Ты с ума, что, ли сбрендил? Куда ты на хрен ..? Ты где?- последний вопрос выглядел не очень уместным по отношению к заблудившемуся другу. Об этом теперь никто не знал, даже он сам. Полчаса по лесу с учетом болотистой местности все равно дадут результат как минимум километра в полтора. Тем более непонятно, в какую сторону его черти занесли.

При дальнейшем разговоре выяснилось, что человек-навигатор, уйдя с поляны в том направлении, куда ему указал Игорь, просто не заметил тропу. Тропу, по которой мамонты бегали много-много лет. И, не меняя курса, вышел на болото, продолжал топтать по нему полчаса. При этом, не задумываясь, пересек две тягачевских колеи, ведущие тоже в сторону лагеря. И никак не мог понять, почему он до сих пор не пришел в точку назначения. Да-а-а. Похоже, товарища еще в детстве залили тормозной жидкостью по самую маковку, поставили на ручник и выпустили в жизнь. Как можно не сообразить, что тридцать метров пройти можно гораздо быстрее, чем за тридцать минут.

- Слышь, ты, разносчик пива! Развернись на 180 градусов и возвращайся по своему следу назад. В болоте след хорошо виден. Дойдешь до края леса - ори громче. Я услышу.- Это все, что Игорь мог посоветовать в данной ситуации.

Прошло полчаса. Как вы уже догадываетесь, никаких криков со стороны окраины леса не было. На вопрос по телефону, как дела, был ответ: Так, мол, и так, иду по болоту. Слева какая-то канава.

Игорь вышел на болото и начал сам кричать до хрипоты. В ответ услышал голос внезапно ниоткуда возникшего командира

- Чего орешь?

- Блин, Саня, ты представляешь, этот му...к опять заблудился.

И вкратце обрисовал ситуацию,

- А-а... Я понял, где он. Звони ему. Сейчас я его выведу. - Орел поселил маленькую надежду в израненное сердце Игоря.

- Стас, ты так и иди вдоль канавы. Она к лагерю подходит. Только куда не сворачивай. Выйдешь, прямо к Звезде. Мы там будем ждать.

Звезда - это бетонный памятник, который поисковики поставили в месте прорыва из окружения наших дивизий. Место, которое даже в темноте невозможно не заметить. Туда и вышли, чтобы дожидаться Стаса. Ну да. С таким же успехом можно было ждать повышения зарплаты после трехдневного прогула. Лесной скороход не появлялся. Опять звонок:

- Игорь, что-то канава кончилась. Тут какие-то ямы и просека. Мне куда идти?

Бум-с! Из рук Орла выпал минник.

- Он что? Так по канаве мимо Звезды и прочесал??!

Других канав в радиусе полутора километров просто нет. И если он шел так, как сказал, то получается, что командир прав. Памятуя, как пивной гонец три дня назад бодро пропылил мимо лагеря, едва не задев растяжки палаток, удивляться не пришлось. На этот раз он точно также пролетел мимо Звезды.

- Так, погоди, надо сообразить, как его выловить...- Командир задумался. В это время подошел Вадик. Игорь повторил ему свой рассказ с учетом последнего события.

-А-а...Я понял, где он! Звони ему. Сейчас я его выведу.

Неистово жестикулируя, Вадик минут десять объяснял Стасу, куда он должен идти, сколько это займет времени, в какое ухо должно светить солнышко и что он увидит по пути.

Троица уселась ждать дальше. За неспешными разговорами развели костер, замутили чифир. Кто-то вяло высказал предположение, что опять в Тюмень ушел. А нафиг он там нужен, без пива? Натуженно посмеялись, поглядывая на перевалившее через зенит солнышко.

Стас не появлялся. Появился Миша, еще один член клуба любителей пива. И вовремя. Тут же раздался звонок. Стас сбивчиво и уже с некими истерическими нотками в голосе стал в очередной раз рассказывать, какой прекрасный пейзаж его окружает. Введя Михаила в курс дела, поисковики вопросительно смотрели на него - что скажет?

- А-а! Я понял, где он! - и Миша нудно и в подробностях принялся по телефону обрисовывать туристу его очередной маршрут. Остальные смотрели на него с недоверием. В Мишиных словах звучали страшные в этой ситуации названия: Черный Лес, Замошье - эти географические пункты находились примерно в пяти километрах от лагеря...

- Он все понял. Через час придет. - Заверил Миша и с чувством выполненного долга отхлебнул командирского чифира. Ждать у Звезды смысла не было, и компания рассосалась в свободном поиске.

Весть об очередном путешествии Синдбада разнеслась по отряду с молниеносной быстротой. Тему обсасывали со всех сторон с азартом и черно-белым юмором. Высказывались различные версии. Типа, спит в берлоге с медведицей. Или в Тюмени любовь с первого взгляда нашел, туда и ушел. А нам просто голову душит. И так далее. Промелькнула фраза, что Стас спокойно спит в палатке, и кто-то вгипарх сходил проверить. Так прошел отведенный на дорогу час...

Однако ни через час, ни через два блуждающий представитель семейства Сусаниных не появился. Хуже того, его телефон не отвечал. Все попытки дозвониться до него наткнулись на безапелляционную фразу электронной дамы: «абонент накрылся медным тазом».

О траектории движения Стаса можно было только догадываться. Игорь глотал валидол. В мыслях мелькали картины истощенного и изможденного Маугли, выходящего к людям где-нибудь под Любанью.

«Агафья Лыкова всю жизнь в лесу живет, и ничего... Прекрасно себя чувствует», - успокаивал он себя. Ни на что не надеясь, в очередной раз набрал номер друга. Внезапно пошел вызов.

- Ну, и что ты теперь видишь? - флегматично произнес Игорь, выслушав все, что Стас думал о нем, о его друзьях, о болоте и об экстремальном туризме. А так же попытался понять, в каком гробу товарищ все это видел. Немного успокоившись, напарник рассказал, что стоит посреди болота, но вокруг нет ни одного дерева, болото топкое, а лес на горизонте, километрах в трех.

В этот момент очень кстати подошел очередной знаток местности, и, выслушав незамысловатое описание пейзажа Новгородской области, произнес:

- А-а!!! Я понял, где он... Дай трубу, я объясню.

И, нисколько не сомневаясь, отправил скорохода теперь уже, по всей видимости, в Китай. Там плотность населения больше. Быстрей к людям выйдет, чем здесь.

А у костра продолжалась тема ориентирования в лесу. Кто-то посоветовал Игорю в следующий раз одеть Стасу ошейник, какие одевают на охотничьих собак. Там вмонтирован чип, передающий сигнал на спутник, и охотник на своем навигаторе всегда видит, где его пес находится. Как ни странно, но идея почему-то заинтересовала Игоря, и он всерьез спросил, сколько эта штука стоит. Услышав ответ, подумал: «Не-е, я ему лучше ботало на шею повешу. Как у коровы»...

Из задумчивости вывел очередной звонок несостоявшегося китайца.

- Игорь, я тут вижу раскопы, а еще какая-то дорожина. - Стас принялся дальше с упоением рассказывать, что он видит. В голосе появилась веселость. Он на правильном пути. Здесь когда-то были люди - год-два назад. Выслушав очередное описание красот природы, Игорь пришел к выводу, что это Политруки. Больше в болоте такого количества раскопов в одном месте нет.

- А-а!!! Я понял, где ты!. Теперь слушай меня! - произнес он командным голосом, - встаешь так, чтобы солнышко светило тебе в правое ухо и чуть в затылок, и идешь, никуда не сворачивая, ни при каких обстоятельствах. Понял!???? - Последнее слово он уже крикнул. В трубке возникла неловкая пауза, какое-то замешательство, и не очень уверенный голос произнес:

- Да, я-то понял... Только, это... Солнышка нет. Оно в облаках.

Игорь недоуменно посмотрел на девственно-чистую синеву неба. Потом повел взглядом по сторонам. Ноги его подкосились. Где-то далеко-далеко на горизонте, в районе Псковской области собиралась кучевка... «Это не Политруки...» - Обреченно простонал его внутренний голос, и он бессильно рухнул на бревно.

- И где теперь этот пассажир? - спросил кто-то из друзей.

- Под Псковом. - Игорь молча передал телефон кому-то из поисковиков. Включив громкую связь, народ хором дружно принялся выяснять все обстоятельства маршрута и просил поделиться новыми впечатлениями от красот окружающей среды.

- А-а!!! Я понял, где он... - В очередной раз прозвучала фраза, и радиоуправляемый турист получил новые координаты наведения на цель.

Колориту этой ситуации добавило неожиданное приключение Вадика, ушедшего за водой и внезапно заблудившегося на несколько минут в лесу, который был знаком ему как пять пальцев.

- Надо сжечь его вещи! Это заразно! - Мрачно произнес он, вернувшись через полчаса с пустыми ведрами.

Тем временем начинало темнеть. «Хоть бы тюменцы подобрали опять этого бегуна» - с тоской думал Игорь, терзая телефон. Связи с абонентом снова не было. «Очень бы хотелось посмотреть на навигаторе маршрут его движения. Вот забавное макраме получилось бы, наверное. Заяц, и тот так бы не напетлял».

Из соседнего лагеря пришли в гости ярославские поисковики, которым поведали страшную историю про похождения GPS-человека.

- У меня же ружье есть - сказал ярославский командир, - давайте, я постреляю в воздух. Должен же услышать!

Каким-то чудом опять появилась связь. Видимо, высшие силы сжалились над всеми участниками событий.

- Стас, мы сейчас в воздух стрелять будем. Иди на выстрелы.

- Да мне уже похрену, куда идти... - Буркнул Стас. По голосу чувствовалось, что остатки сил и оптимизма его вот-вот покинут.

- Слышал? - спросил Игорь после дуплета

- Нет, не слышал...

- Вовка, пальни еще!

Прогремело еще с десятков выстрелов

- А сейчас?

- Нет.

Высавив в атмосферу не меньше чемодана боезапасов, ярославский командир обиженно вернулся к себе в лагерь.

- Ну???

- Нет, не слышал...

- ... А что слышал? - голос Игоря стал тихим и вкрадчивым.

- Самолет пролетел только что. - задумчиво ответил Стас.

Братва переглянулась. Самолет над лагерем пролетал минут пятнадцать назад...

Из Псковской области подоспела тучка, и зарядил нудный, морсящий дождь. Окончательно стемнело. К тому же связь с любителем побегать без головы по болотам пропала окончательно. А так как на ситуацию повлиять уже никто никак не мог, все разбрелись по палаткам и увалились спать. Оставалось надеяться только на чудо. До поздней ночи Игорь обзванивал друзей в городе. Не выходил ли товарищ на связь?

Чудо произошло в четыре часа утра, когда промокший, голодный, в изодранной футболке и на грани истерики Стас наконец-то вышел... Нет, не угадали. Не в лагерь. Есть недалеко от Новгорода, по трассе Москва - Питер деревня со смешным названием Тютюцы. Вот туда-то, на последнем вздохе и вышел герой ночных походов. Для тех, кто знаком с районом, не составит труда прикинуть, где Звезда, где Мясной Бор и где Тютюцы. И при желании примерно нарисовать маршрут от Офицерской поляны до лагеря. Так, как себе его представил Стас-ГЛОНАСС. Теперь его в народе так зовут.

Вечером Игорь напился...

Последний

Новая мощная иномарка остановилась на обочине автострადы. Из нее вышли двое. Старый Следопыт и его внук. Деду уже лет семьдесят. Невысокий, жилистый, худощавый. Прихрамывая, проковылял к багажнику, откуда розовощекий внук достал объемистый видавший виды рюкзак и помог деду надеть его.

Это он, Следопыт, уговорил парня привезти его сюда столь ранним утром и столь поздней осенью. На свою, как он считал, землю. В свою вотчину, где прошла почти вся его жизнь, посвященная одной цели - Поиску. Всю свою жизнь он искал непохороненных солдат той далекой войны, закончившейся сто лет назад. Войны, про которую теперь никто, кроме него и еще нескольких таких же древних следопытов, не знает настоящей правды. Нет уже ветеранов той страшной бойни. Да и поисковиков - настоящих, с которыми он узнавал ту жестокую и циничную правду войны, почти не осталось. Ушли вслед за ветеранами - туда, к своим, которых нашли или не успели найти. Вот и он, пожалуй, последний остался из тех, кто начинал этот поиск. Да и заканчивать, видимо, тоже ему.

Когда-то он был командиром своего поискового отряда, который сам организовал. Золотое время было. Все занимались одним общим делом, с азартом и рвением таким, что спать некогда было. Люди в отряде были разные. Состав постоянно менялся. Кто-то уходил, кто-то приходил. Но был костяк из нескольких бойцов, с которыми были пройдены и огонь и воды. На которых мог надеяться как на себя. С которыми за десятилетия сроднился так, что не представлял уже себя без них. А теперь... Кто-то уже и ходить не может, кто-то спился или просто от старости ушел в мир иной, кого-то уже не дозовешься - силы иссякли.

Нынешних молодых поисковиками не назовешь. Хотя вроде называются так же. Вот только все больше митинги, какие-то парады проводят, слеты разные. Да в войнушку с реконструкторами играют. Щуп в руках редко кто держать может. Да и если честно, то искать уже почти не кого. Много косточек откопали за прошедший век, не мало их и просто растворилось за долгие годы. Лес весь перелопачен. Старые раскопы по пять раз перевернуты. Путной ржавой железки не найдешь. Осколки и те стали собирать да разные сувениры из них делать. Вон внук как раз и наладил производство таких сувениров. Сюда, в Долину, уже редко кто ходит. Все больше в соседнее государство ездят. На новую войну тридцатилетней давности. Какую-то нелепую и непонятную. Видимо, каждому поколению поисковиков предназначено свою войну копать.

Следопыт, побряхтывая, перелез через канаву и неспешно направился в лес, постукивая своим старым поисковым щупом. Скорее не из желания что-то найти, а просто по многолетней привычке. Для матерого поисковика эта палка со стальным прутком как третий глаз, третье ухо и третья рука. Без него чувствует он себя раздетым, глухим, слепым и беспомощным.

Когда строили эту автостраду, сильно переживал. Как же по солдатским костям бульдозеры пойдут? К чести властей, пустили поисковиков вперед бульдозеров, чтобы совесть не глодала потом никого. А все равно эта дорога как шрам на сердце. Через самую-самую Долину смерти проложена, где прошло его детство, в котором места игрушечным автоматам не было - боевого оружия хватало с лихвой. Затем бурная юность с самогоном, стрельбой и взрывами. И зрелость с Большим Поиском, когда ежегодно в эти места собирались десятки отрядов, тысячи поисковиков. И почти на одном энтузиазме делали огромнейшую работу, о которой нынешние даже и помыслить не могут. Здесь он со своим отрядом поднял тысячи и тысячи погибших воинов. Вдоль и поперек исходил Долину. Знал каж-

дую ямку, траншею, землянку, от которых сейчас и следов почти не осталось. Мог и теперь в подробностях вспомнить, кто и что нашел в такой-то воронке или во-о-н в том блиндаже. Помнил количество убитых в каждом найденном захоронении.

Дед потер занявшее от воспоминаний сердце, присел на поваленную ольху и огляделся. Лес, казалось бы до последнего пенька родной и знакомый, теперь какой-то другой, совершенно новый. Почти семьдесят лет прошло. Когда он впервые сюда пришел со старшим братом, здесь не было этих могучих деревьев. Только мелколесье, кустарник да догнивающие с войны остовы берез и осин,

срубленных снарядами. И железо. Много-много железа. Военного, смертоносного, покореженного, ржавого, зловещего железа. До куда хватало глаз, везде рваными кроваво-рыжими пятнами оно вылезало сквозь молодую поросль. Где оно теперь? То, что не вывезли на переплавку сразу после войны, вытаскали на сувениры, а потом и музейщики-реставраторы выгребли все остатки. Военное железо всегда пользовалось повышенным интересом.

А между горами рваного железа, помнится, - человеческие кости, сплошным ковром застилающие Долину. Разгреб опавшую листву и - вот они. Которые целые, а которые и осколками переломанные. Лежат солдатики, сжимают винтовки рассыпающимися фалангами. Их было столько, что казалось просто невыносимым их всех похоронить. Первое время и не старались особо это делать. Сунул руку в кости, раздвинул ребра в стороны, нет медальона - идешь к следующему. Нашел медальон - разворачиваешь и читаешь. Потом с родными списываешься или через военкомат запросы посылаешь...

Вон на том еле-еле видном бугорке, который раньше был бруствером окопа, они с братом нашли молодого командира, в кошельке у него была хорошо сохранившаяся фотография красивой женщины. Кто она? Жена? Невеста? Да кто ж знает. Портсигар еще у него был с инициалами. А.Д.В., кажется. А медальона не было. Долго хранилась эта карточка вместе с портсигаром у него дома, потом отдал в городской музей на стенд про Войну. И надо же такому случиться - одна из посетительниц музея вдруг узнала на фотографии свою мать и чуть в обморок не упала. Такая же в точности фотография, только увеличенная, дома на стене как портрет висела. Вот и еще одним неизвестным солдатом меньше стало.

Потом стали останки собирать и хоронить. Выносили из леса мешками. Или прямо на месте делали братские могилы. Ставили са- модельные памятники.

Брат Следопыта раньше начал ходить в Долину. Старше на де- сять лет был и рассказывал ему все, что сам знал. Учил мины обез- вреживать, из «трехи» и СВТ стрелять. Легко и просто эта наука да- валась. Интерес был жуткий.

Следопыт подошел к еще видному широкому раскопу. Здесь они много оружия тогда нашли, и почти все в рабочем сохране. Промыл в воде, и понеслась стрельба по окрестностям. Патронов на каждом шагу - россыпями. Натешились до глухоты, до боли в плече.

А в соседней яме полтора десятка наших. В касках, шинелях, ремнях. И медальон один на всех. Солдат оказался из Узбекистана. Это все что удалось прочитать. По-русски, видимо, боец не умел гра- мотно писать. Записывал так, как слышал. Не смогли тогда разобрать его иероглифы. Да-а. Сейчас бы куча аналитиков подключилась, рас- шифровали бы все до буквы.

Солнце поднималось над лесом. По зарастающей колее от тягача дед неспеша прошел еще несколько десятков метров. Тяжело стало ходить. Ноги болят. Может от старости, а может уже весь свой за- пас прочности израсходовали. Шутка ли - столько отходить по этим

болотам! Молодые с ног валились, пытаюсь успеть за ним по лесу. А ему хоть бы что. До ночи как на крыльях летал. А вот теперь уже не держат крылья. Поистрепались.

Снова присел на пенек передохнуть. Закурил едким древним Беломором. Внук где-то раздобыл за бешеные деньги. Неспешно пуская дым, разглядывал кусок ржавого железа в колее. Пытаюсь определить, что за пред- мет, наклонился, и снова кольнуло слева. Да что ж такое? Не болело ни- когда. Тоже запас проч- ности кончился? Старик выбросил недокурную папиросу, вытер со лба ис- парину, нехотя ткнул шу- пом железку. Осколок. От них металлоискатели не умолкали. Столько их тут в земле до сих пор лежит, что, наверное, металлур- гическому комбинату на год хватило бы этот чер- мет плавить.

В паре десятков ме- тров увидел давно зарос- ший и сравнявшийся с землей блиндаж. Улыб- нулся, вспомнив, как с друзьями нашли в нем много всякого не- мецкого барахла. Интересные вещи были там. Посуда с клеймами, штык-ножи, ложки-вилки, и даже МП-38 в углу под настилом ле- жал. Он тогда передернул затвор и сразу выстрелил. От удивления у всех глаза на лоб полезли. Ни фиги себе! Вот это сохран. Были там еще полусгнившие пачки немецких газет и журналов, стопки, пустые бутылки. А одна бутылка была полная. Вот уж радости было! В лес они тогда на сухую не ходили, употребили самогону накануне дюже крепко. И такая находка, тем более, утром, когда в голове шум, пришлось очень кстати. Опорожнили ее, ничуть не сомневаясь в со- хранности алкоголя. Он тогда ради интереса захватил домой пустую бутылку, на ней были красивые рельефные надписи. Позже, когда узнал, что бутылка такого вина среди коллекционеров стоит больше

пяти тысяч долларов, долго смеялся с друзьями - ни разу в жизни еще не похмелялись таким дорогушим вином. А через год в пяти метрах от этого блиндажа, на той самой кочке, где выкопанный импортный коньяк распивали, нашел трех наших солдатиков. И стало почему-то нестерпимо стыдно. Надо же. На гансовское барахло тогда позарились, а своих не нашли.

Заросшая дорога, чуть извиваясь, привела к огромной авиаворонке, которая в войну стала еще и братской могилой для девятиста пяти человек. Похожая на большой заросший пруд, она и через столько лет привлекала внимание. Уж кто только ее не выкачивал. На памяти Следопыта ее семь раз разные отряды в разное время брали. И как ни странно, каждый раз что-то или кого-то находили уже после того как тех девяносто пять подняли. Он и сам как-то раз взялся ради интереса отвалы перебирать. Кроме патронов и мелких осколков, которых тут просто горы по всему лесу, нашел несколько мелких костей. А еще медальон, пропущенный толпами поисковиков. Что ж, бывает и такое. Хозяина медальона давно уже похоронили безымянным. И вот теперь через много лет обрел он имя. После этого случая все отвалы просто как сквозь сито просеяли. И ведь нашли еще три медальона и медаль «За отвагу». Бывают в жизни чудеса. Ох, бывают.

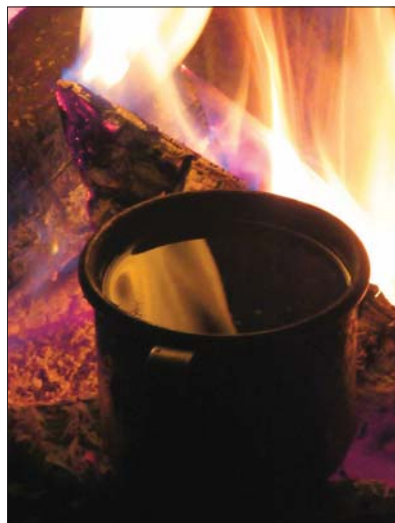
Старик, прищурясь, разглядывал лес. Вот она, узкоколейка, по которой боеприпасы подвозили. Никаких следов уж не осталось, но он-то ее разглядел по одному ему видимым признакам. Много вдоль нее солдат наших лежало. В основном раненые тут нашли свою смерть. Не успели их в тыл вывезти. Потом немцы пришли и добились всех, кто не мог сам передвигаться. В черепах аккуратные круглые дырочки были почти у всех, кого старик с отрядом находил вдоль этой дороги.

Следопыт прошел чуть дальше и остановился перед ржавым памятником. Его когда-то давным-давно поставили родственники одного из солдат, которых он нашел. Раньше они приезжали почти каждый год на это место. Теперь вот уже лет двадцать никто не ездит. Краска облупилась, да и сам памятник покосился и зарос кустами. Молодая березка проросла прямо сквозь переплетения арматуры. А табличка с именем, выбитым не нержавейке, сияет будто новая, отражая вышедшее в зенит светило. Да-а. Сколько же таких вот самодельных неказистых обелисков по этому лесу разбросано.

Сотни... Хорошими ориентирами они служат для тех, кто в Долину впервые попал.

Постукивая шупом, перебирая в голове мысли, старик брел в сторону от дороги. К одному ему ведомой цели. Почти по прямой, не сворачивая. Вот и еще один памятник. Железная звезда на постаменте из красноармейских касок. Да только не солдату, погибшему в войну. Памятник поставил он сам бойцу своего отряда. Тот погиб от

немецкой мины, видимо, пытаясь ее обезвредить. Дико, нелепо, страшно. За два дня до своего тридцатилетия. Боеприпасы они в лесу обезвреживали каждый день не по разу. Тонны боеприпасов. Считались лучшими профессионалами. Умели все и знали все типы взрывателей. Следопыта всем этим премудростям учил брат. Позже уже и сам он учил своих бойцов. Что и как случилось в тот первый день мая, теперь уже не знает никто. Придя в лагерь, он нашел окровавленные куски мертвого друга и свежую воронку. И

долго по-волчьи выл в голос и бился головой о деревья от бессилья что-то исправить...

Медленно убрал скопившийся мусор и положил к подножию памятника Беломорину. Затем так же не спеша собрал сухих веток, достал из старого прожженного и протертого рюкзака мятый котелок и консервы и принялся колдовать над приготовлением чифира. Он любил этот напиток, да и сам неспешный процесс его приготовления ему нравился. Глядя в огонь, старик размышлял о прежних походах в Долину, о друзьях, которые вот так вот бывало нелепо уходили из жизни. И вдруг в какой-то момент с отчетливой и пронзительной ясностью осознал, что сегодня и для него это последний выход в лес. Последний день его поиска. Он даже замер на секунду с кружкой горячего чифира в руке и с тоской взглянул слезящимися глазами на небо. Неужели? Неужели больше никогда он не придет в этот лес? Неужели никогда больше вот так вот не сядет возле дымящегося костра?

Далеко перевалившее через зенит солнце только блеснуло сквозь редкую осеннюю листву холодным лучом и ничего не ответило... Подсознательно Следопыт всегда это понимал и знал, что этот день когда-то настанет. Как когда-то он настал для всех поисковиков, влюбленных всей душой в эту Долину. Для кого-то раньше, для кого-то позже. Знал, но гнал от себя эти мысли. Потому что по-другому он не мог жить. Без своей Долины. Правильно ли жил, все ли успел сделать, не задумывался об этом. Он просто искал солдат. Здесь был его дом, друзья, семья. Здесь было все то, чего не хватало в городской суете. Здесь было все почестному и просто до примитива. Вот ты, а вот они, солдаты, найденные тобой, в мешках и ведрах. Может, сложись его судьба по-другому, достиг бы и других вершин. Более осязаемых материально. Но там, наверху распорядились иначе. Свыше ему была предназначена только такая жизнь. Да и самому ему другой жизни было не нужно.

Не-ет! Ноги откажут - приползу. Ослепну - на ощупь приду. Глухой, горбатый, с язвой от чифира и раком от Беломора, но я буду здесь еще не раз. Разум говорил одно, а душа не хотела мириться с очевидным.

Сердце опять заныло тупой, тягучей болью. Привалившись на ствол дерева, Следопыт долго сидел не шевелясь, прогоняя мысленно эту так некстати нахлынувшую боль. Он просто ждал, когда лес его вылечит. Как волшебный бальзам исцелит от всех недугов. И правда, заноза в сердце постепенно растворилась, и старик открыл глаза. Бывало, дома и спина радикулитом ноет, и голова кружится, а придешь в лес - все болячки испарились, как не бывало.

Но это про физическую боль. А кто измерит боль душевную? Когда с каждым найденным бойцом будто уходит к нему кусочек твоей души. Или наоборот - частичка убитого солдата переселяется в твою душу. Словно сродниться хочет. И с каждым разом этот груз все тяжелей и тяжелей. Потом за две-три недели, проведенные в лесу, так умотаешься, что вроде бы домой рвешься, отдохнуть, отдышаться, отоспаться. Так нет же. Только очухаешься, прокопченное тело в бане отпаришь, опять душа в поиск рвется, ноги сами в Долину несут. Как это ни странно, но в лесу, заваленном солдатскими костями - как в раю. Хорошо и уютно. Здесь все свои. Без лицемерия и предательства. Часто ловил себя на мысли, что с мертвыми он больше общается, чем с живыми. Бывает, что живых и людьми не всегда назовешь. Так, какое-то подобие приматов.

Первых своих найденных солдат Следопыт сначала всегда рассматривал с пацанячьим интересом. Да и был-то пацаном. Потом,

постепенно от монотонности того, что он делает, этот интерес притупился. Он просто их искал и хоронил. И вот в один момент, когда количество найденных солдат достигло какой-то критической цифры, вдруг как вспышка в мозгу «А ведь это же люди! ЛЮДИ!» Каждый со своей короткой судьбой, со своими несбывшимися планами, надеждами. У каждого были мать, отец. Кто-то успел завести семью, кто-то нет. Он даже ужаснулся от того, что раньше относился к ним как к просто находкам. К костям. Хотя и человеческим. Да и многие так относились в этих местах. Это поколение выросло в такое время, когда черепа в лесу как пеньки лежали. Поддеть его ногой было такой же обыденностью, как для городского жителя пнуть консервную банку на асфальте. Люди. Сколько же вас здесь лежит, сгинувших без вести в окровавленных дебрях?

Старый Следопыт вышел на край мохового болота. «Привет, красавица!» - произнес он еле слышно. Со стороны можно было подумать, что дед в этих лесах совсем умом тронулся. Но это приветствие относилось к едва видимому раскопу, совсем заплывшему от времени. Сразу и не поймешь, раскоп это или просто небольшая ложбинка во мху. Когда-то давно они нашли здесь погибшую медсестру. Мало что от нее осталось. Молодые девичьи кости быстро растворились в этих кислых болотах. А косы остались. Шикарные, красивые темно-русые косы. Аккурат-

но были уложены таким царским венцом на голове. И еще разбитый осколком медальон. Когда он увидел эти косы, впервые за столь долгие походы в лес заплакал. Тихо, беззвучно, отвернувшись в сторону, чтобы никто не видел его минутной слабости. Он же командир. Так и не смог он привыкнуть к женщинам на войне. Даже сейчас опять ком в горле. Он будто наяву снова увидел эту девичью красу...

Пора, наверное, и назад продвигаться - подумал старик. Солнышко уже к горизонту клонится. Темнеет сейчас рано. Хотя заблудиться он не боялся. Это его лес, и здесь он мог в любое

время суток выйти, куда пожелает. Здесь все знакомо до последней ямки, до последнего кустика.

Отбросил в сторону очередную докуренную до последней крошки беломорину и повернул в сторону большой поляны, заросшей высокой травой. Поляна выглядела так, словно война здесь прошла всего лет пятнадцать назад. Просто живого места на ней не было. Это поисковики ее так всю перелопатили. Еще одно памятное место. Здесь наших немцы накрыли минометами, а потом еще и из пулеметов добили. Положили всех. Больше тысячи на крохотном пятачке. Люди лежали в несколько слоев. Уж на что Следопыт привык к большому количеству солдатских костей, но такое жуткое зрелище он видел тогда впервые. Основную массу бойцов подняли в первые же два-три года. А затем не год, не два, а сорок лет поисковики перекапывали и просеивали эту поляну. Каждый год она приносила им свой скорбный урожай в виде медальонов, медалей, печатей воинских подразделений. Даже знамя полковое как-то раз нашли.

Старик медленно прошел через тростники, поколачивая своим верным и надежным инструментом. Кое-где под щупом звучали осколки, патроны, камни. Он не нагибался проверять, что там лежит. Со стопроцентной точностью он мог просто по звуку определить и

размер осколка, и калибр патрона. Долгий поиск развил в нем звериное чутье. Иногда бывало, что много всяких солдатских вещей раскидано по небольшому пятачку, минник в руках поет победные песни, а он почему-то был уверен, что солдата там нет. И не ошибался ни разу. А иногда вдруг на пустом месте, где металлоискатель ни одним сигналом не радовал, остановится, ткнет пару раз щупом, а там нога или череп. Солдатик лежит весь размороженный. И ничегошеньки металлического у него нет, на что бы прибор пискнул. Что это? Дар свыше? Или какая-то немыслимая интуиция, развившаяся за годы работы в лесу. Идешь вот так иногда, свои мысли в голове гоняешь, и ни с того ни с сего вдруг ноги сами несут к какой-нибудь березе, под которой находишь бойца. Наверное, направляют его поднятые солдаты к своим, еще не найденным однопольчанам. Откуда-то из небесного строя неслышимые команды подаются.

Недавний ураган наломал и навалил много старых деревьев за поляной. Переплетение стволов и корней напоминало какие-то злое вещи клубки гигантских змей. Следопыт остановился, созерцая это нагромождение. Решил не лезть через него, а обойти стороной, по краю этого хаоса. Перелезая и где-то даже переползая через этот лесоповал, он вышел к огромному выворотню. Корни старой ольхи взвились в небо на четыре человеческих роста. Повисший на них обрывок кожаной портупеи или чего-то там еще сразу привлек внимание. Слух, зрение, осязание сразу обострились до предела. Тело напряглось, как перед последним броском в атаку. Машинально ткнул щупом под корни. Стоп!!! Что это? Не может быть! Да нет, все верно - не мог он этот звук перепутать ни с каким другим. Кость! Так под

щупом стучит только она. Неужели еще один? Да сколько же вас тут? Или это последний?

Аккуратно расковыряв рыхлую землю ножом, дед выдернул на поверхность черный обломок берцовой кости человека. Ольха много лет назад выросла над ним, укрыв останки своими корнями. Потому его не нашли тысячи поисковиков, которые в округе перевернули всю землю по нескольку раз. «Прижизненный перелом», - мимоходом отметил про себя Следопыт, продолжая расширять раскоп, - осколком стегануло по ноге». Надо же. Уж и не чаял найти бойца, а вон оно как получилось. Под уверенными движениями рук обнажались и другие части скелета. Дед уже представлял, как, выйдя из леса, буркнет внуку, что старый воин - мудрый воин, или что порожняком из поиска старые следопыты не возвращаются, или тому подобную чепуху, чтобы утереть нос молодому поколению. Вот он я какой. Со стареньким щупом нахожу. А вы, со своими навороченными приборами и прочими прибабахами только осколки копать можете.

Уже смеркалось, когда старик почти закончил свою работу. Осталась самая малость. И тут вдруг из-под лезвия выскочил черный эбонитовый цилиндр. Медальон!.. Сердце болезненно застучало с утроенной силой. Вот это удача! Выплюнув недокуренную

папиросу, Следопыт медленно-медленно открутил туго завернутую крышечку. Темно-серая бумажка смотрела на него в сумерках с надеждой. Он опешил. Целый век прошел. Век. Больше, чем жизнь человеческая. А солдат до сих пор слал весточку с войны своим неведомым потомкам.

Он бережно сложил в рюкзак солдата, сел под выворотень, закурил очередную папиросу и снова достал из кармана медальон. Вот он, смысл всей его жизни. Лежит на грязной ладони. Вся жизнь была ради этих вот черных круглых футлярчиков, в которые втиснута чужая судьба. Сколько их было им найдено, уже и не вспомнить. Много. И каждый раз, когда он находил медальон, сердце чуть не выпрыгивало из груди от радости.

* * *

Через три дня внук со своим отрядом нашли Старого Следопыта. Он так и сидел рядом со своим древним рюкзаком и щупом, привалившись к выворотню и зажав в мертвой руке черный солдатский медальон.

Солдат

Глухой и одновременно какой-то гулкий и тугой удар железа в кость. Человеческую. Этот звук ни с чем не перепутаешь. Ни с камнем, ни с деревом. Металлический щуп уткнулся в останки солдата. Нашего. Советского. Даже с заткнутыми ушами этот звук дойдет до мозга через легкую вибрацию деревянной палки, на конце которой шомпол от «Трехи», через нервные окончания рук, по мышцам. Ты сразу понимаешь - что это. Это как вспышка в мозгу - Есть!! Нашел! И сердце удвоило частоту пульса. Так звучать может только кость. Любой поисковик, знакомый с работой щупом, это подтвердит. Камень, дерево, металл, кость, лежащие в земле, под щупом звучат по-разному. Даже музыкальный слух иметь не надо.

Ну вот, ты и нашел меня, Солдат. Да-да, это ты меня нашел. Дождлся. 70 лет ждал меня, когда я приду за тобой. Целая жизнь. Притаился в траве и пнул играючи ногой по моему щупу. Ты ждал именно меня. Твоих товарищей вокруг уже подняли не один десяток на этой поляне. Каждый нашел своего. Вон сколько раскопов, и прошлогодних, и десятилетней давности. Бойня здесь жестокая была... Минами вас тут не меньше роты покрошили. И ты здесь лег, чтоб через 70 лет мы с тобой встретились.

Ну, что ж, привет, Солдат. Кто ты, откуда? Молчишь... Понятно... Покурим пока. Торопиться некуда. Не убежишь уж, наверное... Курил - нет? Дед говорил, что на фронте все курили.

Русский табачок хвалил. Забористый, говорил. А немецкий, трофейный - ругал. Хотя и им не брезговали. Дед у меня только в 60-х курить бросил. Когда внуков целый дом народился. Бабка ругалась, что дыму напустил как паровоз.

Ладно, давай выкапываться будем. С чего начнем? Что тут у тебя. Ага. Правильно я угадал. Нога. Ботинки. Случаем, не Ленд-Лиз? Во, чекуха какая! Непонятно. Поистрепались. Какой размерчик? Не вижу ни черта. Стертая подошва. Много довелось походить. Ну-ка, с моим сапогом померяем. Мой любимый размер. У меня тоже 41-й.

М-да-а-а. Здорово же тебя шмальнуло. Кости ног переломаны. Вон и воронка рядом. Заплыла за столько лет - еле заметна. Не бойсь, брат. Соберу все обломки. Целого похороним. О-о. Ложка! Как обычно, в ботинке. Точней в обмотке. Это нам в кино про войну часто показывали, как наши солдаты все поголовно в сапогах воюют. А вы-то на самом деле в ботинках воевали. Хреново, наверное, было так воевать? Любая лужа - и ноги сырые. Хотя, когда в атаку бежишь, не до мокрых ног. Другое в голове. Добежать, не струсить, хоть одного гада фашистского кончить. Ты вот не добежал.

А ложка-то не уставная. С узорчиком на черенке. Ты ее из дома что ли, как память, взял? Сидишь, кашу из котелка ешь, да мамку вспоминаешь, или соседку-одноклассницу, в которую влюблен был... Да-а. Война все точки поставила. Не долюбил, не дожил...

Нацарапал хоть что-нибудь на ложке? Вижу-вижу, есть. В затишье, в окопе сидел да инициалы царапал. Я так понимаю, чтоб не стащил никто? П. П. К. Ну и что? Нет бы всю фамилию... Леня было? Теперь гадай - кто ты есть? Э-эх...

А, может, и не твоя ложка? От погибшего друга, так сказать, в наследство досталась. Все может быть. Недавно вон наши поднимали мужика верхового, а у того две ложки. И с разными инициалами. Поди-разберись, чья где. А тут вы в окружении, от одного к другому переходили и ложки, и котелки. Хорошую вещь зачем выбрасывать? Пригодится.

Ух ты - вот и осколок в колене сидит. Алюминиевый. Точно, от мины. «Полтинник» немецкий прилетел. А прилетел, скорее, во-о-он оттуда. Высотка небольшая, с елками. А рядом гансовские позиции минометные стояли. Были мы там. Любители импортных артефактов там все уже раз пятнадцать перевернули. Все какие-то раритеты на продажу ищут, дурни. Озолотиться хотят. Слух был,

что в ямке даже миномет слегка поврежденный нашли. Может даже тот самый...

Давай, Солдат, показывай, что там у тебя в брючных карманах. Да не обыскиваю я тебя, и не мародер я. Мне это все без надобности. Разве что пионерам в музей. Или родственникам твоим отдать, которые про тебя, может, даже и не знают. Это конечно, если имя свое нам расскажешь. Тогда и их найдем. Привет передадим от деда-прадеда. И все содержимое твоих карманов к привету приложим. Ты вот и не подозревал, что твой ножик перочинный кому-то может святыней оказаться. А ведь так и бывает.

Пионерам... Да-а... Нет уже у нас ни пионеров, ни комсомольцев. Только коммунисты, да и те какие-то совсем не коммунисты. Да и страны той, за которую ты здесь погиб, тоже нет. Ты-то был пионером? А комсомольцем? Вот и я тоже был. И не жалею. Золотое время. Дома у компа не сидели – все больше на улице. На нынешних, пепси-кольных, глянешь – и думаешь: ты вообще зачем хоть на свете живешь? Есть цель-то в жизни, кроме нового айфона да крутой тачки? Тьфу... Не все они, конечно, такие. Но много их.

Что это за железку ты в кармане таскал? Вроде и не от оружия. А от чего тогда? Форма какая-то странная. На бочонок похожа.

Хм... Ладно, придем на нашу базу - спрошу у командира. Он тут в лесу все железки знает - какая от чего.

Ага, Солдат, курил все-таки. Прав был дед. Мундштучок какой интересный у тебя. Тоже что-то нацарапано. Хотя нет, ошибаюсь. Ничего не написано. Жаль. Ваши, бывало, и на мундштуках фами-

лии писали, или инициалы. Вон как оплавился мундштучок-то. С куревом, видать, тяжело было. До последней крошки скуривали самокрутки. Понятно дело. В окружение где махорочки взять? Не раскуришься.

А ремень у тебя брезентовый был, Угадал? Конечно, угадал. Как не угадать, если только пряжка ржавая и осталась от него. А вот подсумки кожаные. Хорошо сохранились. Крепкие. Еще в Первую мировую воевали с такими. Односекционные. А патронов, в отличие от табачка, много, видать, у вас было. Вон сколько ты их запас. А не случилось долго поводить. Одной обоймы только и не хватает, которую зарядил.

Ох ты, ерш твою медь!! Обрезался. Что за фигня? Стекла откуда?

Вот ведь зараза. Фляга стеклянная разбитая. И какой дурак придумал солдатские фляжки из стекла делать. Опять же, еще в Первую Мировую они были. На складах много их осталось, вот вам и выдали. Да и перед войной их тоже делали. Дешевле выходило, чем из алюминия. А упал на землю неловко, бздынь - и утек трофейный шнапс... Жаль. Разбитая. Хороший сувенир был бы твоим правнукам. Сейчас палец пластырем заклею - и продолжим.

Слышь, а ты вон какой приборакхленный. Ложка, ножик, мундштук, фляга, патроны, железяка в кармане. А это ведь я только половину тебя откопал. Может, и медальон в нагрудном кармашке имеется?

Что ж это тебя Латыши СС-овцы не обшмонали? Они тут тоже были. Эти же нищоброды ничем не брезговали. Немцы своих хорошо снабжали, а этих не очень жаловали. Вот они и мародери-

ли убитых - и своих, и чужих. Я так думаю, что разодрало тебя осколками, лежал ты тут весь в потрохах, да в кровище, что и подходить-пачкаться не стали. Осколками-то тебя здорово напшиговало. Уже горсть навыворачивал. Костей целых почти и нет. Перебиты все. И сгнили - растворились многие. Почва тут кислая. Кости растворяются быстрее, чем в других местах. А с вашим питанием кальция в скелет не густо поступало. Извини уж, Солдат. Что осталось - соберу, а уж что с водой утекло, не поймать мне. Молекулы выщаживать не умею.

Ну вот, оказал себе первую помощь при осколочном ранении стеклом, теперь можно и дальше продолжить наше не шибко веселое, но все же в какой-то мере перспективное занятие. Я вот думаю, что раз у тебя башмаки такие сношенные, значит, ты еще в 41-м призывался на фронт? А если так, то и медальон у тебя должен быть. Их же только в 42-м отменили. Ввели бумажные красноармейские книжки, от которых уже через пяток лет лежания в земле только воспоминания и оставались. А у тебя-то должен медальончик быть. Должен....

Так вот, не спеша, ножичком чистим, копаем, ковыряем, корни режем. Хороший инструмент - нож. Если лезвие широкое, как раз вот для такого неспешного копания удобно. И рукоять еще изогнутая, тоже хорошо, удобно землю шинковать. Не лопатой же тебя кромсать на части. И так уж досталось. Вон в груди еще два осколка сидят.

А это что ты мне такое даешь? Оба-на!! Кошелек?! Отлично. Как же я люблю в ваших кошельках рыться. Много интересного бывает. Та-ак-с. Посмотрим, насколько ты богат. Судя по толщине кошелька, транжира ты был. Денег всего 20 копеек тремя монетами. Хотя может и бумажные были, да сгнили за столько то времени. А вот в другом отделении уже интересней. Бумажка. Тухленькая, но что-то там на ней написано. Еле-еле видно. Сложена в несколько раз. Вон там и штампулечка проглядывает. Похоже на почтовую печать. Письмо? Полевая почта? Хорошо бы. Это же имя, фамилия. Ох, как не терпится самому попробовать развернуть! Да нельзя. Это уже нашим криминалистам работа. Эти развернут, во всяких разных лучах покрутят-повертят. Просветят со всех сторон и прочитают. В кошельках у вас и квитанции всякие бывали, и письма, и справки из госпиталя. Это же ведь все именные документы. Так что, Солдат, есть у тебя шансы под своим именем похороненным быть. Есть. Сейчас я твой кошелечек упакую в пленку, чтоб не пересох. И продолжу. Не торопись. Солнце еще высоко. До вечера времени много.

Комары лютуют - спасу нет. Хоть весь москитолом вымойся. Они тут какие-то невосприимчивые к этим вонючкам. Чуть ли не насквозь пронзают. Волки. Только куревом и гоняешь их... Тебя вот не кусают, тебе хорошо. А я уж весь исчезался. А как же вы-то на войне с этими гадами боролись? У немцев мази какие-то были. А у вас? Или после недели немытой окопной жизни они уже и близко к вам не подлетали?

Ах ты, красавец!!!

Медальон!!! МЕДАЛЬОН!!! М-Е-Д-А-Л Ь-О-Н!!!

Епть!!! Но ведь как же неожиданно он выскочил из-под ножа! Ждешь-ждешь его, а он все равно неожиданно выскакивает. Только на комаров отвлекся, а он тут как тут!!!

У-рааааааааа!!!

Стоп! Рано орать. А вдруг пустой?? Вы же, бывало, и нитки-иголки там хранили, да и просто не заполняли, из суеверия, что если заполнишь, то обязательно убьют. Ну-ка, глянем, что там внутри? Ага, крышечка плотно завернута. Это хорошо. Если бумажка там есть, то хорошо должна сохраниться. Пошла-пошла резьба. Отлично... Вот теперь УРАААААААА! Есть бумажка! Есть! Прочитают ее наши криминалисты. Вон какая беленькая вся торчит.

Значит не безымянный ты, Солдат. Какой же ты молодец. Угадал я все-таки, 41-го года призыва ты, братец. ...Медальон. До чего же гадская статистика с этими медальонами. На сто найденных солдат три-четыре-пять медальонов. На десяток медальонов пять-семь читаемых. Остальные или пустые, или уже время уничтожило эту последнюю весточку с фронта. А бывало, и мундштуки делали из этих черных эбонитовых цилиндриков....

Сколько ж лет тебе было, когда побежал ты в свою последнюю атаку? Зубы, смотрю, все целые, здоровые. Э-эх. Молодой совсем был. Успел ли хоть семью завести? Будет ли кому всплакнуть над тобой? Помнят ли тебя, Солдат, твои правнуки? Гордятся ли?

Мы вон недавно нашли правнука одного солдата, а он по телефону нам отвечает, что ему не интересно знать, что у него прадед под Мясным Бором погиб. Вот так вот. Просто не интересно. Урод. Слава Богу, таких единицы. Большинство все же знают и историю своей семьи, и фотографии

хранят. Письма с фронта. Ладно, подождем малость и узнаем, кто тебя с войны ждет.

Вот, пожалуй, и все. Завершили мы с тобой нашу скорбную работу. Хотя для меня она уже привычной стала. Ненормально это, наверное. Ну, уж как есть. Давай-ка я тебя сейчас в свой рюкзачок устрою поудобней. Вот так. Давай покурим на дорожку и пошагаем неспеша.

Вот и закончилась для тебя война, Солдат. Пошли домой.

Петр Пицко

Потеряшки

Первая вахта

Поисковые боги

Девчонка

Длинный

Мистер Удача

Паранойя

Потеряшки

Первое знакомство с Долиной Смерти в Мясном Бору, что под Новгородом, состоялось очень даже необычно. Наши друзья из России пригласили нас на Вахту Памяти в августе. Предварительно договорившись с ними обо всех деталях нашего приезда, мы погрузились в поезд.

В дальний путь мы поехали вдвоем с А. Бебякиным - большинство брестчан, занимающихся активным или экстремальным отдыхом, с ним знакомы. Его «Ветер странствий» - отличный магазин, в котором многие из нас покупают полевую форму. Именно она при поездке в Польшу так привлекала к нашей разношерстной команде всеобщее внимание.

Самые первые впечатления от поездки - «Спасибо, Боже, что живу я не в России». Не буду вдаваться в подробности всеобъемлющего бардака - это к теме не относится. Но желание поско-

рее оказаться в лесу начало свербить уже на перроне Витебского вокзала.

Преодолев на электричке путь от Питера до станции Мясной бор, мы гордо высадились на платформу. К нашему удивлению, встречающих нас на станции не было. Завалившись на наше многочисленное барахло, мы перекурили, потом поели, потом снова покурили. После этого решили позвонить, дабы уточнить маршрут нашего дальнейшего следования.

Как нам удалось понять из разговора, нас слегка «проспали», так как предыдущий день (а особенно вечер и начало ночи) у наших коллег выдался напряженным. Но к нам идут, а, значит, скоро мы выступим к месту нашей дислокации. Заодно приятель уточнил – есть ли на станции тягач? Таковой имелся. Стоял спокойнехонько в 50 метрах от платформы, и даже «водитель кобылы» в нем присутствовал. Правда, слегка похрапывал, разморенный, видимо, от длительного ожидания наших персон. Я передал ему телефон, и, выслушав несколько фраз в трубке, повелитель железного монстра кивнул нам: поехали!

И вот нас уже везут по глухим Новгородским болотам. Прекрасные ощущения от поездки. Теперь понятно, почему и немцы в 1942 г., и татаро-монголы испытывали такие трудности, проби-

раясь по этим местам. Изрядно поколесив по буреломам, тягач остановился. Оставив нас наедине с нашими баулами посреди высоковольтки, тягач забрал каких-то веселых дядек с бензопилами и загрохотал в обратном направлении.

Странно, но нас опять никто не встречал. Решив, что наши знакомые где-то рядом и скоро подойдут, мы нашли относительно сухое местечко, где покурили, потом поели, потом снова покурили. Потом, как и положено, позвонили. В трубке прозвучало удивленное :«Вы где?».

После короткого разговора российский Бардак предстал во всей своей красе. Короче, тягач оказался левым. То есть абсолютно ЛЕВЫМ. Не имеющим к организаторам экспедиции никакого отношения. И почему водила нас повез в эти чигири, приняв инструкции от абсолютно незнакомого ему человека, было непонятно. Зато абсолютно ясно было то, что мы находимся хрен знает где, компас глючит, карты нет, и искать нас будут, возможно, долго, и скорей всего даже не здесь. Поэтому мы, как и водится, опять покурили, потом поели. Покурили – и стали обсуждать наше возможное месторасположение и варианты спасения.

Идея возникла неожиданно легко и просто. Мы же на высоковольтке. А на ней все столбы пронумерованы. И как ужасленные мы начали бегать от опоры к опоре и выяснять, в какую сторону идет нумерация. Снова связались по телефону с организаторами, которые утешили нас тем, что оповестили всех находящихся в Мясном бору поисковиков о том, что где-то потерялись два белоруса. К нашим поискам подключились даже Тюменские товарищи.

Спустя пару часов с противоположной стороны мы услышали надрывный рев мотора – тягач! Честно говоря, грузились мы в него с опаской - не завез бы вообще куда-нибудь на родину Бабы

Яги. Так через каких-нибудь шесть часов от высадки на станции мы оказались в лагере. Репутация «потеряшек» приклеилась прочно — прикалывались над нами даже в последний день. А слово «высоковольтка» вызывала невольное сердцебиение.

Попав в лагерь, занялись оборудованием места стоянки. Так как жить нам там предстояло долго, все делали на совесть (а вдруг назад не вывезут?). Получилось неплохо

- почти как дома: стол, лавки... И даже колодец недалеко в канаве откопали...

Первая вахта

Скажу сразу - впечатлениями от поисковой работы в Мясном Бору я был сражен наповал. Особенности поиска в этих местах таковы, что со всем нашим богатым опытом подъема бойцов в Белорусских песках здесь мы выглядели просто наивными детьми. Хотя и недолго.

На знакомства нам повезло. Нашими поисковыми «сенсеями» были люди, которые перелопатили здесь не одну сотню кубометров грунта. Настоящие профи. В каких-нибудь 50 метрах от нас располагался бивак настоящих мастодонтов поискового дела из отряда «Гвардия». И среди них - сын и внук того самого человека, в память о котором и названа поисковая экспедиция. Это Александр Орлов и его сын Михаил. Особенно сдружились мы с Саней Савельевым (он же Шрек Болотный). Почему его так окрестили, расскажу позже, но я понял - в лесу погоняло зря не дают.

В первый день поиска мы с Бебякиным круто лоханулись! Обнаружив «зацеп», коим оказалась металлическая солдатская кружка, по белорусской привычке раздолбили небольшой шурф,

потыкали в его окрестностях шупом в надежде сразу отыскать кости. Но никаких признаков костей ни в шурфе, ни в его окрестностях не нашли. Определив «зацеп» как бросовый, пошли дальше. И очень удивились, когда мастодонты, которые оказались рядом, зависли над нашими шурфами и стали ковром снимать мох. Открывшаяся картина, мягко говоря, перевернула мои представления о поисковой работе. Подо мхом лежали останки! Нет, не скелет, который мы там искали (в Белоруссии обычно так и есть. Даже сухожилия сохраняются), а всего две-три трубчатых кости от конечностей... На душе было реально хреново - чуть не прошли мимо бойца, только кружку дернули...

За много дней на вахте мы никак не могли привыкнуть к плохому сохрану останков. Бывало так, что все, что удавалось собрать от бойца, уносили с раскопа в нагрудном кармане. «Болото кислое, вот и съедает их. Только металл да ремни с сапогами остаются», - объяснили нам. Кости в подобных условиях похожи на что угодно, но только не на то, что мы привыкли видеть на раскопах в Беларуси. Хотя и металл - в очень унылом состоянии,

сохранялся фрагментами. В соседнем лагере даже образовался целый склад полусгнивших «треховских» и маузеровских стволов на дереве - своеобразный обелиск получился.

В тот же день неподалеку от найденной кружки мы обнаружили очень интересный сигнал - откуда-то из-под корней молодой березки фонил довольно массивный кусок цветмета. После долгих ковыряний и фраз «да ну его...»

уже на последнем копке лопатой на свет появились подсумки, туго набитые слипшимися патронами к винтовке Мосина. После этого могучий Бебякин решил не мелочиться и вырвал уже покореженную лопатой березку с корнем. Вот тут мы реально обалдели: в корнях поваленного деревца лежал ...медальон! Ну как на картинке...

На наши вопли прибежал командир отряда, прошептал над медальоном какое-то татарское заклинание и медленно отвинтил крышечку... Увы, медальон был пустой. Но на месте находки были личные вещи погибшего, которые практически на 100% указывали на место гибели бойца. Значит, вокруг необходимо все зачистить до военного слоя. Этим мы и занимались весь следующий день. Оказалось, не зря - отыскили ремень, ботинки и фрагменты костей.

После столь удачной находки нас настигла и пара разочарований... Нашли сапоги, застегнутый ремень с портупеей, зеркальце, подсумок, помазок и другой нехитрый солдатский хабар. Все они лежали так, как и должны располагаться на теле погибшего. Однако от их владельца нечего не осталось. Болото! Не успели... Эх, найти бы этого бойца лет 5-10 назад. Хотя что-то бы похоронили...

Теперь про Шрека. Из разговоров с Саней Савельевым я понял, почему его так окрестили. При каждом удобном случае он пытается поиск вести именно в болоте. Лезет в самую говнюгу, в комарятник, в чепыжи, куда забуриться желающих мало. По той простой причине, что очень хочет как можно больше найти солдат в этом прокисшем болоте. На сухих местах кости еще сохраняются лет 10-20, а в болоте они тают с каждым годом. Через три-четыре года и этого мизера, что сейчас находят, уже не будет. Нечего будет хоронить. Так что торопится Шрек их найти, и поди-попробуй утащить его с болота...

Местность там довольно интересная. Можешь выйти в туалет - и не найти лагеря, чтобы назад вернуться. Наши работы проводились всего в 500 метрах от лагеря, но мы иной раз блуждали по часу, прежде чем попасть на свой участок. Помогали точные ориентиры в лесу - установленные поисковиками памятные знаки на месте гибели отдельных красноармейцев и целых подразделений.

Вода в Мясном бору весьма специфична. Никогда нельзя точно сказать, что это в кружке – крутая заварочка, которая в особой чести у гвардейцев, или просто вода из котелка. Ну да, пока не попробуешь... Особенный праздник - когда идет дождь. Его здесь называют «Белая вода». Дождевую воду, скопившуюся в тентах, собирают в ведра...

Все дальнейшие дни пролетали как одно мгновение. Особо запомнился день, когда по настоящему подфартило, и мы нашли медальон с заполненным вкладышем. Удалось прочесть: боец Ф. Г. Хомяков, 1906 года рождения, призван из Магнитогорска. У товарища, который погиб с ним рядом, документов не оказалось. Из костей скелета удалось найти только часть нижних конечностей. Бойцы лежали бок о бок, прямо перед остатками немецкой колючки. Смотрю на них, а в горле комок: «Жаль, подмога не пришла, подкрепление не прислали, нас осталось только два...»

В последующие дни не раз пришлось убедиться, что не врал Растеряев в своих песнях: «Здесь еще с войны бойцы лежат по трое на один квадратный метр».

Полной неожиданностью было и то, что все вещи, сделанные из натуральной шерсти, прекрасно сохраняются в болоте. Так что копаные буденовки и шинели это вовсе не поисковые легенды. Обнаруженные места массовой гибели ребят сегодня выглядят жутковато. Развешанные по деревьям остатки одежды, противогазы и оружие даже спустя 70 лет создают ощущение, что война закончилась совсем недавно.

Я не мог сначала понять, для чего местные поисковики развешивают этот военный хлам на деревьях. Даже выкопанные осколки стараются положить на пенек или ствол упавшего дерева.

Оказалось, что все очень просто. Мох в болоте нарастает быстро. И через два-три года все, что на нем лежит опять покрыва-

ется мягким зеленым покрывалом. И другой поисковик, придя на это место, рискует найти те же самые кружки и противогазы. Так что все, что выложено на виду, служит определенным сигналом: «Внимание! Здесь уже были найдены бойцы. Искать с утроенной бдительностью. Может рядом еще кто-то». Очень часто так и бывает. Приходят поисковики на места старых раскопов и снова и снова находят новых солдат. Растут они, что ли, тут?

Почти все оставшиеся дни работали на «сушняке». Снимали мох с места различных «зацепов». Обычный химический карандаш открыл страшную картину. Сначала пошли остатки портупеи, затем нижние конечности одного бойца, затем появилась лучевая кость предплечья второго, невдалеке обнаружили его ботинки. После этого при контрольной зачистке появились ботинки третьего. Все бойцы располагались прямо подо мхом. Никто их никогда даже не прихоранивал. Количество останков было мизерным. От третьего бойца совсем ничего не осталось.

трав) почти за семь часов, следуя по кратчайшему пути. Мясной бор отпустить не хотел.

Значит вернемся. Обязательно вернемся.

Пытаюсь представить это место 70 лет назад. Страшная картина получается. Погибшие лежат сплошным ковром на многие десятки и сотни метров...

В конце вахты подвели итоги: нашим сводным отрядом в 5 человек были обнаружены останки 14 воинов, 5 медальонов, из которых 2 оказались заполненными и были успешно прочитаны.

Дорога домой оказалась долгой: поезд В. Новгород – Питер преодолел небольшое расстояние (всего-то 180 киломе-

Поисковые боги

Август. Вахта в Мясном Бору. Утром за мной зашел Шрек Болотный и предложил прогуляться на место, именуемое поисковиками «Политруки». Слышал я о нем довольно много, поэтому уговаривать меня не пришлось. В позапрошлом году там было обнаружено большое количество останков. Судя по двум гансовским ячейкам неподалеку, наши мужики в 42-м попали там в засаду. Живые вряд ли остались. Тех, кто уцелел от пулеметного огня, накрыли минометами. По остаткам одежды с сохранившимися знаками различия, портупеям и другим вещам сделали вывод, что из окружения выходила колонна младших командиров и политработников. За два года поисковых работ на этом небольшом пятачке в болоте было поднято около 80 наших погибших бойцов и командиров. Место интересное, хотя и в болоте.

Здесь на стороне немцев сражались латышские эсесовцы. А это еще те мародеры. Снабжение у них было похуже, чем у их немецких единомышленников. Поэтому обобрали они наших расстрелянных мужиков до нитки, даже копейки советские выгребли. На 80 с лишним человек было найдено только два ствола. Все ремешки от личного оружия имели характерный срез от ножа. Разброс личных вещей на месте этой мясорубки указывал, что ребят тщательно обыскивали.

Накануне Саня признался, что уж больно его туда тянет. К Политрукам. Хотя его в болото круглосуточно тянет, за то и погоняло

получил. А уж если Шрека куда-то тянет, отговаривать его бесполезно. Да я и не сопротивлялся, согласился с радостью.

Короче, пошли мы в болото на Политруков, это километра полтора от нашего лагеря. По пути мимоходом копнули пару немецких сувениров, чехол от саперки и целые подсумки. Целые - в смысле не рваные. Видимо, наши поисковые боги нам улыбнулись. Знать, настроение, у них хорошее было.

День начался удачно, не смотря на легкий гул в голове - накануне засиделись мы немного у костра в компании с коньячком под нескончаемые поисковые байки. А место там такое, что наших солдат искать осталось только методом шурфления. Т.е. с минниками там все пролазали еще в прошлом году. У кого из бойцов вещи какие металлические были, тех уже нашли. Потом со щупами стали это место долбасить. Стекло, пластмасса, бакелит, кожаные подсумки, ремни, шинели, все это щупами находили и опять наших поднимали. В основном на шинели находили. Шинель во мху очень четко определяется: щуп ее не пробивает и характерно пружинит. Ну вот, всех таких тоже собрали. Но Шрек-то чувствует, что есть там еще солдаты.

Вот не понимаю, откуда такая уверенность, но и я тоже чувствую, что очень даже не зря мы сюда пришли. Будто шепчут поисковые болотные боги, что находки будут. А как найти? Оста-

лось только одно - тупо дыры во мху пробивать и искать... Нет, не кости. Костей в болоте почти не остается – растворяются они в кислой болотной среде, от человека через 70 лет буквально три-четыре костных фрагмента остается. А вот «кукол» - море. Куклы в переводе с поискового – хитиновые шкурки окуклившихся личинок-опарышей, огромное число которых питалось мертвой плотью. Потом из них вылетели мухи, а хитиновые коконы так и остались лежать черными россыпями... Шурфанешь – они и всплывают! Для поисковика это 100%, ну или почти 100%-й показатель того, что здесь лежит погибший солдат.

Вот эти скопления кукол мы и решили искать. Нет у солдата никакого металла, и шинели не было, и ремень брезентовый сгнил давно. И карманы мародеры выпотрошили. А куклы остались на том месте, где он погиб. Короче, «Шурфите, Шура, шурфите!»

Этот способ самый нудный. Обнаружил кукол - разрабатывай место. Земли на болоте нет - просто с полметра осоки и мха, слежавшихся на нижних слоях, и зеленого, пушистого почти на штык лопаты. До военного слоя добираться сантиметров 50-60.

Погодка разгулялась, солнышко припекает. Пришли на место. Шрек на правах главнокомандующего задумчиво осматривает прошлогодние раскопы. Что-то там у него в голове?

Надо сказать, что Саня в первые же дни нашего знакомства показал мне, как он в болоте работает. После этого зауважал я его сильно - будто на самом деле подо мхом видит. Не раскапывая может сказать, что там под шупом застучало. Размер осколка даже определит, не вынимая его из мха...

- Показывай, - говорю, - где шарить?

- А берешь, все болото заворачиваешь в рулон как ковер и собираешь все, что там найдешь, - прикалывается друг, - Ну, вот хоть отсюда и начинай дыры ковырять!

И абсолютно наугад, от фонаря, от балды и еще хрен знает, от чего, тычет грязным пальцем под первую попавшуюся кочку. С яростью врубаюсь лопатой в мох - силушка есть. Да и желания хоть отбавляй.

В болотной жиже после снятия первых слоев мха замаячили несколько черных «личинкок». Обычная картина для места, где бойня была, разметавшая по кочкам обрывки тел... На всякий случай расширяю шурф. После очередного копка на поверхность «верхом на лопате» вылетает ... Не, не может быть... Вещевая книжка командира РККА!!!! Все цензурные выражения у меня как-то сразу закончились. ДОКУМЕНТ!!! ИЗ ПЕРВОГО ШУРФА!!! Красная книжечка, которая каким-то невероятным способом отлично сохранилась в бо-

лоте за 70 лет. Но как на такой огромной площади можно было найти ее в случайном шурфе!?

Совершенно обалдевшие, мы с Саней смотрим друг на друга.

Нет, немой сцены не было. Были вопли, по большей части нецензурные.

- Саня, это как это у тебя получилось?

- А я знаю?? - он ошарашен не меньше меня... Ну как так? Припёрться в какое-то болото и ткнуть пальцем туда, где лежит документ? Первый же шурф! Это че – так прикалываются наши поисковые боги?

Вот ведь Чудище Болотное - точно подо мхом видит. В душе у меня что-то затрепетало. «Не колдовством ли тут пахнет?» - гляжу с опаской в Санины честные глаза.

Упаковываем документ в полиэтилен, дальше путь ему в руки экспертов.

Еще два часа работы - считай, в ноль. Шрек нашел стеклянный пузырек с жидкостью, похожей на перекись. В моих шурфах больше чем 2-3 личинки не всплывало. Да... каких-то 70 лет назад на этом месте был самый настоящий ад.

Измотанные, мы присели перекусить. Хочется пить... Воду на болото с собой старые поисковики не берут - зачем? Ведь есть же старые раскопы, пей - не хочу. Тут сказка на ум: не пей из.... Я – в сумятице.

А этому Черту Болотному хоть бы что. После того, как он хлебал водички из старого раскопа, я, честно говоря, ожидал, что он тут же падет, сраженный мгновенным действием трупного яда. Ага. Щас. Сидит, ухмыляется. Роба довольная.

- Да не бойсь ты, - опять ржет на меня, - там труп лежал 70 лет назад. Все уже давно профильтровалось.

А пить хочется все нестерпимей. «Чему только не научишь!» - бурчу Сане и ...делаю шаг в пропасть. Зачерпнул бурой болотной водицы... А и ничего такая водичка. Похорошело сразу.

Покурили, поговорили, в очередной раз поудивлялись нашей находке. Пошли дальше работать. Металлоискатели валяются без дела. Я с лопатой, Саня со щупом. Так и ползаем по Политрукам. А в башке все равно сидит навязчивая мысль: мистика - с первого же шурфа документ подняли! День уже зачетный! Покровительствуют нам наши боги.

Еще два часа - и снова ни хрена. Шрек решил на сегодня свернуть работы - благо, и так результат отличный. Но вот что-то не отпускало меня, и я предложил:

- Саня, сейчас ты покажешь, где мы забьем последний шурф, и тогда уже в лагерь!

Возражений не последовало, мы так и сделали. Шрек точно так же, не глядя, от фонаря и ...ну, понятно, в общем, ткнул щупом между тремя молодыми сосенками: «Ну, давай хоть вот здесь...». А потом, наблюдая за моими бесплодными попытками выворотить могучие корни, все же разжалобился и указал другое место.

- Тут совсем ухандокаемся, давай малость сбоку.

Однако в украинской крови вскипело настоящее упрямство - с места не сойду, а выворочу... Саня тем временем отошел немного в сторону - в метре от нас был старый раскоп.

- Гляди-ка. Видать дождем вымыло...

В руках у товарища был фрагмент берцовой кости длиной 8-10 см. Саня стал перебирать отвалы, надеясь найти и другие останки, а я глянул на выкинутый моей лопатой мох и не поверил своим глазам. Наверху лежала вырезанная из клеенчатой тетрадной обложки красная звезда величиной с ладошку. В мозгу засвербило недоброе: с алкоголем по вечерам надо завязывать.

Саня тоже слегка оторопел. Подбежав ко мне, он запустил руку в свежевырытый шурф и извлек оттуда дерматинный кошелек, комсомольский билет и еще какие-то сложенные бумажки. На приоткрытых страницах были четко видны графы уплаты членских взносов.

Смотрю на Саню. Признаться, сначала закралась шальная мысль: Шрек на этом болоте сбрендил окончательно. Он тупо смотрел на книжку несколько секунд. Потом выдавил из себя глупую улыбку. Потом начал орать и полез обниматься. Когда он слегка очухался, все твердил, как молитву: «Не может быть, так не бывает, х...ня какая-то...».

«Епть ... мать... ну на х... да это какой-то пи...ц полный!!!! - это уже я говорю, - Саня!!! Ты чего?? И вправду под землей видишь!!!!???».

Не, ну поисковые боги точно паленой водки перепились в этот день. Представляю, какая там у них ржачка была, когда они смотрели сверху вниз на двух контуженных на всю голову и тело...

- Это мужик нам отдал - тот, чью кость я нашел... - чешет за-

тылок Шрек.

Может и так. Отхлебнув из раскопа, на краю которого нашли остаток берцухи, мы стали собираться в обратную дорогу. Справедливости ради надо сказать, что останков ни в первом, ни в крайнем шурфе мы не нашли. Значит, документы мародеры раскидали, когда карманы шмонали.

Решили, что обратно в лагерь пойдем мимо воронки от пятисоткилограммовой бомбы. Вокруг нее в прошлом году подняли около

10 человек. Зря я убеждал товарища, что фарт закончился, и пора домой, скоро стемнеет, надо пожрать и все такое. И боги поисковые, скорей всего, уже бухие спят. Саня как отрезал:

- Два раза щупом ткну - и все.

«Ползем» к воронке. В башке как заноза одна только мысль: ну как так? КАК????? Второй раз показал и второй раз получилось!!! Эй, господин Эйнштейн? Что там Ваша теория вероятностей по этому поводу говорит? Все нормально? Не противоречит? Ну и ладно, если не противоречит.

Да уж. Удивил меня этот Болотный Бродяга. Ох уж как удивил...

- Ты чего там бормочешь?

Саня оборачивается: - Я? Да нет, ничего.

Чего это я, думаю, сам вслух, что ли разговариваю? Не контролирую себя совсем. Иду и вдруг слышу впереди - Бу-бу-бу, да ну на х..., бу-бу, фигня какая-то, бубу-бубу, - это уже Шрек сам с собой. Богам чтоли молится? Похоже, и ему в удачу еще не верилось.

- Саня, говорю, а все-таки как это у тебя получается?

- Я с бодуна еще и не то могу - бубнит он, задумчиво глядя под ноги.

Дойдя до воронки, Шрек как и обещал, ткнул щупом ровно два раза. Под металлическим острием упруго заколыхалась заросшая мхом шинель. Выходит, не спали поисковые боги! Они во всю веселились, щедрыми горстями отваливая нам настоящую везуху! Не иначе на соседнее облако за добавкой слетали. Саня уже понял, что день сегодня нереальный, поэтому эмоций решил не тратить. Буркнув в очередной раз «Да ну на х...», принялся лопатить мох.

Тщательно перебрав болотную жижу, мы собрали все, что осталось от бойца. Немного – в одном кармане унесем...

Обратный путь был значительно труднее, сказывалась усталость, да и курево стало заканчиваться. Саня все бормотал чего-то. Сначала я думал, что это какое-то хитрое поисковое заклинание. Но сели закурить, и я услышал:

- Да ну нах....

В лагерь пришли уже в сумерках. Фартовый день закончился. Отдали командиру «Гвардии» наши находки и, наскоро поужинав, увалились спать. Эмоций уже не было никаких. А из Саниной палатки всю ночь бухтело «Да ну на х... Так не бывает.» Богам, наверное, молился.

Девчонка...

Молодая совсем. Еще и 20 не было. Зубы все ровные - один к одному. Молодые, не стертые. Череп небольшой, конечности, таз... Рядом с рослыми мужиками она казалась какой-то неестественно маленькой, как подросток. Я ее сперва за ребенка принял. Если бы не характерные рисунки швов на местах стыка черепных пластин, то вполне можно перепутать с 14 летним подростком.

Досталось ей. Ноги перебиты, ребро сломано. Видать, попала под артиллерийский обстрел. Если осколки проникли в грудную полость, то шансов выжить в этой топи немного. Тут и здоровому загнуться - как раз плюнуть. Вон их сколько лежит. В соседнем блиндаже 11 человек подняли. Опознали двоих - по медальонам. Повар из Красноярска и связист, тоже из Сибири. Здесь, похоже, многие из Сибири. Ребята из Алтая каждый год приезжают. Своих ищут.

Связист в наушниках лежал. Значит, в санбат не попал - на месте убило. Запомнилось выходное отверстие в затылке - в форме кратера, круглое как будто от пули. Хотя пулевое ранение здесь маловероятно - до гансовских позиций больше 2 км. В основном от бомбежек гибли, да в медсанбатах от ранее полученных ранений.

Глядящие со дна раскопа пустые глазницы приковывали внимание, не отпускали. Какая она была? Красивая, наверное. Мне один ветеран рассказывал, что на войне все девчонки красивые. Они про дом напоминают, про то время, когда войны не было. Когда можно было, не опасаясь ни арналета, ни воздушной атаки, запросто

кружиться с ними на танцах. А затем провожать домой, укрывая пиджаком худые плечи.

Рука непроизвольно потянулось к фотоаппарату. Это уже рефлекс такой - фотографировать все, что приковывает внимание. Пошарил взглядом вокруг в поисках предмета для масштаба. Кроме ножа - ничего подходящего. Положил рядом с черепом. Сделал кадр. Больше не смог. Вроде уже столько бойцов видел, а тут как-то не по себе. Кажется, что она все время в спину глядит. Вроде и не видишь ее, а чувствуешь все время, даже когда в противоположной части раскопа работаешь.

Пусть полежит. Сначала ее соседей поднимем. Потом удобнее будет. Тем более, неизвестно, сколько их еще здесь. Пока на поверхности грязной жижи проглядывало шесть окружностей черепных коробок. Начнешь извлекать останки раньше времени - и смешаешь всех, кто лежит ниже, с грязевой массой. В такой ситуации легко потом пропустить мелкие кости и даже медальон. Так что лучше не торопиться.

С противоположной стороны ямы работают девчонки из Коми - Даша и Наташа. Старательные. Леха уронил в яму саморез, которым ручка лопаты крепится к черенку. Наташка нашла его через полчаса. В этой грязной жиже, где ноги с трудом выдираешь из грунта, это все равно, что найти иголку в стоге сена. Такие точно медальон не пропустят.

Поисковиков вокруг много – голоса со всех сторон слышно. Везде работают. Много тут бойцов положено. Это место мы с Длинным два дня назад нашли. Серега учил меня крюком работать. Это стержень такой 1,5 – 2 метра длиной. На одном конце ручка, на другом - крючок. При вдавливании крюка в грунт человеческие останки обязательно дадут о себе знать – сначала почувствуется небольшой провал – затем глухой удар о костную ткань. Глубина может быть разная – в основном от 60-70 см и больше. Крючок на конце стержня нужен для того, чтобы доставать подозрительные предметы. И кости тоже. Тут и лошади попадают, чтобы зря не копать, лучше сначала проверить. Серега работает крюком уже больше 15 лет и умудряется с его помощью выуживать со дна воронок патроны, монеты и даже солдатские медальоны.

Но это только на словах так просто. Прежде чем найти захоронение, надо не один час по лесу пробегать, попутно вдавливая крюк в каждое подозрительное углубление почвы. Если повезет – результат будет. Так и два дня назад, на шестом часу наших шатаний в одной из воронок Длинный выудил советский котелок. Я остался дорабатывать подозрительное место дальше, шаря стальным крюком в вязком грунте, а Серега проверил соседнюю ямку. Ему повезло. На глубине около метра лежали бойцы.

В соседнем углублении мой крюк тоже показал присутствие останков. Затем подобная картина стала встречаться чуть ли не в каждой ямке. В нескольких ме-

стах крюк ткнулся в дерево. «Гробы», - сказал Длинный. И от этого стало как то не уютно. Место совсем не напоминало кладбище. Никаких следов, ни бугорков, ни обелисков. Кусты, мелкоколесье и чавкающая под ногами грязь. Полное забвение.

Большое санитарное захоронение. Сюда 70 лет назад свозили тела погибших. Сбрасывали в воронки, затаскивали в пустые блиндажи, просто прикапывали в земляные углубления. Несколько офицеров похоронили в выкрашенных красной краской гробах. По одному-два гроба в могилах. В моем раскопе просто скидывали тела в воронку. Все по-разному лежат. В несколько слоев.

Вот уже и восьмой череп. Сколько же их тут? С утра определял границы раскопа, думал человек пять-шесть. Ребята поопытнее говорили то же самое. У Даши, соседки по раскопу, девчонка показалась. Девятая. На гладкой поверхности черепа видны прилипшие волосы. Темно-русые. Невольно подумалось: совсем как у жены. Аккуратно заплетенная косичка лежит в области шейных позвонков. Хорошо сохранилась. Тут вообще сохран неплохой. На некоторых костях даже налет плоти остался. Белый, как клей ПВА, когда поднимаешь кость, он свисает светлыми тягучими сосульками.

Похоже, до темноты не успеем. К нам уже Фиона пришла на помощь. Все равно медленно. Если сегодня не поднять, завтра придется начинать все сначала. За ночь раскоп наполнится водой и глиняной жижей. Может подмыть край, и тогда отвалы грунта, удерживаемые бревнами, рухнут вниз. Уже сейчас только и успеваем воду откачивать. Наверху Леха с Гаврилой работают – принимают останки, тщательно перебивают их в луже. Это только кажется, что наверху делать нечего. Там и воду надо принимать, и грунт с краев

раскопа отбрасывать. Легче, конечно, чем внизу, но тоже есть чем заняться.

Уже темнеет. К нашему раскопу подтягиваются поисковики, закончившие работу на своих точках. Пришли Шрек и Серега Солодьянкин. Тщательно пересматривают складки шинели, поднятой из

ямы. Может, хоть какая-то зацепка?

Алтайцы загомонили — снимаются. Они сегодня на гробах работали. Оно, конечно, физически полегче, чем в воронке, но вот мозг от этих коробок деревянных очень быстро устает.

Десятый. Одиннадцатый. Двенадцатый. Мужики. Рост под метр девяносто. Сибиряки, сразу видно. Только пулям все равно, большой или маленький, - всех положат.

- Ничего, скоро луна взойдет, совсем светло будет. Сейчас чаю сделаю, можно здесь ночевать будет, - Это Гаврила рассуждает о дальнейшей работе. Он чистокровный коми. Работяга, каких мало,

но наивный, как пятилетний ребенок. Очень напоминает чукотского юношу из анекдотов. Я передаю наверх перочинный ножик — пусть ребята помогут, может, чего нацарапано на ручке?

- С ножичком по лесу бегал, опасный был, однако... - Все невольно улыбаются.

Тринадцатый. Его голова уходит под стенку раскопа. Нет, не успеем. Темно уже. А еще переправляться через реку. В темноте опасно. Надо выходить. Поисковики поднимаются из воронки. Завтра закончим. Все равно при таком освещении работать нельзя — запросто можешь не только останки, но даже и медальон не заметить. Не видно уже ничего.

В лесу тихо. Все снялись. Надо спешить, иначе переправа станет настоящим экстримом, а его на сегодня уже достаточно. На дне раскопа белеет маленький светлый комочек. Это фрагмент мозга. Выпал из черепной коробки, когда наверх останки передавали. В сумерках и не заметил сразу. И почему это мозг называют «серым веществом»? Он же белый. Почти как писчая бумага. На фоне грязной жижи этот комочек кажется белоснежным, почти стерильным.

К реке движемся быстрым шагом. Все устали, но спешить необходимо. Осталось совсем чуть-чуть, меньше километра прыжков по кочкам — и вот она — река. А от нее рукой подать до лагеря. В лагере костер, горячий чай и отдых. Только ноги уже почти не слушаются. Прыжок... Мимо. Нога проваливается в грязную жижу, и

холодная сырость затекает через верх болотного сапога. Поднимаюсь с трудом. Надо идти... Добраться до лагеря и лечь спать. Завтра много работы, бойцы ждут.

Едва успеваем переправиться, как становится совсем темно. В небе ярко мерцают звезды. Это та самая девчонка смотрит на нас оттуда. Когда-то мы встретимся. Ведь все там будем. Поговорим. Она расскажет - кто она, откуда и как погибла. А мне, пожалуй, и сказать будет нечего, она и так все знает. Такие вот дела.

Теперь уже можно не торопиться, плетемся с Гаврилой последними. Еще пять минут - и сброшу рюкзак, сниму ремень и обязательно выпью самую большую кружку чая. Есть как-то не хочется.

В лагере - гомон, кто-то играет на гитаре, пахнет дымом и едой. Возле костра сидят две алтайские девчонки. Озябшие, жмутся друг к дружке, тянут к пламени руки. Как-то не укладывается в голове, что те, в воронке, примерно их ровесницы. Ведь еще даже и жить не начали. Да и не приспособлены они к войне. Нет им тут места.

Все-таки в удачное время мы родились. Ни войны, ни голода нет. И как ни страшно, памяти тоже нет. Только слова: «Мы помним, мы не забудем». Скоро никто и даты начала войны не назовет. 9 мая помнят, конечно, ведь такой повод бухнуть... Лучше бы цветы купил на могилу, чем на водяру тратить.

Пора спать. Завтра работы много. Бойцы ждут...

Длинный

Серега Длинный – это, конечно, еще тот экспонат. Даже бывалые поисковики порой удивляются его чудачествам. Длинного можно запросто встретить бродящего по лагерю в солнечный день в детской панамке и с зонтиком, ручкой которого служит сухая суковатая палка. Или вот он - вылезает из своей палатки, разодетый в добротный костюм – тройку. На шее у Длинного, словно удавка у висельника, болтается цветастый галстук, на ногах - лакированные штилеты! Вокруг - грязюка, все чумазное, в болотных сапогах... А тут - такое чудо в театральном прикиде!

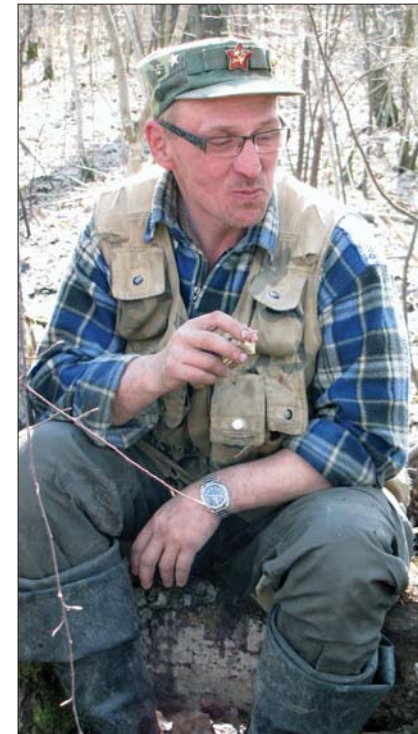
Под стать облику и шуточки у Сереги. Вообще, по нему сложно понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Вот это его свойство однажды сыграло со мной злую шутку...

Тогда мы с Серегой нашли очень большое захоронение. Ям восемь-девять, если не больше. И все в одном месте. После долгих бесплодных поисков наши сердца прямо-таки переполняла эйфория от этой удачи. Довольные результатом, мы курили, прислонившись к деревьям. Длинный дурашливо улыбнулся, обнажив щербатую челюсть так, что при желании можно было даже разглядеть его гланды, и полез в нагрудный карман своей изодранной горки. В его хитром прищуре появилась какая-то бесовщина, весь облик стал загадочным.

- В нашем деле Петруха главное что?

- Покурить и пообедать...

- Не-е-ет. Покурить и пообедать - это само собой. А вот чтоб удачу не спугнуть, надо ее как следует отметить.

По законам жанра из Серегиной горки должна была появиться бутылка с вкусным и душистым шнапсом. Это было бы логично и очень даже кстати. Мокрому и усталому организму такая штука была просто необходима. Но в качестве средства простудной профилактики из грязного кармана появилась упаковка ... презервативов. Сам Длинный в этот момент совсем перестал быть похожим на нормального человека. Он больше походил на крокодила, наблюдающего за зеброй, пришедшей к водопою. Вариантов того, как именно сейчас будет осуществляться празднование неслыханной удачи, было не очень много. Почему-то мне казалось, что надувание презервативов и запуск их в небо Длинный в данный момент не рассматривает.

Поводом к таким мыслям было вовсе не отсутствие поблизости баллонов с гелием. Учитывая мое душевное состояние, газа можно было бы при желании собрать в избытке. В голове почему-то стали всплывать постоянные шуточки Сереги про гомосеков, прогулки Длинного при лунном свете под ручку со Шреком, и другая подобная муть. Серега в этот момент еще и ухмылялся, издавая невразумительные звуки:

- Ыгы – игы – гы-гы – угы...

Что и говорить, выглядел он весьма убедительно. Чикатило нервно курит в сторонке. Добавьте сюда почти двухметровый рост, активное спортивное прошлое Сереги и полное отсутствие живых

людей в радиусе пяти км. Если честно, я вообще слабо представлял, где мы сейчас находимся.

Мозг лихорадочно перебирал варианты спасения. Мысли шли какими-то бессистемными обрывками: «Прикалывается или нет? Хрен его знает. Мы с ним всего неделю знакомы. Так если после всего он меня завалит – скажет, что я сам отбился и заблудился. Трупа нет и дела нет. Если я его завалю, отсюда вряд ли сам выберусь. Тмута-ракань – сгинешь, как сопля в фартуке. Да и справлюсь я с ним вряд ли. У него руки длиннее, чем у меня ноги. Здоровый, собака. Может, пока не поздно, сигануть в заросли? Нет, все равно догонит. Что же делать? Может все-таки прикалывается?..»

Единственным логичным вариантом представлялась попытка уговорить Длинного отказаться от его затей по-хорошему. Тем временем Серега сделал ко мне один шаг и, по-дурацки усмехаясь, спросил:

- Знаешь, зачем я их с собой таскаю?

Я инстинктивно попятился.

- Медальоны герметично упаковывать?

- Не-е-е-ет. Это я жене такое втираю, типа для запалов, на самом деле не для этого. Совсем не для этого...

Наличие у Длинного жены, как ни странно, меня несколько приободрило. Если он ей в чем-то отчитывается, значит, не все потеряно.

Тут Серегу прорвало. Он гоготал так, как грохочет, наверное, горный обвал. Его даже подкидывало от собственного хохота. Сигарета, выпав изо рта, коротко пшикнула и потухла в весенней грязи.

- Шо, поверил?

Не поверишь тут! За 15 лет мотания по этим болотам любой спятить может. Тем более, когда мертвых видишь больше, чем живых. Одиачаешь поневоле, и не такие штуки отмачивать будешь...

Целый вечер я старался не ходить впереди Длинного. Не то чтобы я опасался насчет его ориентации, просто это как-то инстинктивно получалось. Серега замечал это и даже не смеялся. Потому как Длинный редко смеется. Те звуки, которые он издает, когда ему весело, тяжело назвать смехом. Это что-то среднее между бульканьем и боевым кличем индейца. Зато когда Серега хохочет, можно смело записывать на диктофон и ставить в качестве звукового сопровождения на противоугонное средство автомобиля. Любой, даже самый смелый воришка наложит в штаны и умрет от разрыва сердца, если такая штука сработает. Посторонним людям Серегин гогот – серьезный удар по психике. Нам – ориентир, если в лесу заблудимся. Можно сесть и ждать, когда заржет Длинный. А потом смело идти на звук.

Как-то раз к нам на бивуак забрел какой-то пиндос. То ли итальянец, то ли испанец – я в них не особо разбираюсь. Серега тоже. Для него, по-моему, слова Европа и НАТО – синонимы. Потому он и демонстрировал вопреки лесным обычаям полное равнодушие к иностранному гостю: не угощал чифиром, не предлагал лучшее место у костра, как это обычно бывает, когда к нам заходят представители лесного народа. Серега игнорировал пиндоса, растянувшись на земле и блаженно подставляя обнаженный

торс апрельскому солнышку. Звериный татуированный оскал на плече Длинного негостеприимно щерился на иностранца. В юности я работал воспитателем в детдоме. Основная масса ребятишек уже успела побывать в тату-салонах. Судя по Серегиной росписи, он тоже туда как-то наведался. Я его об этом не спрашивал никогда. Зачем? Нормальный мужик. И кому какое дело. Дай Бог, чтобы все друзья такими были.

Пиндос попался на редкость тупым, но любознательным. Он ковырялся в куче копаного железа, поочередно доставая то один, то другой предмет, и каждый раз спрашивал:

- What is it ?

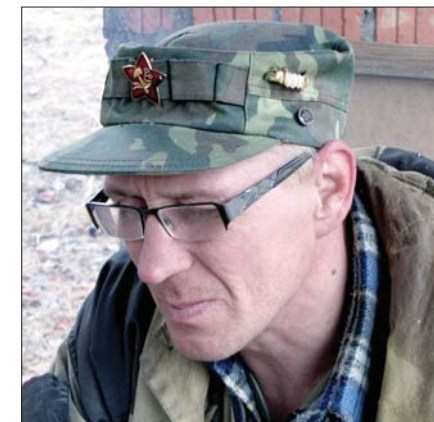
Я, как мог, объяснял, используя все известные иноземные слова:

- This is mashine – pistole... Das ist german conserve... This is soldier Red army button.....

В детстве я слабо слушал маму по поводу учебы, так что с языками как-то не очень. Иноземец после моих пояснений каждый раз цокал языком и еще раз внимательно рассматривал предмет. Его худое смуглое лицо снова и снова выражало неподдельное удивление, как будто после моих слов ржавые железки начинали обладать какими-то магическими свойствами. Видать, в его стране особо не воевали. Повезло дурням. Наши-то деды сполна на этих болотах хлебнули. На своей же земле. До сих пор копаем-копаем, а никак всех не поднимем.

Пиндос запустил свою пятерню в самую гущу металлических предметов и выдернул оттуда гранату Ф1. Несмотря на наличие в игрушке запала, он явно не понимал, что это у него в руках за штука и для чего вообще такие используют. Дикий, однако, народ! Гранаты ни разу в руках не держали. Чем они там у себя интересно воюют? Не удивлюсь, если луками и стрелами. А еще над нами смеются, мол, русские необразованные.

Непонятная вещица необычайно заинтересовала европейца. Он крутил ее в руке, разглядывал со всех сторон, а я тем вре-

менем копался в своем словарном запасе, чтобы максимально объяснить этому чудику назначение и правила обращения с подобными штуками. Когда пиндос стал пытаться разобрать эфку, слова нашлись сами:

- No, no! This is very dangerous huinya!

Последнее слово Серега понял! Вот тогда-то я и услышал, как он умеет смеяться. Даже дятлы в лесу перестали деревья долбить. А пиндос обиделся и ушел. Я думаю, зря – на Серегу обижаться нельзя.

Мистер Удача

Утро началось как обычно – с расталкивания Лехи, загулявшего до поздней ночи в одном из лагерей. Это у него было традицией. Молодежи вокруг много – ну что еще делать, как не горланить до полуночи песни у костра про матушку-Россию и бойцов, оставшихся на полях?

После подъема – быстрые сборы: аптечка, дневная пайка, инструмент... Каша на завтрак – и вперед! Программа на день – добор массового захоронения, которое вчера не успели полностью поднять, а затем поиск «верховых». Место работы совсем рядом – полтора километра от лагеря.

С добором справились довольно быстро, даже двух часов не затратили. В воронке от снаряда, всего в 20 м от железнодорожного полотна лежали шестеро еще совсем молодых парней. На шестерых – один медальон. Пустой.

Погибли бойцы зимой. Шли в атаку по глубокому снегу на строящийся из леса пулемет, скорее всего понимая, что останутся здесь, так же, как и их товарищи, по следам которых, они, стиснув зубы, идут, не смотря ни на что. Останутся навсегда. Молодыми. Навсегда молодыми. И будут лежать в этой грязи, дожидаясь тех, кто когда-нибудь придет за ними. Тех, кто помнит.

Во время работы мимо нас то и дело проходили поезда - в 20-ти метрах всего. Пассажиры недоуменно глазели на пятерых взрослых людей, ковыряющихся в грязной яме. «За окнами весенний лес шумит, я еду в Ленинградской электричке, передо мною девочка сидит, с георгиевской ленточкой в косичке.....». Эти строки преследовали меня все время работы. Ребята из «Гвардии» рассказывали, что в 50-х и даже в 60-х из окон электричек пассажирам были хорошо видны останки бойцов, лежащих вдоль железнодорожной насыпи, – выбеленные на солнце черепа, каски, изодранное обмундирование. Мало кто задавался вопросами: Как? Почему? Кто эти люди? Сейчас это даже не укладывается в голове, а тогда...

В стране, разоренной войной, это, увы, было обыденностью. Эх, сколько имен можно было бы вернуть, сколько матерей смогли бы, наконец, узнать, где лежат их сыновья, сколько новых страниц истории не остались бы нераскрытыми. И эти шестеро, может быть, и не остались безымянными... «Я еду в поезде, смотрю на все подряд, на девочку с прекрасными глазами. А за окном солдатики лежат, и прорастают новыми лесами...»

Закончив работу, мы отправились бродить со щупами по зарослям кустарника. Место было практически сухое – воды всего по щиколотку. Залегание останков по предварительным сведениям - 20 – 30 см. Шрек Болотный, как всегда, отличился - в предыдущие дни уже трех бойцов здесь нашел. И Фиона нашла одного. Фионой мы за глаза называем супругу Шрека – Надежду. Настоящая боевая подруга.

Металлоискатели в этих зарослях использовать бесполезно. Если настроить на поиск чермета, надеясь найти бойца по каске или винтовке, звук детектора будет выть не замолкая. Осколки, мины, колючая проволока... С цветным металлом дела обстоят не лучше. Алюминиевые снарядные «головы», медные обтюратеры боеприпасов, куски ржавой стали заставят человека даже с очень крепкими нервами отложить подальше самый навороченный и дорогой прибор. А взамен игрушки стоимостью в 1000 у.е., взять в руки деревянный черенок с торчащим из его торца куском стальной проволоки длиной 30-40 см. Попросту – поисковый щуп.

Кроме умения различать материалы по звуку необходимо обладать ощущением глубины вероятного залегания, пониманием того, где необходимо «щупать» грунт, и крепкими руками. Это только с виду работа человека, бродящего по зарослям, напоминает прогулку слепого с тросточкой. С той лишь разницей, что слепому тросточка позволяет «видеть» поверхность земли, а поисковик со щупом обла-

дает «подземным зрением». Попробуйте 1000 раз вогнать стальной стержень в грунт! Да при этом на всякий подозрительный сигнал необходимо нагнуться, разодрать пальцами землю и проверить, что это так подозрительно звучит. Уверю вас, при добросовестной работе через 2-3 дня у новичка возникнет проблема с держанием ложки за обедом... Ко всем этим умениям необходимо добавить и наличие пресловутого «шестого чувства», которое, и в этом я не раз убедился, все-таки существует.

Так что, несмотря на доступность и простоту в изготовлении этого базового поискового инструмента, настоящих виртуозов щупа существует немного. Вооружившись описанным выше приспособлением, мы принялись бороздить территорию вдоль железнодорожного полотна. Вскоре в зарослях встретили Шрека. Он опять нашел бойца и уже приступил к подъему. Леха остался ему помогать. Вместе с ними остался руководитель Сыктывкарского отряда и Фиона. Я отправился бродить дальше, не удаляясь особо от места их работы.

На очередном витке моей замысловатой траектории возле наших ребят я заметил нового человека. Ни описания его внешности, ни даже возраста приводить не буду, потому что, как показали дальнейшие события, одно только упоминание об этом субъекте способно привести к страшным катаклизмам с необратимыми последствиями: взлому сайта семитскими хакерами, разрушением белорусского сегмента интернета и приступу острой диареей у администратора ресурс-

са. Скажу только, что этот поисковик был из Москвы, и в дальнейшем условимся называть его или «Москвич», или просто «Человек, имя которого нельзя произносить вслух». Ну или еще «Мистер Удача»

Наши товарищи были весьма озадачены - у бойца, которого они поднимали, отсутствовала нога. Зачистка местности вокруг раскопа результатов пока не давала. Сначала я не придавал значения злобным взглядам Шрека в сторону Москвича, но спустя несколько часов я понял, что они означали. Но, не будем забегать вперед. Посмотрев на это грустное кино, я предложил новому знакомому, обладавшему весьма навороченным металлодетектором, рвануть на дальний кордон, где много «вкусного». Мое предложение было воспринято с большим энтузиазмом и чуть ли не аплодисментами, и мы потопали в направлении старых позиций вермахта.

Как потом оказалось, после нашего ухода на раскопе стали происходить странные вещи. Лехин шуп ударил по кости, и она оказалась недостающей конечностью бойца, на поиски которой перед этим было затрачено несколько часов. Взрыв, оборвавший жизнь красноармейца, отбросил ее на пять метров от тела. Пару ударов шупом Шрека дали новый результат – нашли еще одного «верхового».

В общем, у ребят «пошла масть», чего нельзя было сказать о нашей сладкой парочке. Дорогуший детектор выл как сумасшедший

даже там, где и быть ничего не могло. После пыхтения над шурфом сигнал пропадал, не давая даже возможности узнать, что послужило причиной столь мощного фона. Единственным военным артефактом, найденным нами, была кирка без ручки, которую мой новый напарник зачем-то положил в рюкзак.

Самым странным было то, что я отчетливо понимал, что сегодня день пустой. Никого мы не найдем. Это ощущение взялось непонятно откуда, и причины его появления были для меня неясны. Тем не менее, интенсивный поиск не останавливался. Во время перекуров Человек, имени которого нельзя называть вслух, рассказывал мне про свое житие-бытие. Из его рассказов выплывала довольно странная картина, его существование было полно всяческих неожиданностей. На него поочередно падали памятники, грузы, перемещаемые башенными кранами, его телом даже заклинивало турникеты. В «Долину смерти» его привел поиск деда, который пропал без вести, находясь на службе в штабе 2-ой Ударной армии. Сей исторический факт, заставил меня по-другому взглянуть на истинные причины трагедии Мясного бора. Имея под боком родного дедушку «Мистера удачи», можно было чего угодно ожидать.

Чем дольше мы бродили, тем назойливее становилась мысль о бесперспективности сегодняшнего поиска. Мой напарник воспринимал все довольно флегматично, и посему предложение вернуться на старое место сопротивления не вызвало. По дороге назад мы естественно сбились с пути, но у Москвича оказался чудесный аппарат, позволяющий определить наше местонахождение. После того, как мой новый знакомый с гордостью включил свой навигатор, нам открылась довольно странная картина. Оказалось, что находимся мы на самой середине Чудского озера, над останками несправедливо обиженных Александром Невским тевтонских рыцарей... Почесав затылок, Человек, имени которого нельзя произносить вслух, решил перезапустить свой чудо-прибор. На сей раз бесовщины не произошло, и направление нашего дальнейшего движения удалось определить.

Притопаив к нашим товарищам, мы стали помогать им собираться. На сегодня работа была закончена, надо было двигать в лагерь. До темноты необходимо наладить переправу, чтобы завтра махнуть на другой берег. Два бойца – неплохой результат. Неожиданно Москвич хватился своей лопаты. Вернулся-то он без нее! Ну, скажите мне, как такое возможно!?! Вы идете в поиск. Лопата за спиной, в руке детектор. Вы постоянно работаете лопатой!!! Как можно ее

потерять? Трагизм ситуации заключался в том, что эта лопата принадлежала вовсе не Москвичу. Это было любимое орудие командира «Гвардии» Сани Орлова, которую ему подарили то ли японцы, то ли какие-то другие иноземцы. Настоящий «Фискарс»!!! В России такие не продаются. За потерю сего артефакта даже в мирное время грозят телесные повреждения как минимум средней тяжести.

На человека, имени которого нельзя произносить вслух, было жалко смотреть. Проанализировав ситуацию, мы пришли к выводу, что единственное место, где лопату могли оставить – точка включения навигатора. То есть самая середина легендарного Чудского озера. Туда и потопал незадачливый поисковик, благо место это находилось совсем недалеко.

Как только он скрылся среди зарослей, Шрек по-отечески положил мне руку на плечо, и сказал «Спасибо Петро, ты сегодня огонь на себя принял». В ответ на мое недоумение товарищи поведали мне то, о чем я уже и без них начинал догадываться. Оказывается, Москвич – это человек-катастрофа. Если он рядом с тобой – забей на результат. Проверено. Даже гильзы не найдешь, будь ты хоть трижды профессионал.

Орел перестал его с собой на разведку брать уже после двух безрезультатных выходов в лес. ОРЕЛ!!! Который порожняком из леса никогда не возвращается, в эти два похода не нашел АБСОЛЮТНО НИЧЕГО!!!

Шрек в первый же выход в лес со столь неординарным напарником утопил в воронке минник, а когда у костра стал его просушивать, то ненароком еще и провода у динамика оторвал. Все! Трындец полный. Если с вами в поиске Мистер Удача - не найдете ничего. А вот проблемы... Проблемы будут. Что и случилось затем с руководителем Сыктывкарского отряда, заместителем министра МВД Республики Коми Сергеем Солодянкиным. О ком думал Сергей, когда быстрый самолет уносил его на Родину, где ему предстояла сложная операция по исправлению перелома со смещением? Наверное, о том же, о ком и я, когда в одних трусах посреди леса пытался просушить у костра свою одежду, после того, как потеряв бдительность, сбегал за таблеткой валидола для Москвича. Только вот у меня все закончилось холодной грязевой ванной, а у Сереги - реальные проблемы...

Вскоре «Мистер удача» вернулся к месту нашего расположения. Конечно, ничего он не нашел. Взяв инструмент и останки поднятых бойцов, мы поплелись к месту будущей казни Человека, имени которого нельзя называть вслух. В лагере нас уже ждал Серега Длинный.

Легендарная личность. Когда-то поисковым премудростям его учил сам Штопор. На вечер стояла довольно простая задача – перейти на остров по сваленному Длинным дереву. На острове повалить еще одно дерево, которое в случае, если его при падении удачно направить, позволит перебраться с острова на противоположный берег речки. Там надо будет повалить еще одно дерево – навстречу. Таким образом, мы получим возможность работы на территории, на которую еще не ступала нога Москвича. А значит – обязательно «попрет». Осталось только переправу наладить.

Строить переправу пошли четверо: виртуоз бензопилы Серега Длинный, Шрек Болотный и мы с Лехой. Инструмент нехитрый – топор, бензопила, веревки и лопаты с длинным черенком, чтобы толкать ствол дерева в нужном направлении как можно выше от корня.

Примерно за полтора часа до сумерек мы выдвинулись к переправе. Местность там особенная, привычка двигаться «след в след» вырабатывается в первый же день лесных походов. Тут как на минном поле: ступишь шаг в сторону – и нет никакой гарантии, что не провалишься по самый пояс, а то и еще глубже. Воронки в мутноватой и похожей на свежезаваренный чай воде не видны.

Замыкающим в группе должен был идти Шрек, и сперва я не особо обратил внимание на то, что топот сапог сзади совсем не походит на его беззвучную, почти кошачью поступь. Недоброе предчувствие, заставившее меня обернуться, подтвердило самые нехорошие опасения – за нами шло ОНО – Проклятье Долины – или Человек, имени которого нельзя называть вслух. Вспомнив многочисленные рассказы моих товарищей о его приключениях, я попытался максимально корректно намекнуть Москвичу, что идти вместе с нами не надо, мы сами справимся, что в лагере пользы от него будет больше, и т.п. Догнавший нас Шрек не был столь изыскан в своих выражениях и в очень простой и доступной форме объяснил Мистеру удаче, чтобы он шел..... ну, скажем так - подальше.

Не дожидаясь, пока человек-катастрофа придет в себя, мы рванули вслед за Длинным. Признаться, я стал опасаться находиться рядом со Шреком, ведь он не только последним разговаривал с Человеком, имени которого нельзя произносить вслух, он еще и нагрубил ему. Судьба Шрека была предрешена, оставалось только гадать, что пошлет ему проклятье – старый немецкий «шпринг-квакен», рухнувшее на спину дерево или цепь бензопилы, сорвавшуюся с шины. Любой из этих вариантов обещал мало приятных ощущений.

Место будущей переправы находилось примерно в полукилометре от лагеря. Сначала необходимо было переправиться на остров. Первым шел Серега Длинный с бензопилой за спиной. Если с таким грузом за плечами поскользнуться и рухнуть в реку, шансов вылезти без посторонней помощи немного. Хотя и налегке переправляться не очень комфортно. Тонкое и скользкое бревно так и норовит уйти из-под ног. Лучше всего для переправы использовать березу – она и влагу не набирает, и кора на ней держится прочно – не отваливается, как с осины.

Успешно переправившись на остров, мы приступили к валке самого большого дерева на противоположный берег. Стоит ли говорить, что вопреки всем законам физики упало оно совсем не так, как мы планировали? Лениво повалившись в воду, переправа, на которую мы так рассчитывали, лежала под углом в 60 градусов к

руслу, едва доставая своим тонким окончанием до противоположного берега.

Требовался сумасшедший доброволец, способный по этому невразумительному бревнышку перебраться с бензопилой на противоположный берег и повалить там дерево побольше – «бросить встречку». Такой среди нас быстро нашелся! Шрек! Настоящий болотный герой, мастер спорта СССР по парашютному спорту, профессионал и просто настоящий русский камикадзе, которому наплевать на всякие там проклятья–фигняты. С бодрым возгласом «А пох...», он ринулся в бой. Не буду мучить читателя подробностями его героической, но неудачной попытки. Вид Шрека, грустно булькающего в апрельской воде вниз по течению, был довольно удручающим. Мы даже не стали спрашивать, к кому относились его слова «Приду на базу - убью!!» Все было понятно без слов.

Следующим, как оно и положено, мастер-класс хождения по воде показывал Серега Длинный, благо Шрек свою попытку делал без бензопилы, и она не утонула. В случае неудачи Сереги должен был идти я, а потом уже Леха, а если Леха тоже потопнет, то придут другие и отомстят... Но попытка Длинного оказалась успешной, и с противоположного берега раздался рев бензопилы, вгрызающейся в ствол толстой березы. Само собой, пилилось как-то не так, не хватало длины шины, пила глохла, а вскоре, израсходовав послед-

ние капли бензина, замолкла совсем. Другого как-то и не ожидалось. Возвращались в лагерь не солоно хлебавши. Злобы на Москвича уже не было - только досада. Темнело...

Утром москвич отправился на поиски лопаты. После того, как он отдалился от лагеря примерно на 500 метров, поднялся сильный ветер со стороны речки. Наш отряд по наладке переправы, придя к месту вчерашних мучений, обнаружил, что береза, которую вчера не удалось повалить, рухнула под действием ветра, именно так, как этого вчера и добивались. Радиус действия проклятья – 1 км – был установлен экспериментальным путем...

P.S.

В январе Шрек с Фионой приезжали к нам в гости в Брест. Но до этого в Москве встречались с Мистером Удача, который и проводил их на поезд. Проехав Минск, локомотив сломался, и поезд опоздал на час.

Комментарии излишни...

Паранойя

Паранойя - это такая психическая болезнь. Навязчивая идея по-другому. Сознание больного сужается до одной мысли. Ему или кажется, что против него готовится заговор, или тянет раздобыть где-то варенье из белых мухоморов, или еще что-нибудь. Но основные мысли параноика будут только об одном. Ни о чем другом он толком и думать не сможет.

Никогда особо и не задумывался о существовании паранойи. До той самой высоты. Ее два года назад показал нашему отряду местный старик. Обращались к нему просто – Никитыч. Встретились с ним случайно - посреди лесной дороги, когда мы, утомившись от бесплодных поисков, устало плелись в свой лагерь.

Дедуля оказался довольно приветливым – типичным местным белорусом. С удовольствием рассказывал о жизни в оккупации, когда был совсем мальчишкой, о том, как наш передовой отряд, проводя разведку боем, куролесил в его деревне, гоня гансов по окрестностям в одном нижнем белье. О том, как уже 1944-м в болото упал советский самолет, где и лежит до сих пор, о большой братской могиле на высотке у края болота. Информации было так много, что мои товарищи даже стали украдкой переглядываться – мол, спятил уже дед от старости. Однако Никитыч охотно согласился показать все на месте, и, прислонив свой велосипед к дереву, повел нас в густые заросли.

15 минут топтания по вязкому болоту – и вот мы уже обступили со всех сторон старую воронку. Глубинник явно указывает на наличие под толщей жижи большой массы металла. Знать, и правда, не спятил дед! Скорее всего, есть самолет! Примечаем место, идем к

высотке – она тоже совсем рядом. Длинный песчаный холм, окруженный с трех сторон смешанным лесом, похож на исполинскую зверюгу, которая вылезла из болота. Высотку пересекает дорога – вот уже неделю мы каждый день проходим по ней, отправляясь в поиск.

Дед бодро перепрыгивает по кочкам. Мы еле поспеваем за ним. Да-а-а. Вот оно, поколение! Нас в его годы уже черви доедать будут. А эти будто из камня сделаны. Потому и победили.

По словам Никитыча, захоронение делали в холодную погоду. Тогда шел то ли мокрый снег, то ли просто сыпалась ледяная крошка. Бойцов выкладывали двумя рядами в одну могилу, вырытую по длине холма. Старик утверждает, что тут лежит человек 70-80. Никак не меньше. После войны приезжал какой-то командир, искал могилу своего родного брата. Называл время, место гибели и даже предполагаемое место захоронения. Говорил, что брат погиб от пулевого ранения в голову. Никитыч даже показывал, как, по словам командира, прошла пуля – через левый висок в затылочную область. На высоте командир провел тогда два дня, пока не нашел останки своего брата. Уложив их в холщовый мешок, засыпал разрытую могилу. И больше его в этих краях никто не видел.

Тут дед явно загнул лишнего – уж больно фантастическая получилась история. Среди такого количества останков за пару дней найти и опознать человека в одиночку просто невозможно.

Из ствола старого дерева, стоящего на краю высоты, торчит бесформенный кусок металла. Вросший в древесину фрагмент тускло поблескивает в лучах заходящего солнца. Это часть фюзеляжа самолета – скорей всего того самого, что лежит в болоте в 300 метрах от места, где мы сейчас находимся. Выходит, с самолетом дед точно не соврал. Хотя в то время он был совсем мальчишкой – мало ли

что может нарисовать детское воображение. Фронт здесь стоял семь месяцев – с ноября 1943-го по конец июня 1944-го. За переправы через реку Лучесу сражались пять стрелковых дивизий. Такое тут творилось, что не мудрено и напутать.

За работу принялись на следующее утро. Часть отряда пошла ковыряться в болоте, а мы вшестером оккупировали высоту. Так как «вертухи» у нас нет, да никто толком и не умеет ею пользоваться, решаем перерезать район поиска параллельными шурфами поперек высоты. Если захоронение есть – обязательно найдем.

Копать легко – грунт полностью состоит из песка. В бороздах, идущих вдоль высоты, попадаются чахлые сосенки. Вообще сосна песчаные почвы любит. Но здесь будто в детской песочнице – ни грамма чернозема. Даже сосна расти не хочет. Да и трава чахлая – невысокая, жесткая как проволока, она покрывает поверхность высоты блеклым ковром с небольшими проплешинами.

Работа идет быстро – все ребята молодые. В группе два молдаване, два украинца и два белоруса. Молдаване работают за десяте-

рых. Мы только успеваем снять дерн, а их шурфы уже отрыты почти по колено. Непроизвольно возникает соревнование по скоростной копке. Раздаются веселые прибаутки и подначивания. Никто не

вспоминает о том, для чего мы здесь копаем и какая жуткая находка является нашей целью. Сейчас про это не думается. Это потом, если повезет, и будет результат, все прекратят смеяться, разом смолкнут, вылезут из своих раскопов и молча обступят яму с найденными останками. Говорить первое время будут вполголоса, чувствуя себя неловко рядом с безмолвными солдатами, ровесниками тех, кто их наконец-то нашел.

А пока мы с куражом и задором вкапываемся в податливый песок, стараясь не отставать друг от друга. Вот мне попались какие-то обгорелые обрубки бревен и красный связистский провод, уходящий в глубину. На то, что ранее здесь уже была яма, указывает и характерный рисунок на срезе почвы. «Тигра» - так его называют. Если чередование светлых и темных

слоев почвы расположено полосами, это верный знак, что до тебя тут не копали. Если же пятнами идет «перемес», то, скорей всего, кто-то более проворный уже побывал здесь раньше. На стенке моего окопа – «тигровый» рисунок что надо. Тут я точно первый. Лопата противно скрежещет по металлу. Присаживаюсь на колени и аккуратно разгребаю песок руками. Надо мной сразу же появляются любопытные головы: «Ну, чего у тебя там?».

Вот вроде копаешь – копаешь, и никто на тебя не обращает внимания. Но стоит найти хоть что-то мало-мальски интересное, как вокруг сразу же возникает орда любопытных. На свет появляется покрытая ржавыми наростами металлическая трубка длиной около 20 см. В торце этого предмета, в котором сразу же угадывается звено от немецкого перископа, сохранилась мутная стеклянная призма.

- КНП копаешь! – единодушно решают все.

Кураж сразу же усиливается. Если есть КНП, то однозначно вокруг все должно быть в старых позициях. Место нетронутое. Песочек. Да! Наверное, так и выглядит поисковый рай, куда после смерти попадают самые лучшие поисковики... Ярко светит солнышко, но духоты не ощущается. Ни сырости, ни противных корней. Копай – не хочу. До лагеря всего полтора километра. Удачно зацепились - спасибо Никитычу! Даже если тут и нет массового захоронения – все равно копать стоит. Может, меня в поисковый рай и не пустят, а тут такое...

Я настолько увлекся, что даже и не заметил, как уже зарылся почти на два метра. Но дна еще нет. Обугленные столбы, служившие когда-то подпорками, уходят ниже. Неплохо окопались. Оно и понятно – КНП как-никак! Да и грех в таком месте по-другому делать: тут вообще можно без лопаты копать – одними руками.

Поднимаюсь из своего раскопа. Не спеша закуриваю и иду к раскопам товарищей. С интересом рассматриваю находки. Пробитая осколком советская каска, пара круглых котелков, патронный ящик. Сохран в песочке, конечно, неважный, но для музея вполне сгодится. Настораживает практически полное отсутствие стреляных гильз и следов артиллерийского обстрела. Ни осколков, ни болванок, только один стабилизатор от немецкой мины. Однако по всему видно, что наши укреплялись здесь основательно. Где ни копни, натыкаешься на старые окопы. На поверхности их не видно – песок быстро скрывает следы. Зато стенки каждого нашего шурфа явственно пересекают зоны «перемеса».

С командного пункта открывается прекрасный вид на реку. Позиции немцев на противоположном берегу – как на ладони. Замечательное место. Вот только, если верить Никитычу, мы уже должны были наткнуться на захоронение. А результата пока нет. Железки не в счет – они интересны только в первые несколько минут... Надо рыть дальше и глубже – в таком месте могли попросту сбросить тела бойцов на дно: окопы-то глубокие.

Вот так эта высотка и стала моей навязчивой идеей. Практически все дни до окончания вахты прошли на ней. За исключением того момента, когда наш командир Гена Базаджиев отправил всех на работы по поднятию самолета. В вонючей от паров ГСМ яме было, конечно, интересно, особенно когда на поверхность поднимали крупные остатки шасси и другие обломки. Но меня все равно тянуло на высоту. Все время казалось, что надо копнуть еще в одном месте, еще чуть-чуть – и вот оно... Однако все было тщетно. В последний день пришлось помогать в подъеме большого санитарного захоронения, где Казанские ребята работали уже больше недели. А высотка моя так и не открыла своих тайн...

Спустя два года я снова здесь. Если эту занозу не выдернуть из мозга, то наверняка стану психом. Едва установил свою палатку – сразу рванул на место. Мелкого холодного дождя как будто и нет. Все мысли только там – под толщей песка, среди старых боевых позиций.

Мой напарник - Геннадий Сергеевич, пожилой уже мужик. В нашем военно-историческом клубе он заведует продовольствием и большинством хозяйственных вопросов. Такой и в вечной мерзлоте не пропадет - может и кашу из топора сварить, и дом соорудить. Только вот специализируется он больше на поиске с помощью ме-

таллодетекторов. А там, где нам предстоит работать, даже глубинник – штука бесполезная, сигналов жди только с глубины в метр-полтора.

Так как от шурфов толку оказалось мало, надо менять тактику и инструмент. Весеннюю Вахту я посвятил подготовке к штурму высотки. Развивал навыки в пользовании «вертухой» и «крюком». Старался работать с теми, кто поопытней да пофартовой. Это ветера-

ны Мясного бора, у которых всегда есть чему поучиться. Люди они довольно неординарные, способны иногда такой фортель выкинуть, что мама не горюй. Взять хотя бы того же Серегу Длинного. Вот уж экспонат так экспонат.

Вспомнив Серегу, я невольно улыбнулся: да уж, Длинного с его крюком здесь явно не хватает. С ним максимум день-два работы, и эта местность будет зачищена до мельчайшего фрагмента. А самому тут долго толкаться придется. И инструмент коротковат - удалось разжиться вертухой только в метр-двадцать. Таковую надо вдавливать в грунт по самую ручку.

Первых же 20 минут работы приносят результат. Мне удастся нащупать окоп, на дне которого лежат массивные куски металла. Траншея идет по самому краю высотки – на оптимальном для огневых

позиций месте. В грунте явно чувствуется провал на глубине 1 м. Это остатки перегнойа на дне окопа. Разница в плотности грунта так велика, что сомнений не остается – надо копать.

Работать начинаем там, где на дне наиболее явно прощупывается металл. Сергеич первым берется за лопату. Идем точно по траншее. Ее траектория уже размечена и обозначена маленькими вешками – чтобы не отвлекаться в процессе копки. Проходя по склону, старый окоп уходит под березу и теряется в зарослях. Что там дальше, мы пока не смотрели – на сегодня работы хватит.

Как обычно, в процессе копки воображение начинает рисовать самые необычайные картины. Что там? Конечно, хочется, чтобы этот окоп оказался тем самым массовым захоронением, которое я так долго ищу. Ну, или на худой конец позицией артиллерийского расчета, вместе с покоренным оружием и останками бойцов. Или пусть там окажется радиостанция «Север» вместе с героем-радистом. Главное, чтобы не оружие – от него кроме проблем ничего не жди. В общем, мысли прут самые разные. Работа хоть и не сложная, но монотонная – надо же о чем-то думать.

Как обычно, ничего из того, что рисовало нам воображение, мы не находим. Все дно окопа усеяно артиллерийскими снарядами. Это советские фугасы 76-го калибра. Ни один obtюратор не поврежден. Значит, их просто сбрасывали в окоп после войны. Гильзы забрали на металл, а снаряды выбросили – обычное дело. Сколько их тут лежит, сразу и не сосчитаешь. Аккуратно щупаю вертухой под старыми боеприпасами. Грунт твердый. Значит все. Дно окопа. Больше тут делать нечего. Пусть саперы разбираются.

Вылезает покурить. Так как работаем почти у самой дороги, к нам то и дело подходят поисковики из других отрядов. Людей пока еще заехало мало, а те, кто заехал, еще ни за что не зацепились. Наши окопчики с железом привлекают всеобщее внимание. Как-никак только первый день Вахты. Даже Фаиль Фаисыч приходит посмотреть.

- Здорово зарылись. Как это вы так решили, что именно здесь копать – у самой дороги?

- Так уже второй год роём...

Рассказываю Фаиллю о поиске массового захоронения. Показываем, как идет линия окопов. Глаза старого поисковика сразу же загораются. Решает один разок «стукнуть на удачу». Я не особо верю в подобные пробы, так как сам уже исползал вокруг все, что только можно было.

Фаиль выбирает место под самой березкой. Буквально с первого раза слышится характерный стук наконечника на глубине 1 м: кость! Это точно кость. Корень звучит глуше и, если ткнуть вертухой сильнее, то она как-бы «прилипаёт» наконечником.

Ну, вот как так? Я тут уже второй год ковыряюсь, ничего кроме железок не нашел, а пришел Фаиль - и с первого раза! В метре от моего раскопа!

Понимаю, что чувство досады в данном случае очень и очень неуместно, но, наверное, Фаиллю по выражению моего лица все понятно.

- Зовите пионэров, профессор! Тут им раздолье. В таком песочке можно семинары по археологическому способу подъема проводить.

Молодые поисковики из отряда Фаиля прибегают так быстро, словно они только и ждали в ближайших кустах, когда понадобятся своему командиру. Мальчишек в первую очередь интересуют уже извлеченные из раскопа трофеи, они увлеченно рассматривают весь тот металлолом, который мы с Сергеичем поднимали на поверхность. Глядя на них, невольно вспоминаю себя. Вот точно также когда-то сам испытывал щенячий восторг от найденной гильзы ПТР. Увлеченно рыл землю на малейший писк металлоискателя. Осознание того, что железо – оно железо и есть, пришло после. Не от пафос-

ного еля на захоронениях - такие вещи наоборот отталкивают, уж слишком они ненатуральны. Само собой как-то понял, что те, кого я нахожу, смотрят на меня, когда-то с ними придется встретиться, и посмотреть на них. А вот соврать им про «патриотизм» не получится. Потому как про все, что делаешь, о чем думаешь, они знают. «И воздастся каждому по делам его».

Дав мальчишкам вволю проявить свою эрудицию на предмет «это наше – это немецкое», Фаиль ставит задачу. Указывает границы раскопа. Демонстрирует с помощью «вертухи» глубину залегания. Нам с Сергеичем тут уже делать нечего. Завтра посмотрим, чего тут молодежь накопала, и будем думать о дальнейших действиях. Если это край большого захоронения, останемся на эксгумацию. В случае если останков будет немного, придется дальше долбить высоту. А пока самое время перекусить и рвануть «на дальний кордон», прогуляться по селу, расспросить местное население ну и, если останется время, попытать удачу на старых немецких позициях.

В лагерь возвращаемся «на звезде». В рюкзаке добыча сегодняшнего дня – солдатский светильник – а-ля «окопное творчество», ржавый немецкий газ-бак и гнутая каска М42. Последний предмет - вещь абсолютно бесполезная. Сохран отвратительный, кусок каски вообще вырван – отреставрировать такую очень и очень сложно. Была б советской – так хоть на гроб можно положить, когда захоронение будет. Зачем мы ее приперли, сами не понимаем – инстинкт, наверное. Как-то раз мы со Шреком в Мясном бору доставали вросшую в корни железку, все перепачкались, устали. А когда подняли металл на поверхность, никак не могли понять, что это такое. Шрек тащил этот кусок чермета в лагерь - только ради того, чтобы Длинный потом поднял его на смех. Массивный и в прекрасном сохране военный артефакт оказался подножкой от мотоцикла ИЖ-4.

Хоть и устал, иду к Фаилю. У него хорошие новости. Рядом с найденными останками обнаружено еще два зацепа. До костей ребята еще не добрались, так как работают археологическим способом, но Фаиль уверен, что они там есть. Ребята с удовольствием демонстрируют свои находки – два патронных ящика от «Максима». Не зря меня паранойя донимала. Наконец-то! Сердце наполняется ликованием.

В рассказе Фаиля смущает одна деталь – зацепы идут не сплошным пятном, а на некотором расстоянии друг от друга. Метра два-три. По сведениям Никитыча, напротив, должна наблюдаться область непрерывного залегания останков. Может, в данном месте

существуют перепады глубин, и наши «вертухи» просто не достают до дна? Или тот самый офицер, что приезжал за останками брата, внес беспорядок, сместив бойцов? Завтра узнаем.

Утром приезжает Гена Базаджиев, и мы до обеда занимаемся благоустройством нашего лагеря. Стол делаем из борта разбитого советского баркаса, натягиваем тент, сооружаем лавки. Во время переноса кострища натываемся на останки бойца: из ямки, которую мы копаем под опоры для походного котла, лопата выбрасывает несколько советских пуговиц и часть бедренной кости. Сколько ж их вокруг лежит? Переправа тут много жизней забрала, у кого - на самом берегу, а у кого и в нескольких километрах - немец здесь серьезно закреплялся.

Бойца пока решаем не поднимать. Сначала покажем место военнослужащим поискового батальона, а потом уже возьмемся за работу. Пусть полежит. Как только заканчивается обед, мы с Сергеевичем почти бегом отправляемся к высоте.

Фаиль с ребятами уже с утра здесь копаются. Вид у них довольно озадаченный. Под патронными ящиками найдены останки. Только это совсем не пулеметчик. Это вообще не воин красной армии. Это женщина лет шестидесяти. Похоронена она в соответствии со всеми христианскими традициями. Старушка лежит на спине со сложенными на животе руками. Ребята настолько аккуратно произвели зачистку, что в области грудной клетки угадываются очертания одежды покойницы. Их можно проследить по голубым капелькам бисера, которыми была вышита ее сорочка. Красиво сработано, прям академия археологии. Однако тут не до особых восторгов. Фаиль показывает мне монетку, найденную в раскопе - 1836 год. Вот тебе и массовое захоронение!

В соседнем раскопе находятся останки бойца. Он лежит на боку, вытянувшись во весь рост. В черепе видно пулевое отверстие. Ноги обуты в ленд-лизские ботинки. В песчаной почве они прекрасно сохранились. Даже надписи на подошве читаются.

- А там кто? – показываю я в сторону крайнего раскопа.

- А туда лучше вообще не ходи.

В крайнем раскопе работают ребята постарше, что-то бурно обсуждают:

- Только четверки вылезли, по любому еще пяти лет не было.

Понятно. Детей нашли. Определят по зубам возраст. И правда, лучше не ходить. Всякое видел, а на детские останки смотреть не могу. Слезы наворачиваются. И внутри холодно.

- Сколько их там?

- Не меньше двух. Одному еще и трех лет не было.

От вчерашнего ликования не остается и следа. Это точно не воинское захоронение. Это даже не захоронение 20 – го века. В песке кость хоть 1000 лет пролежит – внешне почти не изменится.

Фаила зовут к соседнему раскопу. Там нашли что-то необычное. Подходим вместе. Над выглядывающими бугорками костей просматривается четкий контур в виде кругового сегмента. Смешанный с песком фиолетовый налет расположен по ширине всей грудной клетки.

- Так это же поп. Оклад медный окислился – вот и цвет такой. – Говорит кто-то.

Еще лучше. Бабулька, дети, а теперь вот еще и батюшка... Кого еще откапываем? Рыцаря в доспехах?

На раскопах появляется руководство экспедиции - Саша Коноплев и Илья Прокофьев. С ними прибыл и лейтенант поискового батальона. Всем уже понятно, что копаем мы гражданское кладбище, которому около 200 лет. Карта 1850 года говорит о том, что раньше именно на этом месте располагался небольшой хутор из пяти домов. На немецких картах 1942 года эти дома уже отсутствуют.

Однако ясности не появляется. Наоборот встает вопрос: что делать дальше? Вроде как это дело нас не касается, за исключением бойца, который лежит почти вплотную к останкам старушки, и в то же время как-то вот так взять и назад все заровнять - это не совсем правильно. Не по-людски это - раскопать могилы, забрать одного покойника – остальных зарыть назад, потревожив их почти 200-летний сон. Вот как в таких ситуациях поступать?

Пока решают прекратить все работы. Лейтенант долго совещается с командованием по мобильному телефону, а потом сообщает, что завтра сюда явится целая комиссия: прокуратура, следственный комитет, чиновник из местного исполкома и прочие, и прочие, и прочие.

Остаток дня мы с Сергеевичем проводим в работах недалеко от раскопов - чуть поближе к найденному в позапрошлом году КНП. Саша Коноплев записал несколько треков с помощью своего навигатора и наложил на немецкую карту. Если верить его выкладкам, то выходит, что в 42-м году дорога через высотку проходила несколько ниже. А ведь Никитыч, показывая нам место возможного захоронения, однозначно ориентировался на дорогу. Следовательно, область позапрошлого поиска необходимо сместить вниз по склону.

К вечеру опять собираем кучу металлолома. Я знаю, что за глаза в лагере меня уже прозвали металлистом. Ничего. Кто ищет, тот всегда найдет. Перед уходом намечаем фронт работ на завтра. В лагерь возвращаемся без настроения...

На следующий день на высотку высаживается целый десант представителей самых различных структур. В пиджаках и галстуках эти ребята смотрятся на фоне леса нелепо. Они несмело собираются вокруг раскопов и с необыкновенно умным видом всматриваются в лежащие скелеты. Мда-а-а, задачка. Ну, на то они и начальство – пусть думают. Лучше нам тут глаза не мозолить – пойдем в поле погуляем, а то начнут вопросы умные задавать...

Сергеич на протяжении всего дня доказывает свою фантастическую везучесть. Комплект немецких столовых приборов из нержавеющей стали в прекрасном состоянии. Два газ-бака, один из которых с противогазом, немецкий штык-нож, бакелитовый стакан с нацарапанными инициалами, колышек от палатки со штампом, пять патронных ящиков и даже куски немецкого мыла в мыльницах. Мы ощущаем себя просто сказочными богачами. Этикие поисковые Ротшильды. Кроме перечисленных находок у нас еще полрюкзак чермета: ключ для смены ствола машиненгевера, ремкомплект для

пулемета, какие-то железяки, обнаруженные в стрелковой ячейке и многое другое. Причем найдено все это состояние посреди сжатого поля – там, где наверняка уже все исхожено с металлоискателем не один раз. Ну, что тут сказать? На то он и Геннадий Сергеич. Даже если на три километра вокруг будет валяться одна ржавая каска, он обязательно придет именно к ней. Фартовый мужик.

Вечером мой напарник совершает прямо-таки поисковый подвиг. Находит двух бойцов. Без прибора, щупа, вертухи... Вообще без инструмента. Даже без лопаты! Его просто потянуло погулять вдоль речки. В обвалившемся берегу реки, подмытом во время половодья, заметил несколько торчащих позвонков. Стал присматриваться – насчитал останков на двух бойцов с сопутствующими предметами – пуговицами, пряжками... В общем, дас ист фантастиш, как говорили покойные фашисты. Не знал бы его лично – не поверил бы. Надо бы с ним начать клады искать – может, наконец-то, разбогатею...

А пока я моюсь в речке немецким копанным мылом. Экзотика, е мое! Трофейное! Дед таким, наверное, тоже в восточной Пруссии мылся - до того как немчура его без руки оставила. Мыло мылится довольно неплохо, но немного воняет асбестом. Оно больше похоже на пластид. Я даже вначале его за взрывчатку и принял – еще удивился, откуда в 1944-ом у немецкого пулеметчика пластид?

Для пущей важности мурлыкаю себе под нос «Oh, du lieber Augustin, Alles ist hin!». Ребята, которые рядом смывают поисковую грязь, дружно ржут. Желания помыться копанным мылом никто не проявляет – «еще кожа слезет». Зря. У меня знакомый как-то выкопал две бутылки шнапса. Естественно, употребил по назначению – было холодно. И ничего. Пошел копать дальше – искать закуску. А тут какое-то мыло. Где еще такой шанец будет? Жена с копаниной все равно в ванну не пустит, а тут - пожалуйста, гуляй казак!

Время, оставшееся до захода солнца, посвящаю подводной охоте – надеваю ласты и ныряю в поисках чего-нибудь интересного. Подводный поиск – самая захватывающая разновидность поиска. Иногда даже забываешь, что человек – не рыба, и в воде дышать не может. Но на дне только мины, осколки и ржавые банки. Весь фарт забрал Сергеич. Жаль. Как-то раз тут ребята вытянули немецкий обвес в прекрасном сохране, застегнутый, да еще и со штыком.

Перед сном узнаем новости – останки гражданских с высоты переносят на гражданское кладбище, а останки бойца - на мемориал. Новых раскопов на кладбище приказано не делать. Логично. Только непонятно, зачем для такого решения понадобилось собирать целое

подразделение чиновников. Зато порядок. На то она и Беларусь. Уж лучше так, чем когда бардак...

Следующие два дня Сергеич поднимает найденных бойцов. Гена Базаджиев рулит процессом и производит зачистку дна в районе поиска. Я – на посту. Со мной два парня из Татарстана – вначале наслышавшись историй про горы металла, они охотно соглашались поучаствовать в «штурме» высоты, но к третьему

дню начинают разочаровываться. Высотка же дразнит меня, ее окопы подсовывают то солдатский сапог, то подошву от ботинка, зубную щетку, кружку, котелок... Но останков – нет! Вообще нет. Один раз моя вертуха как будто нащупывает их. Звук - что надо. Глубина и твердость тоже соответствуют. Готовность уже покинуть место работы сменяется диким азартом. Но перелопатив гору песка, мы находим только лишь батарейки для электрического фонарика. У них графитовый наполнитель – и звучит он точь в точь как кость. Ни за что не отличишь!

Эта история повторяется три раза подряд. Это, действительно, паранойя. Ребята под вечер уходят в лагерь. Я уже понимаю, что все это бред, что я изучил здесь каждый камень, каждая травинка на этом небольшом песчаном холме мне знакома. Но я не могу уйти отсюда!!! Это реально болезнь. Сажу с папиросой у горки отживших свой век железок. Сегодня натолкнулся на сброс бутылок из-под медикаментов. Наковырял всяких. Ребята из других отрядов разобрали это барахло на сувениры. Периодически ко мне подходят – интересуются находками, беззлобно подкалывают. В основном все остроты крутятся вокруг цен на черный металл в Беларуси и того, как скоро я откапаю муллу... Татары ж - мусульмане, и их тут много. Почему

я кладбище с батюшкой нашел для славян, а для татар ничего не нарыл? Некоторые грозят мне небесными карами и советуют установить молниеотвод возле палатки, а лучше вообще переселиться за пределы лагеря. Я не обижаюсь. Понимаю, что и без этого выгляжу идиотом. Самое неприятное, что все ямы, которые мы тут копаем, необходимо потом засыпать. Таков порядок. Это Беларусь – край глумления над поисковиками.

Сил нет, желания нет, понимания, где копать, тоже нет. Но я все равно копаю. Вроде уже все перерыл, но обнаруживаются новые и новые зацепы. Кажется еще чуть-чуть...

Все. Завтра до обеда – последний день здесь топчусь. Защищаю кустарник по краю – и больше сюда не ногой! Хватит!

Утром встаю с твердой решимостью сегодня же покончить с этой долбанной высотой с ее нескончаемыми окопами. Надо побыстрей позавтракать – и туда. Еще сонный беру в руки топор, чтобы наколоть щепок для костра. Отработанными долгой практикой движениями раскалываю полено на мелкие части. Даже не понимаю, как это происходит, но вдруг вижу часть своего пальца с другой стороны лезвия топора. Сильной боли пока нет, но рана серьезная. Надеюсь, удастся пришить палец на место. Товарищи отвозят меня на автомобиле в Витебск. Все удачно – врачи говорят, что без проблем прирастет. Пришивают аккуратно. Вот только Вахта для меня уже закончилась. И паранойя тоже. Она вылечена хирургическим путем. С помощью топора. Уж лучше так – зато мозг целый.

Нет там ничего, на этой проклятой высоте. Напутал Никитыч. Была пара бойцов, а ему, когда ребенком был, невесть что показалось... Домой пора. Через год вернемся – я там лесок один поблизости приметил – там по-любому повезет. Обзорчик что надо, да и по карте должны там позиции быть. Вот палец прирастет, и приеду. Точно повезет...

Содержание

Эта книга о войне после войны 1

Александр Савельев

Ложка	4
Диагноз: поисковик	10
Лагерь	26
Костер	41
Лягушки	47
Тук-тук	61
Стас-ГЛОНАСС	75
Последний	90
Солдат	106

Петр Пицко

Потеряшки	115
Первая вахта	119
Поисковые боги	125
Девчонка	134
Длинный	141
Мистер Удача	147
Паранойя	157

За плечами Александра Савельева семь лет поиска. Ежегодно собирает он рыббинский экипаж, который работает в составе ПО «Гвардия» Новгородской области. В год – четыре-шесть вахт, от снега до снега. Основное место поиска – район Мясного Бора, где в 1942-м пыталась выйти из окружения противника 2-я Ударная армия...

Родные пропавших без вести солдат, чьи имена Савельев вернул из небытия, называют его «крестным нашего деда». Александр виртуозно владеет всеми техниками поиска, и сегодня «Гвардия» уже не представляет свою работу без рыббинского коллеги, которого знают и уважают многие авторитетные поисковики России. В своих рассказах Савельев говорит о поиске без прикрас и псевдопатриотики, пошукшински откровенно и честно. В них – и память, и горечь, и поисковый юмор, без которого в поиске никак нельзя. Просто это очень не легкая работа.

Награжден нагрудным знаком общероссийского поискового движения «За активный поиск».

Петр Пицко – второй секретарь Брестского городского комитета общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи», комиссар военно-исторического клуба «Гарнизон», организатор и участник реконструкции событий Великой отечественной. Память о войне – не красивые слова. Это работа. Наведение порядка на территории Брестской крепости, ремонт, реставрация, охрана от мародеров. И поисковые вахты. «Занимаюсь поиском, потому что кто-то должен это делать. Потому что долги надо отдавать» – считает Петр. Участник многих поисковых экспедиций в Белоруссии, «Тирольская память» в Италии. И под Великим Новгородом,

где полегло немало его земляков. Матерые коллеги с уважением говорят о нем: Петро из раскопа не вылезет, пока не вычистит до последней пуговки. А еще ценят его на вахте за юморной характер и авантюризм.